Н. КОНДРАТЬЕВ

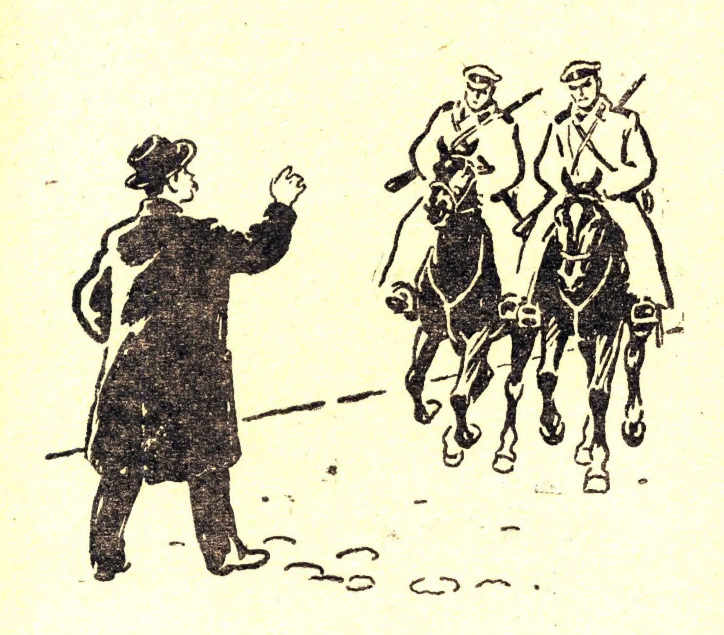
НАДЕЖНЫЙ ТОВАРИЩ

Н. КОНДРАТЬЕВ

НАДЕЖНЫЙ ТОВАРИЩ

Эпизоды из жизни Эйно Рахья —
связного В. И. Ленина

КАРЕЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТРОЗАВОДСК 1967

Издание 2-е, исправленное

Рисунки

Л. КОРОСТЫШЕВСКОГО

7-6-3
66-67 М

Имя Эйно Абрамовича Рахья прочно вошло в историю нашей коммунистической партии. Питерский красногвардеец, Эйно Рахья самоотверженно охранял жизнь В. И. Ленина, когда его усиленно разыскивали прислужники Временного правительства.

Эйно Абрамович родился 20 июня 1886 года в семье рабочего Кронштадтского порта. С детства испытав нужду и лишения, 13-летним подростком поступил он на работу в торпедную мастерскую. В 1903 году стал членом социал-демократической рабочей партии. Через год был арестован. Два месяца просидел он в тюрьме, перенес побои и пытку голодом, но товарищей не выдал.

В грозовом 1905 году Эйно Рахья возглавлял стачечный комитет на Финляндской железной дороге. Вместе с товарищами провозил на паровозе оружие и нелегальную литературу. За организацию забастовки Рахья был уволен и, опасаясь ареста, поступил кочегаром на английское судно.

Через три года вернулся в Петроград. Вместе с машинистами Эмилем Копоненом и Гуго Ялава занимался транспортировкой революционной литературы, перевозил за границу товарищей, спасая их от каторги и ссылки. Летом 1917 года по поручению ЦК большевистской партии Эйно Рахья стал связным В. И. Ленина.

9 августа 1917 года Эйно Рахья совместно с Александром Шотманом и при помощи машиниста Гуго Ялава организовал сугубо конспиративный переезд В. И. Ленина из Петрограда в Финляндию, затем возвращение В. И. Ленина из Выборга в Петроград.

В напряженные дни подготовки к восстанию Эйно Рахья доставлял В. И. Ленину газеты и журналы, резолюции и решения собраний и митингов и передавал через Выборгский райком ленинские письма и статьи, адресованные в ЦК партии и в газету «Рабочий путь», сопровождал В. И. Ленина на исторические заседания ЦК 10 и 16 октября, на встречи с руководящими работниками партии. В ночь с 24 на 25 октября 1917 года, рискуя

жизнью, Эйно Рахья провел В. И. Ленина с его последней конспиративной квартиры в штаб революции — Смольный.

И в дальнейшем большевик-ленинец Эйно Рахья также мужественно и умело выполнял задания вождя партии и создателя советского государства — В. И. Ленина. Он показал себя прекрасным организатором и полководцем в годы гражданской войны. В 1918 году Эйно Рахья командовал отрядами Красной гвардии во время рабочей революции в Финляндии. В 1919 году был комиссаром 1-й стрелковой дивизии 7-й армии, оборонявшей Карелию. Особенно ярко организаторские и военные способности Эйно Рахья проявились во время проведения боевой операции по разгрому белофиннов под Видлицей и Тулоксой, когда Онежская флотилия совместно с частями 1-й стрелковой дивизии нанесла сокрушительный удар по врагу. В дальнейшем Эйно Рахья стал кадровым военным. Он воевал против банд Юденича, был комиссаром воинских соединений на Украине и в Ленинграде. Родина наградила своего верного сына двумя орденами Красного Знамени. Умер Э. А. Рахья в 1936 году.

МЕТКИЙ ВЫСТРЕЛ

Эйно насторожился, услышав грузные знакомые шаги. Идет мама. Что-то она принесла с рынка?—Мать гулко захлопнула дверь, швырнула на морщинистый горбатый сундук пустую корзину, зло, порывисто сдернула пестрый ситцевый платок. Медленно, тяжело, словно ноги были чугунными, побрела к маленькому продуктовому шкафику. И Эйно понял, что сегодня она снова сварит постный суп. Ловкие сильные руки будут долго ворожить над кастрюлей, подсыпать каких-то корешков и листиков, и к приходу отца над столом повиснет легкое, вкусно пахнущее облачко.

Отец посмотрит на редкие масляные слезинки, плавающие в глубокой тарелке, скажет привычно:

— Опять тощий супчик-голубчик...

И мать сердито ответит:

— С получки подам жирный. А пока — постная неделя...

Мама все покупает сама, не затеряет, не отдаст зря копеечку. Нищим, просящим «милостыньку Христа ради», говорит с ласковой укоризной:

— Бог подаст, голубчик, а у нас нету...

Мама всегда работает: шьет, вяжет, стирает белье для соседок да еще успевает наводить порядок во дворе и на улице. Хозяин дома, отставной генерал Гаврилов, строго следит за чистотой, не угодишь — другую найдет дворничиху. Поцарапанные, обветренные, шершавые руки матери всегда чем-нибудь заняты, только в кирке и отдыхают.

Неприятно смотреть, как дрожат от гнева тонкие синеватые губы матери. Эйно чувствует себя виноватым. Из прошлой получки у него высчитали рубль; пропало, считай, четыре рабочих дня. Эйно долго доказывал родным, что во всем виноват мастер Никодим Васильевич — придирается по разным пустякам, придумывает всякие штрафы, но мать не поверила, голубые глаза ее потемнели от ярости:

— Ступай в рощу. Неси розги...

И тогда неожиданно вступился отец:

— Ты несправедлива, Катарина. Мастер Троицкий — известный подхалим и хапуга. Рабочие торпедной мастерской не знают, как от него избавиться.

— Не защищай! Зря не накажут. Вот Эдвин не потерял ни гроша. Из штрафа обед не сваришь...

Отец промолчал. Эйно взял шапку, побрел к двери, но мать остановила:

— Ладно, не ходи! Только смотри, снова нарвешься на штраф — получишь двойную порцию...

Лучше бы сразу наказала...

Надо как-то помочь маме. А что, если побродить по берегу; в камышах в эту пору скрываются выводки уток. Эйно снял со стены ружье, тихо сказал:

— Пойду. Может, и подстрелю...

— Ступай, ступай, там такого охотника ждут не дождутся. Вот разобьешь ботинки,— придется ходить босиком.

— Я скоро вернусь...

На Малой Екатерининской улице Эйно увидел городового. Он шел не спеша, важный, солидный, весь до блеска начищенный и натертый. Удивительно похожий на откормленного петуха. Лучше его обойти. Эйно торопливо перешел на противоположную сторону улицы. Городовой последовал за ним. Сердито спросил:

— Ты чей будешь, мальчик? Чего это скачешь? С ружьем-то куда?

— Какой я мальчик! Я рабочий,— и Эйно протянул городовому пропуск и номерок.— Видишь, с торпедной. От Никодима Васильевича Троицкого.

— Знаю. И совсем не в том суть. Ходишь по главной улице с берданкой. Непорядок.

— Непорядок, Василий Логинович...

— Не шуми. Видишь, весьма почтенные дамы приостанавливаются. Думают, что-нибудь худое приключилось... И тут непорядок...

— Непорядок, Вас...

— А ну пошел отсюда, попугай несчастный. Сгинь, чухонская морда!

Багровый румянец накалил щеки Эйно. С трудом сдержался, молча прошел мимо обидчика. Если бы такие поганые слова сказал кто-либо из ровесников,— обязательно получил бы оплеуху, а с городовым драться нельзя. Ружье отнимет так же просто, как отбирает мячи при игре в лапту или самодельные бумажные змеи. И всегда одни и те же слова — «главная улица» и «непорядок». Ребята так и зовут городового — Непорядок.

По Петербургской улице Эйно вышел к Петроградским воротам, постоял у пассажирской пристани, снял с плеча ружье и медленно побрел вдоль залива.

Стрижи просвистели острыми крыльями над самой головой, крупная чайка плавно опустилась на ослепительно белую воду, в камышах звонко прокричал чибис: «Ты чей, ты чей».

«Не твой, конечно»,— улыбнулся Эйно и, прищурив слезящиеся глаза, долго пытливо смотрел на густые камыши. Тишина. Сердито швырнул в воду камень. Стремительно поднялся рыжевато-коричневый чирок-свистунок и, часто испуганно махая крыльями, резко набирая высоту, полетел в сторону дамбы. Эйно вскинул ружье, но стрелять не стал — поздно, зря сожжешь патрон. Очень обидно; не ахти какая добыча, но все-таки пришел бы не с пустыми руками...

Не задерживаясь, Эйно зашагал к дамбе. Издалека она казалась указательным пальцем, протянутым к фортам. Когда-то к дамбе приставали суда, сейчас — прижимались рыбацкие лодки.

Держа ружье наготове, Эйно вступил на зеленоватые скользкие камни. Шел пригнувшись, затаив дыха-

ние. Заметил недалеко от дамбы три толстых смоляных чурбана. Надо будет подогнать их к берегу и на тележке отвезти домой. Высохнут — хорошие дрова будут. Можно сказать маме: «Не зря сходил». Неожиданно чурбаны ожили, вода вокруг них забурлила, побелела от пены. Эйно успел рассмотреть короткие, спереди закругленные усатые морды. Тюлени! Откуда они взялись? Наверное, с Ладоги.

Тюлени, по-видимому, услышали шаги и быстро поплыли в залив, то сдвигая, то отбрасывая в стороны упругие, взблескивающие ласты. Самый крупный, желтовато-серый, открыв глубоко прорезанную пасть, хрипло, предостерегающе промычал, нырнул и исчез под водой.

Эйно лег на камень. Какой неудачный день сегодня!.. А может, они еще вернутся? Здесь нет ветра, вода теплая, ласковая. Хорошо им греть жирные животы. Приплывут, обязательно приплывут. Только сегодня ждать нет смысла. Патрон слабый, мелкодробный, на такого крупного зверя не годится.

Зычно прогудел гудок электрической станции, за ним сипло пробасил газовый завод. Сейчас отец спешит из порта домой. Мама не любит, когда опаздывают к обеду.

Эйно встал, стер грязь со старенького костюма и пошел на свою Малую Екатерининскую. Было обидно — упустил такого глупого чирка, а главное — спугнул тюленей. О них нельзя никому рассказывать. Завтра пораньше отпроситься с работы и бежать к дамбе. Только Никодим Васильевич не отпустит. Все злится, ругается: «Ерш поганый. Заводила. Упрямый чухонец»...

Вся семья уже была в сборе, за столом. Мать укоризненно посмотрела на Эйно.

— Что убил?.. Ноги. Я так и знала. Мой руки. Садись...

За столом не разговаривали. У каждого — своя тарелка, ложка, порция хлеба. У мамы точная рука — всех наделяет одинаковыми ломтиками.

Весь вечер Эйно думал о тюленях. Крупной самодельной дроби хватило лишь на один заряд. Надо подобраться как можно ближе, чтобы стрелять наверняка. Выстрел должен быть метким...

И ночью Эйно видел во сне тюленей. Огромные, пузатые, они плавали у дамбы, забавно мычали и хрюкали. Самый толстый, удивительно похожий на городового Василия Логиновича, грозил ластой, как шашкой, и сердито кричал:

— Не-по-ря-док! Не-по-ря-док!

Эйно стрелял и стрелял в упор, а тюлень укоризненно качал мордой и старательно приговаривал:

— Не-по-ря-док...

Проснулся от толчка брата:

— Ты чего это дерешься? Два раза по уху двинул.

— Это так... нечаянно. Сон плохой приснился.

— Повернись на другой бок, новый придет.

Эйно послушно повернулся, задремал и опять увидел тюленей.

Встал раньше всех и первым ушел на работу. День казался бесконечным, и Эйно несколько раз ходил к конторке и смотрел на стенные часы. Столкнулся с мастером.

— Ты чего здесь крутишься, ерш поганый? — сердито спросил Троицкий.

— Мама просила... быть к часу. Прихворнула вроде. Отпустите, пожалуйста,— робко попросил Эйно.

— По роже вижу — сочиняешь.

— По делу надо, Никодим Васильевич.

— Смотри — напрыгаешься. Запишу четвертак в поминальник.

— Вы лучше побейте, только штраф не пишите.

— Марш на место!

Больше к часам Эйно не ходил. Обрадовался, когда товарищ по верстаку, Володя Максимов, сказал:

— Шабаш, Эйно. Ну, как, сходим на рыбалку?

— Сегодня не могу. Буду по дому помогать...

С работы шел быстро, нигде не задерживаясь. Погода теплая, тихая, солнечная. Тюлени приплывут, должны приплыть к дамбе.

Мамы дома не было,— наверное, ушла на рынок. Вот и хорошо — не надо выдумывать, куда уходишь и зачем.

Эйно взял ружье, сунул патрон в карман и быстро вышел из комнаты. Не желая встречаться с Непорядком, пошел по глухому Медвежьему переулку. Постепенно ускоряя шаги, выбежал к заливу. На дамбе нет

рыболовов. Никто не помешает. Эйно зарядил ружье. Щурясь от ярких лучей солнца, с трудом рассмотрел три желтовато-серых туши. Лежат неподвижно, греются, желанные. Шаги услышат — не подпустят. Лег на грязные, осклизлые камни. Подумал с горечью — порки, пожалуй, не миновать.

Пополз, плотно прижимаясь к жесткой дамбе. Сразу почувствовал — камни дерут кожу, как драчовым рашпилем. Больно, а надо терпеть.

Тюлени зашевелились. «Неужели почуяли?» — испуганно замер Эйно. Минуту лежал неподвижно, со страхом раздумывая: «Уплывут или не уплывут?» Смотрел и не понимал, чем это они занимаются. Глупые какие-то: высоко подпрыгивают, выставляют на солнце то бока, то брюхо, то спину. Удирать-то вроде и не собираются.

Эйно снова двинулся вперед. Какие острые камни! Локти и колени горят, словно ошпаренные кипятком. А ползти еще очень далеко. Едкий пот попадает в глаза, выгоняет слезы. Только успевай вытирать рукавом. Дышать тяжело. Хотя бы тучка какая приплыла — прикрыла бы жаркое солнце. И остановиться нельзя — надо ползти, пока эти толстяки играют. К тому же на дамбу могут прийти рыболовы, и тогда все пропадет. Или прибегут ребятишки купаться. Хорошо бы сейчас сбросить мокрую от пота рубашку и окунуться в свежую воду. А тюлени как будто устали: потягиваются, разевают широкие пасти. Самый грузный, рыжий, лежит неподвижно, как дубовая колода. Может, он у них вроде часового. Охраняет семейку. Придется подождать.

Эйно осторожно оглядывается назад. Слава богу,— на дамбе никого нет. Интересно, который час? Должно быть, скоро забасит гудок газового завода. Может спугнуть тюленей. И юный охотник пополз по сдирающим кожу камням. Какая длинная дамба. Никогда еще так не уставали руки и ноги. Непослушные, как будто чужие. Стрелять еще нельзя — далеко, вдруг промахнешься, а второго патрона нет. Вода вокруг тюленей снова забурлила. Как они легко и ловко вертятся, гоняются друг за дружкой, словно играют в пятнашки. Вот теперь можно ползти побыстрее. Эйно повернулся на бок. Гулко звякнул приклад ружья. Ры-

жий толстяк наполовину вылез из воды, насторожен-но посмотрел вокруг большими блестящими глазами. Эйно прильнул к теплым камням. Два тюленя налетели на рыжего и опрокинули его на спину. Он обиженно фыркнул и поплыл к дамбе, вспенивая воду сильными, упругими ластами.

«Кажется, обошлось»,— обрадовался Эйно. Вытер мокрое лицо. Прикинул: еще проползти пять — шесть шагов и можно стрелять в рыжего. Он ближе всех. Что-то противно шлепает по камням. Оторвалась подметка. Вот некстати.

Рыжий тюлень перевернулся на живот, приподнял голову. Прислушивается. Пора! Эйно снял ружье, прицелился в усатую морду, плавно нажал на спусковой крючок. Сильный выстрел качнул тело назад. Медленно растаял остро пахнущий пороховой гарью желтоватый дымок. Эйно увидел белую воду. А где же тюлень?

Неужели промахнулся? На шуршащей пене рассмотрел яркие алые пятна. Их все больше и больше. Они шевелятся, образуют широкий красный круг. И в этом булькающем кругу появляется тяжелая рыжеватая туша. Еще сжимаются и отбрасываются в стороны ласты, но тюлень уже не может плыть, бессильно крутится на месте. Он ничего не видит...

Эйно вздрогнул, услышав гудки. И сразу же подумал: «Мама накрывает на стол. Наверное, опять сварила тощий суп. А вот завтра обед будет жирным, вкусным. В этой туше много мяса. Надо ее пригнать к дамбе и как-то привязать, а то уплывет в залив».

Эйно разделся. Он хорошо плавал, и ему удалось довольно быстро подогнать тушу к дамбе, но закрепить ее долго не мог. Поясной ремень оказался слишком коротким. Решил поискать что-нибудь подходящее на берегу. Может, обрывок каната попадется...

Услышал веселый голос:

— Ты чего потерял, Эйно?

По дамбе, помахивая гибкой, свистящей удочкой, шел Володя Максимов.

— Нашел, да вот не унести,— обрадовался товарищу Эйно.— Как ты вовремя прискакал!

— Ты все смеешься, выдумываешь всякие фокусы. Говорил: «Буду маме помогать».

— И помог. Убил тюленя. Пойдем покажу:

Прошли узкую полоску камыша.

— Смотри на большой серый камень,— подсказал Эйно.

— Ой, какой огромный боров! И как это тебе удалось?

— После, после расскажу. Беги к Эдвину. Пусть он возьмет ведро, мешок, финку и мчится сюда. Да по пути прихватите Сашу Инно. У него лодка есть.

— А что мне дашь?

— Ласты. Привяжешь и будешь плавать, как тюлень. Ступай, ступай!

— Тюлень, тюлень,— проворчал Володя, направляясь в город.— А ты посмотри на себя, на кого похож.

Эйно не спеша осмотрел свой рабочий костюм. На коленях и локтях дыры, на пиджаке не осталось ни одной пуговицы. Поморщился. В таком виде лучше

и не приходить домой. Мама очень рассердится. И отец обидится. Он не будет кричать и драться. Достанет начищенные до блеска ботинки, скажет с болью и горечью:

— Смотри, поросенок, двадцать лет ношу. И совсем еще новые. А тебе весной купили и уже растрепал. Режешь ты нас без ножа.

Отец всегда вытаскивает праздничные ботинки, когда нужно пристыдить небережливых сыновей. И очень неприятно смотреть, как меняется его добродушное лицо: багровеет, становится угрюмым и печальным. Весь вечер отец читает «Тюемиес» [1] и ни с кем не разговаривает...

Веселые детские голоса оборвали грустные размышления Эйно. Ребята пробежали мимо охотника к его добыче и сразу же заспорили: кто будет потрошить и кто снимать шкуру. Эйно обиделся: «На животе не ползали, а распоряжаются, как будто это они убили тюленя».

Подошел, сказал строго:

— Разделывать будем на берегу. Саша, пригони-ка сюда лодку.

— Такого бегемота в лодку и не втащишь. Еще потопит,— неуверенно возразил Саша. Ему очень не хотелось уходить от компании.

— А мы его возьмем на буксир. Ваня, помоги Саше.

Младший брат Эйно — Иван, застенчивый и послушный — дернул за рукав Сашу:

— Пошли, что ли!

Взволнованный, ликующий Эдвин подошел вплотную, шепнул брату:

— Вот я твою долю захватил. Подкрепись малость,— и положил в карман ломоть хлеба.

— Молодец,— улыбнулся Эйно.— Шибко есть хочется. А мама про это знает?

— Нет. Ох, и метко ты влепил.

— А отец про меня спрашивал?

— Он сказал маме: «Не беспокойся, Эйно придет к вечеру. Ружья нет — значит, охотится...»

---

[1] «Тюемиес» — «Рабочий» — финская рабочая газета.

— Лодку гонят,— услышав плеск весел, сказал Эйно.— Жаль, веревки нет. За ласты ремнями прицепим...

До вечера ребята кромсали тюленью тушу. Устали, измазались кровью и жиром. При дележе Эйно никого не обидел. Все были довольны. Домой возвращались, когда в Андреевском соборе зазвонили колокола.

— Отец Иоанн богомольцев созывает,— определил Володька.

— А их и звать не надо. Со всех мест наехали разные уроды,— усмехнулся Ваня.— Вокруг церкви огромная толпа.

— Вот посмотреть бы, как он их исцеляет,— сказал Саша.— Только туда не проберешься.

— Вы что шумите? — услышали ребята строгий голос.— На главной улице и в таком неприличном образе. Непорядок.

— Так точно, непорядок,— охотно согласился Эйно.— Больше не будем, Василий Логиныч.

— Марш по домам! Оборванцы...

Ребята побежали.

Эйно догнал братьев у дома. Тихо предупредил:

— Я войду первым. Вы ничего не говорите. Пусть мне попадет одному.

Мать взглянула на Эйно, всплеснула руками:

— Ты где это был? Что ты наделал?..

— На дамбе... Крался к тюленям. Вот камни и оборвали...

— Камни виноваты! Ступай в рощу.

— А я уже захватил с собой прутья. Виноват так виноват...

— А чем это от вас так противно пахнет?

— Эйно убил тюленя,— вмешался Иван.

— А завтра убьет слона,— усмехнулась мать.— Или тигра... В Кронштадте всякие звери водятся.

На пол с шелестом упала газета. Отец встал, подошел к Эйно:

— Что? Это правда?

— Правда,— тихо сказал Эйно.— Вон в коридоре ведро жира... И мясо...

— Молодец! Какой молодец! Катарина, да он настоящий охотник. Прямо герой...

— А в чем пойдет на работу твой герой? Посмотри, какие лохмотья...

— Мама, ведь я два часа на животе полз. Боялся их спугнуть. Все сам выстираю и починю...

— Ладно. Умывайся. Сейчас обед разогрею.

— А ты поджарь тюленью печенку. На всех нас хватит. Такая огромадная...

И Эйно принес в комнату ведро и мешок.

— Ох, и пахнет твоя дичь. Наверное несъедобная...

— А на севере только тюленей и едят. Я в книжке про это читал. А чем мы хуже самоедов?

— Ладно, поджарю, самоед ты мой несчастный...

...Ночью Эйно почувствовал, как чьи-то ловкие, сильные руки поправляют подушку и легонькое одеяло. Тихонько спросил:

— Ты что не спишь, мама? Уже рассветает...

— Чинила твой костюм. Не шуми, отца разбудишь,— и мать торопливо погладила светлые жесткие волосы сына.

НЕПОМЕРНАЯ ТЯЖЕСТЬ

Мать, не скрывая досады, сказала:

— Куда это он запропастился? Все гудки давно отшумели. Обед стынет. Садитесь!

— Может, он зашел в «Лиссабон»?

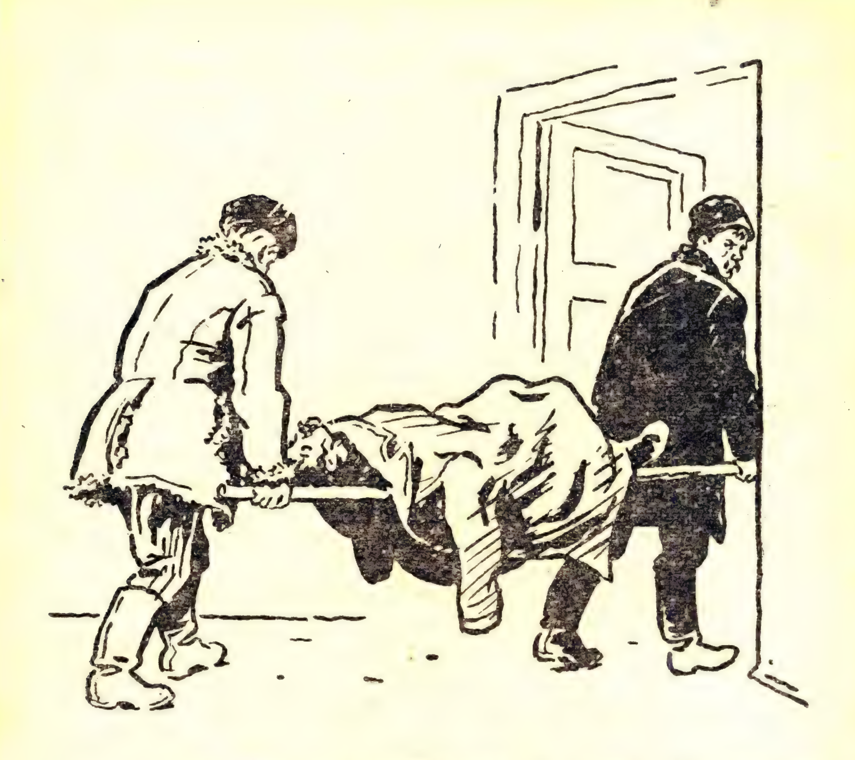
— Что ты говоришь, Эйно. В распивочную отец заходит только с получки...

За столом Эйно все время думал о том, где мог задержаться отец. К обеду он опаздывал всего два раза в месяц. И тогда приходил, заметно пошатываясь, молча выслушивал злые упреки и ложился спать.

— Наверное, папа остался на срочной работе,— высказал предположение Эдвин.— По ремонту...

— Он сказал бы мне об этом. Или предупредил бы через товарищей. Он всегда такой аккуратный. По нему часы можно проверять.

В голосе матери Эйно почувствовал с трудом сдерживаемую тревогу. Захотелось как-то подбодрить, успокоить ее:

— А может, его пригласили в гости. Справляют день рождения или свадьбу...

— Кто же ходит в гости в рабочем-то костюме? Что-то случилось...

— Я сбегаю в порт, узнаю,— поднялся с табуретки Иван.— В проходной скажут.

— Подождем еще полчаса,— сказала мать, убирая со стола посуду.

Сидели молча, прислушиваясь, не заскрипят ли внизу половицы.

Резко хлопнула дверь.

— Посмотрю,— обрадовался Иван и выскочил на лестницу. Через минуту вернулся, с досадой сообщил:

— Кто-то пошел в первую квартиру...

Все посмотрели на часы. Маятник сурово и размеренно отсекал секунды. Стрелки показывали полчаса шестого. Отец опаздывал на два часа. Ожидание стано-

вилось томительным, нетерпимым. Эйно встал, торопливо оделся, сказал решительно:

— Я пойду поищу его...

Перепрыгивая через три ступеньки, Эйно спустился с лестницы. Ногой открыл дверь, выбежал во двор и чуть было не столкнулся с несущими носилки.

— Тихо, сорванец! Открой-ка дверь,— сказал впереди идущий, и по голосу Эйно узнал плотника Ивана Петровича. Заикаясь, с трудом сдерживая слезы, спросил:

— Что с ним? Убили?

— Не шуми,— строго сказал Иван Петрович.— Захворал твой тятька. Ну-ка, придержи дверь.

Эйно отворил дверь. Пока протискивали носилки, успел рассмотреть неузнаваемо бледное, искаженное болью, родное лицо.

Рабочие поставили на пол носилки, словно по команде вытерли рукавами потные лица. Иван Петрович наклонился, попросил:

— Держись, Михалыч, крепче. Лестница крутая...

— Дайте я понесу,— сказал Эйно.

— Куда ты лезешь? Жидковат еще. Иди скажи матке — пускай постель раскроет.

Эйно промчался по лестнице, бросился к матери:

— Только не пугайся. Его несут... с работы. Приготовь кровать...

— Что с ним, Эйно? Жив ли?

— Говорят, захворал. Да ты не плачь, мама. Он у нас сильный...

— Какой там сильный... если несут...

Пошатываясь от усталости, в комнату вошли плотники. Носилки поставили у кровати. Иван Петрович виновато сказал:

— Похоже, надорвался наш Михалыч. Поднял непомерную тяжесть. Давай, Никанорыч, разденем его и определим к месту.

— Я сама. Все сама. Только потом помогите положить,— попросила мать, опускаясь на колени.

Эйно заметил — пальцы матери дрожат и накак не могут справиться с пуговицами. Отец смотрит на нее широко открытыми голубыми глазами, хочет улыбнуться, но не может,— нижняя губа прикушена до крови. Ему наверное, очень больно, а не стонет — терпит.

И в дороге, должно быть, молчал. Губы темные, словно изжеванные. А как изменилось лицо! Всегда румяное, загорелое,— стало совершенно бескровным, дряблым, восковым.

На кровать поднимали втроем, но, видно, взяли или положили как-то неловко, и отец закричал громко, протяжно, сердито. По щекам скользнули выжатые болью, скупые слезы.

Мать припала к краю кровати, рвущимся голосом спросила:

— Что болит-то? Как тебе помочь?

— Живот... Мастер крикнул: «Неси скорей»... А брус тяжелый... Я не мог...

Отец с трудом произносил слова, и все поняли, что он чувствует себя виноватым перед семьей и не знает, как оправдаться. Его лицо покрылось мелкими капельками пота, словно он снова поднял непомерную тяжесть.

Мать уткнулась лицом в одеяло, плечи мучительно часто задрожали. Иван Петрович поднял ее, сказал укоризненно:

— Нельзя так, Катерина Матвеевна. Может, все по-хорошему обойдется. Держись...

Неразговорчивый, темный от пота и пыли, Василий Никанорович угрюмо добавил:

— Возьми себя в руки, хозяйка. Если что, так пришли к нам мальчишку. А мы пойдем. Дома, поди, беспокоятся...

— Спасибо! За все хорошее — спасибо,— проводила плотников до двери мать.

Эйно подошел к отцу, концом простыни вытер пот на его лице, спросил:

— Может, надо какие порошки? Я мигом сбегаю...

— Не надо... Остаешься за хозяина... Береги мать, братьев...

Тяжелая жесткая рука отца примяла непокорные волосы сына, шершаво прошлась по щеке и беспомощно упала на одеяло. И не слова страшного предупреждения, а немощная, вышедшая из повиновенья рука отца напугала Эйно. Он хорошо знал силу, ловкость, умение этих трудолюбивых рук. В дровяном сарайчике они ладно и красиво мастерили лыжи и санки, оконные рамы и табуретки, шкафчики для посуды и белья. Эти

умные и сильные, покрытые мозолями и ссадинами руки выдумывали веселые, чудесные игрушки, вызывающие зависть и восхищение мальчишек всего двора.

Отец застонал, заскрипел зубами. И Эйно понял, что он больше не может кусать губы, сдерживая в себе нарастающую, непереносимую боль. Она оказалась сильнее и поборола его. Надо как-то помочь отцу, облегчить страдания. Но как это сделать?

Мать неслышно подошла к кровати, неуверенно предложила:

— А что, если позвать чудотворца отца Иоанна Сергиева?

— Он не поможет,— угрюмо сказал Эйно.

— Как ты смеешь так говорить? Отец Иоанн спас от смерти дочь купца Гуляева, исцелил сотни калек.

— К купцу-то Гуляеву он поедет, а к нам — никогда. Ведь мы иноверцы, чухны. Нужно звать доктора.

— Доктору тоже надо платить...

— Доктора! Доктора,— приподняв голову, простонал отец. В углах его черных губ закипела пена. Откидываясь на подушку, громко повторил:

— Зовите... доктора... Морского... Исаева...

Эйно быстро оделся, сказал отцу:

— Потерпи еще немножко...— и выскочил из комнаты.

Лениво падал снежок. Дорога стала коварной, скользкой. Эйно дважды упал, пока добрался до Петербургской улицы. Бежал, шумно, тяжело дыша. Боялся опоздать. Время позднее. Может, все врачи разошлись по квартирам. Услышал за спиной зычный, повелительный голос:

— Эй поберегись!

Эйно рванулся к забору. Швырнув в лицо облако снежной пыли, пронеслись резные, заляпанные позолотой легкие санки. Мелькнула дорогая бобровая шуба отца Иоанна Сергиева и смеющееся розовое лицо его «секретарши» Веры Перцовой.

Эйно протер глаза, выругался и еще быстрее побежал по глухой Песчаной улице. Вот, наконец-то, показался Морской госпиталь — огромное здание, похожее на букву Н.

Швейцар хотел что-то спросить, но Эйно стремительно проскочил мимо него и, задыхаясь от усталости, ворвался в приемный покой.

— Что с вами? Вам кого, мальчик? — спросила миловидная женщина в белом халате.

— Главного доктора... Исаева...

— Он сегодня уехал в Петербург. По делам. А вы по какому, собственно, поводу?..

— У нас отец помирает... Он в Новом адмиралтействе работает. Плотником. Абрам Рахья...

— Не надо плакать. Сейчас я вызову дежурного врача.

— Как же... Отец просил главного... Исаева.

Эйно было стыдно, что не мог удержаться, разревелся. А может, это и к лучшему. Скорее кого-нибудь пошлют. Что-то дома делается? Как назло, долго не идет дежурный врач. Он, наверное, очень устал и не хочет тащиться в такую даль по глухим, сонным улицам Кронштадта. Какой тяжелый день сегодня!..

— Где вы живете, молодой человек? — услышал Эйно усталый, тихий голос.

Оглянулся. Перед ним стоял сутулый пожилой мужчина, с маленьким чемоданчиком в руке.

— На Малой Екатерининской. Дом отставного генерала Гаврилова; может, знаете...

— Бывал. Ну что же, сейчас поедем.

— Я скорее вас добегу. Скажу, что вы уже выехали. А как вас зовут?..

— Груздев. Доктор Груздев — и всё...

— Спасибо вам... большое, большое, доктор.

За воротами госпиталя Эйно вспомнил о том, что он ничего не спросил о плате за столь поздний визит. «Ничего, рассчитаемся дома. Кажется, этот Груздев — человек подходящий. И в долг поверит...»

Эйно бежал быстро, но санки доктора все-таки обогнали его на Малой Екатерининской.

В комнату вошли вместе. Доктор поздоровался, на минутку задержался у вешалки и сразу же прошел к больному. Молча взял кисть руки, посмотрел на круглые серебряные часы. Нахмурился, покачал головой. Порывисто приподнял и сдвинул к подбородку отцовскую рубаху, пощупал урчавший, вздувшийся живот, чуть слышно произнес:

— Ярко выраженный валвулис.[1]

Мать, жадно наблюдавшая за каждым движением и взглядом врача, не вытерпела:

— Ну как, доктор? Он будет жить?..

— Необходима немедленная госпитализация. Я сейчас же вызову карету «Скорой помощи». Приготовьте больного...

— Вы ничего не сказали... Как нам быть-то? — снова спросила мать.

— Я должен вас предупредить — положение крайне тяжелое. Нужно было сразу же отправить пострадавшего к нам. Обещаю вам сделать все, что в наших силах для его спасения. —И доктор пошел к вешалке.

Мать догнала его, торопливо сунула в карман заранее приготовленный рубль, попросила:

— Пожалейте нас, доктор... Пропадем без него...

— А вот это совершенно лишнее, сударыня,— рассердился Груздев.— Не обижайте меня, пожалуйста.

Пошарил в кармане, торопливо положил на стол деньги и, надев пальто, вышел.

Пошатываясь, мать добрела до стола, испуганно и удивленно крикнула:

— Эйно! Доктор нечаянно оставил свои деньги. Десять рублей. Догони и отдай.

Без шапки Эйно выскочил во двор. Подняв воротник шубы, Груздев быстро шел к калитке. Эйно подбежал к нему, тронул за рукав:

— Ваше благородие... господин Груздев, вы по ошибке передали красненькую... Вот...

— Я не ошибся. К сожалению, у меня была только эта десятка. Беги домой,— простудишься... Помогай матери...

Эйно хотел сказать, что это очень большие деньги, и в месяц столько не заработать, но не мог произнести ни слова. Проводил взглядом ставшего очень близким незнакомого человека и побрел домой.

Матери, одевавшей отца, сказал:

— Не взял он десятку. Пожалел, что больше не мог дать. А ты ему не верила...

— Ладно,— всхлипнула мать.— Оденься. Стереги карету. А то еще мимо проедут...

---

[1] Валвулис (латинское) — заворот кишок.

Эйно опасался, что карету «Скорой помощи» придется очень долго ждать, а доктор говорил о немедленной госпитализации. Успеют ли?

Вышел на улицу. На углу увидел сани. Возле них стоял городовой и что-то объяснял кучеру. Звонко щелкнул кнут. Лошадь понеслась рысью, отбрасывая в стороны комья снега.

Сани остановились рядом с Эйно. С них спрыгнули двое в белых халатах, напяленных поверх черных шинелей.

— К нам! К нам! — крикнул Эйно.— Идите скорее за мной!

Увидев санитаров, отец, словно прощаясь, не спеша обвел глазами комнату, тихо попросил:

— Дети, подойдите ко мне.

Трижды поцеловал каждого сына, сказал глухо:

— Живите дружно... помогайте маме и Эдвину.

Мать молча простилась с отцом, но, когда его клали на носилки и он тяжело застонал, сквозь слезы потребовала:

— Тише, идолы! Не мучайте...

— Не беспокойся, хозяюшка,— хмуро заметил пожилой санитар.— Твой не первый и не последний. Дело оно привычное...

Осторожно и ловко они спустили отца вниз по лестнице, поставили носилки на просторные сани и накрыли их огромным тулупом.

Старший санитар с нескрываемой грустью в голосе произнес:

— Бегите домой, сыночки. Простудитесь, и вас придется везти...

— Ничего, мы стужи не боимся. Только скорей. И передайте его Груздеву... Только Груздеву,— попросил Эйно.

Кучер хлестнул молодую сильную лошадь. Через минуту санки скрылись за углом.

— Пойдем, Эйно,— сказал Ваня.— Мама, наверное, плачет... А я вот не могу. Не верится. Как во сне...

— Ты молодец. Я в госпитале расплакался.

— В госпитале это кстати. А вот Эдвин третий час ревет.

— Эдвин больной. Ему простительно.

Мать лежала, уткнувшись лицом в подушку. За пологом, отвернувшись к стенке, чуть слышно всхлипывал Эдвин.

Братья сели к столу. Молча ждали, что прикажет мать, когда успокоится и придет в себя. Тишина была длительной, тяжелой. Ваня встал, подошел к кровати, тихо спросил:

— А что нам делать, мама?

— Давайте молиться...

Из ящика стола достала молитвенник. Сполз с кровати и, морщась от боли, приковылял к матери Эдвин. Рядом с ним стали Иван и Эйно.

Взволнованно и горячо мать трижды повторила: «Хэрра Юмалани». Прочла молитву. Уверовав, что всемогущий бог услышал ее слова, стала умолять оставить в живых мужа-кормильца. Мать напомнила богу о том, что она проводила в его райский сад одну за другой семь своих дочерей и одного сына. И все они были чистейшими энкели.[1] Без отца семья не может жить, все умрут с голода.

---

[1] Энкели (финское) — ангел.

Мать часто произносила — «Суокоон Юмала»,[1] и ее сыновья вторили: «Суокоон Юмала»,— и никто из них не сомневался в том, что в эти минуты бог слушает только их просьбы.

У Эдвина заболели ноги, он морщился и упорно повторял сквозь слезы:

— Суокоон Юмала... Суокоон Юмала...

Мать напомнила богу, что в ее семье все работают, но младшие сыновья, Иван и Эйно, еще несовершеннолетние и получают в день всего лишь двадцать пять копеек, а у Эдвина затяжной ревматизм, и только на лекарства уходит три с полтиной.

И, высказав богу все наболевшее, мать строго сказала сыновьям:

— Время позднее, ложитесь спать. А я пойду уберу снег.

— Отдохни, мама, я все сделаю во дворе,— сказал Эйно.— Я все буду делать за отца, пока он не поправится...

— Ложись! Завтра рано на работу. А мне все равно не уснуть.

Но и сыновья ее не могли уснуть в эту тревожную, длинную ночь. Эдвин тихо сказал:

— Если отец умрет, мне тоже не жить. Кто меня лечить будет?

— Какой ты еще глупый,— обиделся Эйно.— Все будем лечить. Все, понял?..

— Отец получал рубль тридцать пять копеек в день, и то не хватало...

— Мы с Ваней станем птиц ловить и продавать на базаре. А потом можно делать табуретки, вешалки, игрушки. Да и Яков нам поможет...

— У Якова теперь своя семья. За три года только два раза прислал деньги матери.

— Не хныч, не пропадем...

Ничего не ответив, Эдвин повернулся к стене.

«Рассердился,— подумал Эйно.— Сам виноват, только и твердит о смерти. Груздев очень хороший врач. Он спасет отца».

И, засыпая, Эйно решил рано утром забежать в госпиталь.

---

[1] Суокоон Юмала (финское) — дай бог.

Проснулся, услышав скрип двери и приглушенное рыдание матери. Вскочил и сразу догадался — случилось самое страшное.

— Не дошли наши молитвы до бога,— глухо произнесла мать.— Говорят, надо было везти в госпиталь прямо с работы... После операции не могли привести в сознание. Как мы теперь жить-то будем?

Эйно хотел сказать: «Почему не дошли молитвы, ведь мы вчетвером просили», но удержался — все равно не ответит. Подошел к матери, провел ее к стулу, сказал, задыхаясь от огромного, страшного горя:

— Люди помогут, мама. Есть на свете и добрые люди...

СОВЕСТЬЮ НЕ ТОРГУЮ...

— Мы весьма ценим ваши солидные знания и опыт, многоуважаемый Эйно Абрамович,— не глядя на собеседника, сказал управляющий заводом,— но вы проявляете ужасное, нетерпимое панибратство по отношению к рабочим. Почему-то всегда идете им на уступки.

— Наши рабочие зарабатывают меньше, чем, скажем, на заводе Людвига Нобеля,— хмуро заметил Рахья.

— Не понимаю и не одобряю подобные параллели. Вы думаете только о том, как бы угодить рабочим и, вольно или невольно, способствуете банкротству нашего завода.

— Я был рабочим и знаю цену трудовой копейки.

— К сожалению, вы и остались рабочим. В роль мастера так и не вошли. Вы знаете дело, но, по моему глубокому убеждению, совершенно неделовой человек. А посему мы вынуждены отказаться от ваших услуг.

Эйно Рахья вздрогнул, потер жесткие, пахнущие машинным маслом ладони. Вот как повернулся разговор! Встал, глухо сказал:

— Кому прикажете... сдать?

— Вижу,— вы очень расстроены. Мы вас предупреждали, и неоднократно. Вы получите от нас самые наи-

лучшие рекомендации и без особого труда подыщете хорошее место. Однако вы должны сделать для себя вывод — мастер не только специалист, но и счетовод. А должность... что ж, должность сдадите Василию Васильевичу Пудову...

— О, этот подхалим и жулик вам вполне подойдет,— горько улыбнулся Рахья и торопливо вышел из канцелярии.

...Вечером Эйно Рахья собрал свои свидетельства, удостоверения, аттестаты за пятнадцать лет трудовой жизни, сложил по порядку. Получилась довольно солидная пачка.

Пригодятся. Только вот куда пойти, как поступить на работу, если каждые заводские ворота атакуют безработные? А что, если поискать старых знакомых — мастеров и начальников цехов и попросить их «замолвить словечко», походатайствовать перед управляющими или начальниками? Ведь были когда-то «друзья-приятели» и в Кронштадте и в Петербурге. Когда-то? А теперь вряд ли кто-нибудь из них решится рекомендовать на работу бывшего забастовщика, политически неблагонадежного человека.

Пожалуй, легче всего было бы найти место в Гельсингфорсе. Там много старых хороших товарищей. Только самые близкие из них угодили в тюрьму и ссылку. Да и самому пришлось спасаться бегством.

Так что же делать? До поздней ночи Эйно Рахья не мог найти ответ на этот вопрос.

Утром встал, как обычно, в шесть часов, выпил чашку крепкого чаю и направился на Выборгскую сторону. Там много заводов — может, и повезет. Обход начал с машиностроительного «Старый Леснер».

Пожилой тучный чиновник, слюнявя пальцы и забавно шевеля губами, долго перебирал и читал бумаги Рахья, потом, покачав головой, неожиданно объявил:

— Хотя вы и достойный мастер, но набора у нас нет и не предвидится.

— Так сразу бы и сказали. Зачем даром время теряли?..

Рахья забрал документы и поспешил на улицу. Под ногами грустно шуршали сухие листья. Глухо роптали, разбиваясь о каменный берег, волны Невки. Рахья минуты две постоял у знакомого завода Нобеля, но по-

дойти к проходной не решился. Отсюда уволили как забастовщика — не возьмут.

Незаметно дошел до телефонной фабрики Эриксона. В проходной пропустили с исключительной вежливостью и почтением. «Видно, мой костюм и шляпа понравились»,— решил Рахья, протягивая документы.

Любезно улыбаясь, человек, в прекрасно сшитой тройке, нараспев прочел:

— «Дано сие Эйно Абрамовичу Рахья»,— и вдруг споткнулся, улыбка сбежала с лица,— постойте, постойте, мы, кажется, с вами встречались...

— Не знаю. Я вижу вас впервые.

— А вы припомните, припомните. Впрочем, воспоминаньице-то явно неприятное. Я работал конторщиком на заводе господина Людвига Францевича Нобеля. И, знаете ли, дважды видел вас в роли выборного делегата забастовщиков. Больше того, мне пришлось писать одну срочную и важную бумагу. Когда же это было? Если память не изменяет,— в июле десятого года. А вскоре вас и выгнали. Да, фамилия редкая, памятная...

— Я понял, к чему вы клоните. Жалею о потерянном времени. Прошу документы...

— А вы не спешите, Эйно Рахья. Скажу прямо — вам некуда торопиться. Вы опасный человек, и во имя служебного долга я оповещу своих ближайших коллег. Пусть они остерегаются.

— На какую я дрянь наткнулся: шпион и провокатор в одном лице. Ну что же,— звони, звони. Только имей в виду — я тоже в долгу не останусь. У меня есть хорошие знакомые на Эриксоне. Прокатят на тачке...

— Угрожать! Вон, мерзавец! — вскочил бывший конторщик.— Убирайся в свою Финляндию, чухонская морда!

С трудом сдерживая ярость, Рахья собрал разбросанные по полу документы и вышел из маленькой душной конторки. Кровь стучала в виски. Противно дрожали руки. Как все глупо получилось! Нарвался на такую мразь. Пожалуй, правильнее было бы промолчать и сразу же уйти.

Решил на ближайшие заводы не заходить а проехать на Волховский переулок — к Айвазу. Там рабо-

тает токарем будущая родня — Эмиль Кальске. Сам он, понятно, личность мало весомая, но хоть что-нибудь толковое присоветует. Далеко, но придется идти пешком. Теперь надо на всем экономить. Неизвестно, сколько времени продлятся поиски работы. Очень обидно и больно — с таким трудом окончил специальную техническую школу в Гельсингфорсе, в кармане лежит диплом механика второго разряда, а дела нет. Любой холуй может указать на дверь.

Еще издалека Рахья заметил у проходной завода огромную толпу и понял — зря прогулялся. И все-таки подошел поближе, послушал, о чем говорят, на что люди надеются. Через несколько минут все выяснил. Оказывается, сюда пришли выброшенные из заводов Выборгской стороны активные участники сентябрьской забастовки. [1] Кто-то распустил слух, что владелец завода Яков Моисеевич Айваз собирается открывать новый цех.

Из проходной вышел хмурый полицейский надзиратель, помахал руками, требуя тишины и внимания, сипло пробасил:

— Еще раз объявляю — никакого набора не будет. Не теряйте зря времени, идите с богом домой.

Никто не сдвинулся с места. Рахья видел — люди очень устали, лица посинели от стужи, но, должно быть, страшно возвращаться к женам и детям без малейшей надежды на получение работы...

Рахья вытащил из жилетки часы. Как быстро летит время! Скоро окончится дневная смена. Ждать Кальске в такой толкучке нет смысла. К тому же он обязательно спросит о Лидии. По своей простоте и доброте, может намекнуть и о свадьбе. Ведь ухаживание продолжается второй год. А сейчас не до женитьбы. Кто пойдет замуж за безработного? Завтра суббота. Обычно в этот день всегда встречались. Делились всем, что осело на сердце за неделю. Придется пропустить. Врать нельзя, но и огорчать Лидию такой неприятнейшей новостью очень не хочется. Да к тому же и денег нет на

---

[1] 25 сентября 1913 года в С-Петербурге была проведена забастовка в знак солидарности с бастующими трамвайщиками Москвы и против репрессий рабочей печати.

самое дешевое развлечение. Какие там, к черту, развлечения, если матери и той нечего послать.

Сердитый, измученный, проголодавшийся Эйно Рахья побрел домой.

Утром решил обойти район Московской заставы. Побывал на заводах электромеханическом Сименса и Гальске, на механических Зигеля и Коппеля, на аккумуляторном Рекса. Встречали довольно радушно, долго рассматривали бумаги, куда-то звонили и так же вежливо объявляли, что, к сожалению, принять не могут. Только на Петербургском машиностроительном заводе чиновник не затягивал и не подслащивал отказ:

— Набора нет и не будет.

Забрел в мастерские международного общества спальных вагонов, и там неожиданно предложили:

— Возьмем. У нас вчера помер грузчик. Надорвался. На его место.

Рахья снял шляпу, поклонился:

— Покорно благодарю. Мне жизнь еще не надоела,— и вышел на улицу. Невольно вспомнил об отце. После его гибели мать послала три прошения о пенсии, четвертое — самому царю. Ответ получила через год из Морского министерства. На плотной гербовой бумаге изумительно красивым почерком было написано: «Покойный Абрам Михайлович Рахья сам повинен в гибели своей, а посему в пенсии надлежит отказать». И этот грузчик, видно, тоже «сам повинен в гибели своей». Как дешево стоит человек!..

До конца рабочего дня Рахья успел побывать на двух чугунолитейных заводах. Промокший до нитки, проголодавшийся, злой, забрел в дешевенькую чайную и сразу пообедал и поужинал.

В воскресный день никуда не ходил. Читал изрядно потрепанную, подклеенную папиросной бумагой книгу Войнич — «Овод». Книга увлекла поразительным мужеством и героизмом, помогла забыть неотступные заботы и тревоги. Но настал понедельник и звоном будильника у соседа напомнил: надо искать работу. И потянулись утомительно однообразные, тоскливые дни.

Рахья даже и не заметил, как растаяли полученные при расчете деньги. И в долг занять негде. Все братья успели обзавестись семьями и с трудом сводят концы

с концами. А тут еще хозяин дома зашел и напомнил:

— Эйно Абрамович, у вас за сентябрь не уплачено, а уже октябрь кончается. Сами понимаете,— я не могу содержать дармовых жильцов.

— Подождите, пожалуйста, пока не устроюсь на работу.

— Работу легко потерять, а найти не так-то просто. Я хочу знать, когда покроете долг.

— На этой неделе,— неуверенно ответил Рахья.

— Ну что ж, недельку можно и потерпеть, мы люди крещеные,— ехидно улыбаясь, сказал хозяин, зорко, неторопливо осмотрел скромное имущество квартиранта и вышел из комнаты.

Рахья закрыл дверь на крючок, сел к столу и стал думать — как добыть деньги и расплатиться за квартиру. Один выход — что-то продать. Но ведь ничего лишнего нет. Такая натура. Работал, учился, занимался партийными нелегальными делами. И в голову не приходило, что нужно приобретать хорошие вещи, которые можно продать в трудное время.

А что, если пойти к друзьям-товарищам — к Михаилу Ивановичу Калинину или к Александру Васильевичу Шотману — и попросить в долг. Конечно, дадут. Но ведь у них семьи. Нельзя!

После долгих раздумий Рахья пришел к выводу: придется продать золотые часы — подарок братьев в день двадцатипятилетия — 7 июня 1910 года. Памятный, очень дорогой подарок, но выхода нет. На улицу ночевать не пойдешь.

Часы взяли с уценкой на одну треть. Это было несправедливо, но пришлось согласиться. Могли и отказать.

А через неделю, измученный голодом и бесцельным хождением по заводам и фабрикам Петербурга, Эйно Рахья наконец-то нашел работу. Его приняли в сборочную мастерскую небольшого авиационного завода на Строгановской набережной. Главный конструктор аэропланов, он же и фактический владелец завода, Игорь Иванович Сикорский из всех документов Эйно Рахья заинтересовался лишь удостоверением, выданным технической школой в Хельсинки, в котором были про-

ставлены похвальные оценки по математике и «машинному отделению».

— Очень приятно иметь мастера, имеющего техническое образование,— сказал, улыбаясь, Сикорский.— Такие весьма редко встречаются. Даю вам три — четыре дня для ознакомления с производством, а потом примите дела. Надеюсь, что мы с вами сработаемся.

— Благодарю. Постараюсь,— ответил Рахья.

Завод ему очень понравился. Кругом чистота и порядок.

Станки совсем новенькие, солидных фирм. Над каждым рабочим местом — электрическая лампочка. А главное — дело-то какое интересное и важное — люди делают первые русские аэропланы.

Три дня Эйно Рахья присматривался к работе токарей, слесарей, сборщиков. Попытки установить знакомство с ними не увенчались успехом. На все вопросы отвечали неохотно, на солдатский манер:

— Так точно. Никак нет, господин мастер.

И по голосам и плохо скрытой злости на лицах Рахья почувствовал, что его здесь почему-то побаиваются и презирают. Как будто он совершил какой-то скверный поступок, глубоко обидевший этих замкнутых, строгих людей. «Что же я сделал, какую допустил ошибку, вызвавшую такую неприязнь?» — мучительно думал Рахья, проверяя свой каждый шаг на авиационном заводе.

Все стало ясным на пятый день. Рахья пригласили в контору управляющего заводом. Им оказался брат Сикорского — бледный, худощавый человек в новеньком, ладно пригнанном по фигуре мундире. Судя по погонам, капитан инженерной службы.

— Ну, как вам понравился наш завод? — спросил управляющий.

— Я видел много различных заводов и фабрик, но такой чистоты, порядка и дисциплины еще нигде не встречал.

— Дисциплина у нас военная,— улыбнулся капитан.— Иначе и нельзя. Строим летающие машины. Малейшая ошибка может привести к катастрофе в воздухе. Итак, завтра принимайте дела у мастера Прохорова.

— А что случилось с Прохоровым? — поинтересовался Рахья.

Управляющий не ожидал такого вопроса и, прежде чем ответить, достал из стола пачку папирос «Зефир» и закурил. Глядя в упор на собеседника, сказал:

— Собственно, с Прохоровым ничего особенного не случилось. У него есть и знания и опыт, но нет главного — административной жилки. Развел немыслимое панибратство с рабочими, торгуется с нами из-за каждой копейки. Для рабочих-то он хорош, а нам не подходит...

Эйно Рахья почувствовал, как жаркий румянец заливает щеки. Вот, оказывается, для какой гнусной роли выбрали его братья Сикорские! Понятно, почему так недружелюбно встретили его рабочие. С трудом сдерживая негодование, сказал:

— В таком случае и я не подойду для вашего заведения. Надо сразу было предупредить, что вам нужен фельдфебель, а не мастер.

— А вы не горячитесь. Подумайте вечерок-другой. Мы вас не торопим. Нигде вы такого оклада не получите. А потом учтите — нашему заводу принадлежит большое будущее.

Рахья встал, сказал твердо:

— У меня такой же характер, как у Прохорова. Совестью не торгую. Так и передайте господину Сикорскому.

— Обидно. Вы очень, подчеркиваю, очень понравились брату. Однако, как говорится, насильно мил не будешь. Завтра можете получить расчет.

В узком коридорчике Эйно Рахья встретил мастера Прохорова. Видно, он поджидал его. На лице старого мастера, как в зеркале, отразилось неотвратимо надвигающееся горе. Попытался улыбнуться, но глаза остались грустными и злыми.

— Вас можно поздравить, господин Рахья,— тихо сказал Прохоров.— Когда примете дела?..

— А я ничего принимать не буду. Я отказался от вашей должности.

— Да что вы! Не может быть. Ведь вы сами говорили, что два месяца искали работу. Вы что, не подошли?

— Как вам сказать?.. Хозяину-то я понравился, да вот, знаете ли, совесть не позволяет.

Прохоров крепко, порывисто стиснул локоть Рахья:

— Выходит, я на какой-то срок остаюсь здесь. Вот никак не ожидал. Вы так старательно принюхивались. И я сразу почувствовал — вы лучше меня знаете дело, и расчета не миновать...

— А вы попробуйте на время подстроиться под требования хозяев. Ведь у вас, наверное, семья.

— Сам пятый. Попробовать, конечно, можно. Но ведь я тоже когда-то был рабочим. И знаю, как они живут.

— Так я ведь и сказал: на время. Все может неожиданно измениться. К лучшему, понимаете, к лучшему.

— Понимаю, товарищ Рахья. От всей души желаю вам удачи.

— С удачей я, к сожалению, не в ладу,— хмуро улыбнулся Рахья.— Знаете, у меня есть небольшая просьба. Я заметил, рабочие на меня сердятся. И я теперь понимаю, в чем тут дело. Не хочу оставлять плохую память. Скажите, пожалуйста, им, что я не такая безнадежная дрянь, как им показался с первого взгляда.

— Они поймут. Не беспокойтесь. И знаете что — заходите-ка ко мне. Я здесь близко — Строгановская набережная, дом два. Мы будем очень рады вас видеть.

Эйно Рахья кивнул головой и торопливо зашагал к проходной.

Под ногами звонко и бодро хрустел молодой снежок. На чистом небе широким алым флагом горела заря.

«Завтра все надо начинать с начала,— с грустью подумал Рахья.— Ничего! С утра махну на Финляндский, к Эмилю Копонену. Человек бывалый, верный, что-нибудь дельное присоветует. Сколько наших товарищей от тюрьмы и каторги спас, провозя их на паровозе в Суоми. А на обратном пути тоже с пустыми руками не возвращался — привозил нелегальную литературу. Добрый друг всегда поможет».

Было совсем темно, когда Рахья добрался до ворот дома. Вздрогнул, услышав за спиной:

— Эйно Абрамович! Наконец-то дождался.

Оглянулся. К нему шел старый знакомый токарь с «Айваза» — Михаил Иванович Калинин.

— О, какой гость пожаловал, — улыбнулся Рахья.— А мне вот... и угостить-то нечем...

— Все знаю... Пойдем потолкуем.

В комнате Михаил Иванович тихо спросил:

— Как хозяин — на улицу еще не гонит?

— А чего же? Долг я заплатил. Продал часы...

— Вот это зря. Зашел бы к нам в страховую кассу — выручили бы. Я тебе оставлю тридцаточку.

— Не возьму! У тебя семья...

— Не баси! Это не мои. Партийные. Комнату надо сохранить, как явочную. Понял? Твоему думскому гостю, Григорию Ивановичу Петровскому, она очень

приглянулась. И еще одна просьба. Надо срочно отправить за границу одного нашего профессионала. Ты в этом отношении большой специалист...

— Это в прошлом. А сейчас я вроде передаточной цепи. Завтра поеду на Финляндский вокзал и уточню время. А оттуда заверну к тебе.

— Вот и договорились! Буду ждать часикам к шести. Есть интереснейшие новости и одно неотложное важное дело. Как раз по твоему характеру.

— Характер у меня скверный. Вспыхиваю, как порох,— улыбнулся Рахья.— А на дело у меня времени свободного много. Чем могу — помогу!..

ПАМЯТНЫЙ НОМЕР

Дверь, взвизгнув, распахнулась, и в комнату, служившую штаб-квартирой рабочей милиции Финляндской железной дороги, вбежал Иван Рахья. Он глубоко, жадно дышал. Капельки пота прокладывали светлые бороздки по его запыленному лицу. Крупной, тяжелой ладонью оперся о стол, сказал брату:

— Слушай, Эйно, есть срочное дело. По Невскому шатается всякая шваль. Собираются громить редакцию «Правды». Она помещается на Мойке, тридцать два. Надо навести порядок. Понял?

Эйно Рахья встал, сказал уверенно:

— Прикроем. Не привыкать.— Из кармана жилетки вытащил серебряные часы и, обращаясь к дежурному по штабу, Пекко Ламонену, приказал: — Собирай ребят по тревоге. Патроны получат у меня.

Достал новенький кольт, зарядил, повернулся к Ивану:

— А ты не беспокойся. Ступай по партийным своим делам. Если надо, товарищу Ленину доложи: охрана «Правды» в твердых руках. И все...

— А ты поторопи ребят.

— Ступай, ступай. Они рядом. Слышишь, бегут...

Комнату заполнили красногвардейцы. Подсумков у них не было. Поочередно подходили к своему коман-

диру. Он брал из ящика патроны и сыпал им в карманы.

— Отыскал двадцать два человека,— сообщил Ламонен.— Некоторые еще с работы не вернулись.

— Маловато, но обойдемся,— сказал Эйно.— Слушайте все. Поступил приказ от самого Ленина защитить редакцию «Правды» от погромщиков. Митинговать некогда. Бегом, за мной!

Весенний день был ясным, безветренным, теплым. Когда миновали Литейный мост, лица у всех стали красными и мокрыми.

Рахья слышал за собой шумное, тяжелое дыхание, густым басом подбадривал:

— Живей, живей, ребята. Как бы не опоздать.

Прохожие поспешно уступали дорогу и смотрели изумленно вслед бегущим вооруженным людям.

На Конюшенной улице пара франтоватых юнкеров с патрульными повязками на рукавах хотели остановить Рахья, но он сердито махнул рукой:

— Отцепись... Сомнем...

Юнкера отпрянули к стене дома.

Впереди перегородившая дорогу толпа. Пришлось задержаться.

«Видно, ждут хлеб насущный,— решил Рахья. Ох, и жизнь. Бедствуем, голодаем. А временные правители во всем обвиняют нас, большевиков. Подбирают всякий сброд. Неужели эта банда опередит нас и разгромит «Правду»?

Рахья злился. Противно дрожат усталые ноги, и словно не хватает воздуха. Как сдало здоровье. А всего-то тридцать два года. И ребята растянулись на полверсты. Надо переходить на шаг.

На углу Невского и Мойки Рахья остановился, собрал свой маленький отряд, сказал хрипло:

— Приготовьтесь! Там, слышите, шумят,— и торопливо зашагал по набережной.

У типографии «Сельского вестника», в которой временно помещалась редакция «Правды», толпились и, размахивая руками, кому-то грозили явно подозрительные люди.

Увидев вооруженный отряд, крикуны сразу притихли и быстро разошлись.

Рахья обрадовался:

— Прибыли вовремя. Главная позиция наша! — Вытащил платок, вытер лицо.— Апрель, а греет, как в июле.

Осмотрев улицу, Рахья расставил посты. Трех красногвардейцев послал в разведку на Невский. Старшему, Герману Риконену, наказал:

— Смотри и слушай в оба. Почуешь неладное — бегом к нам.

Довольный своей распорядительностью, Рахья подкрутил усы и прошел в типографию. Сразу же заметил — у всех какие-то напряженные, испуганные лица. Чего-то ждут, часто поглядывают на окна и двери, говорят полушепотом.

Объявил так громко, что вздрогнули:

— Не бойтесь, товарищи. Работайте спокойно. Мы будем вас охранять.

Наборщики не спеша заняли свои места у касс.

Рахья медленно обошел помещение и строго спросил пожилого, интеллигентного вида человека, почтительно следовавшего по пятам:

— «Правда» готова?

— Я, как фактор,[1] со всей ответственностью заявляю: с нашей стороны — я имею в виду наборный цех — все давно сделано. А вот ротация, как обычно, задерживает...

— Как обычно! — Рахья ткнул носком лежащие у стены пачки «Рабочей газеты».— Меньшевистскую кляузу, небось, уже отпечатали.

— Я доложил вам, товарищ... Простите, не знаю вашей фамилии... Сие от нас не зависит. Мы сдали полосы своевременно.

— Ясно. Посмотрим эту самую ротацию.—И Рахья спустился в печатный цех.

У ротационной машины сидел на табуретке пожилой, усатый, зеленоглазый, похожий на сытого, довольного кота, печатник и читал «Рабочую газету».

Вспыльчивый, прямой и резкий Рахья, с трудом сдерживая гнев, спросил:

— А почему простаивает машина?

---

[1] Фактор — нечто среднее между управляющим и старшим наборщиком или метранпажем.

Печатник бережно свернул газетку, положил в карман и, зевая, пробормотал:

— Как почему? Механизм испортился.

— Какой это механизм?

Печатник встал, с недоброй ухмылкой осмотрел добротную коричневую тройку и свежую модную шляпу «непрошеного гостя», сказал со злостью:

— А чего это вы, господин хороший, лезете не в свое дело? Ведь ровным счетом ничего не понимаете в ротационной машине, а вроде собираетесь меня учить.

— Не фасонь. Видали и посложней машинки. Показывай! — прикрикнул Рахья.

— Прошу здесь голос не повышать. Это вам не дворец Кшесинской.

— Показывай, говорю!

— Да вот, как на грех, болт сломался.

— Так что же, на него молиться будем? Возьми и смени.

— Ишь ты, какой лихой. Дать пику — форменный Кузьма Крючков. Не так-то просто. Проковыряешься...

— Хватит болтать! Давай запасной. Сейчас поставлю.

Печатник пожал плечами, нехотя достал из шкафчика пахнущие маслом и керосином инструменты, нашел болт.

Рахья привычно и ловко вывернул сломанный болт, поставил новый и сказал сконфуженному печатнику:

— Давай полный вперед!

— А ты что, парень, капитан или машинист?

— Да я без малого пятнадцать лет машинами управляю, а ты хотел меня болтом удивить! Эх ты, механизм, механизм. Пускай ротационку!

Мастер пожал плечами, включил ток, усмехнулся:

— На лбу не написано. А с виду форменный митинговщик...

Рахья взял свежий, пахнущий краской номер «Правды», поднялся вверх и, не останавливаясь в цеху, прошел на улицу. У патрульных спросил:

— Что нового у нас на фронте?

— Шумят гады, но сюда не идут.

— Значит, робеют. А вы не стойте, ходите, разговаривайте громче. Не стесняйтесь.

— Да у нас по-русски плохо получается.

— Ну и что... Говорите на своем. Пусть буржуазная шантрапа крепко задумается, где это большевики откопали такое бравое войско.

Патрульные посмеялись и не спеша зашагали по Мойке.

Рахья постоял, послушал, развернул «Правду». Бросился в глаза набранный жирным шрифтом призыв: *«Товарищи, продолжайте сборы в пользу партийной типографии»*. Да, «Правде» нужна своя типография, надо как можно скорее избавиться от зависимости этого захудалого «Сельского вестника». Вспомнил, как проводил сбор средств на «Правду» в своем отряде и на заводе. Никто в стороне не остался, внесли, сколько могли. Это и понятно. «Правда» по формату маленькая, а дела ведет большие. Она своя, кровно рабочая газета.

Характерный шум, доносившийся из открытого окна, внезапно оборвался. «Ротацию выключили»,— догадался Рахья и торопливо пошел в типографию. У входа встретил выпускающего — дядю Костю. Спросил:

— Что, товарищ Еремеев, машина опять стоит?

— Мудрит окаянный саботажник. Страшно обидно. Номер сегодня ответственнейший. Почти целиком Лениным сделан.[1]

— А я сейчас вот накручу вашему печатнику хвост... Будет помнить!

— Только, пожалуйста, без эксцессов, товарищ Рахья. Не дай бог, сбежит этот подлец, а заменить некем.

— Надо своих людей к машине приучать,— сердито сказал Рахья, спускаясь вниз.

Печатник сидел на табуретке и просматривал газету.

— Почему не работаешь? — свирепо спросил Рахья.

---

[1] В газете «Правда» № 37 от 21/IV 1917 года (4/V по новому стилю) были напечатаны статьи В. И. Ленина: «Нота Временного правительства», «Один из коренных вопросов», «С иконами против пушек, с фразами против капитала», «Логика гражданина В. Чернова» и «Неудачные попытки г-на Плеханова вывернуться».

— О, явление третье, дядя Костя с помощником,— ехидно улыбаясь, кивнул головой печатник.— Чем попусту кричать, позаботились бы о масле. Да, да, любезнейшие, о смазочном масле. Не имеем оного. Вот и приходится машину время от времени остужать простоем. От перегрева механизмов.

Рахья подошел вплотную, широко открытыми, злыми глазами осмотрел печатника:

— Так чего тебе не хватает?

— Не нажимай, не нажимай! Я к шуму всяких указчиков шибко привычный. По-русски, кажется, говорю: смазки, смазки нет.

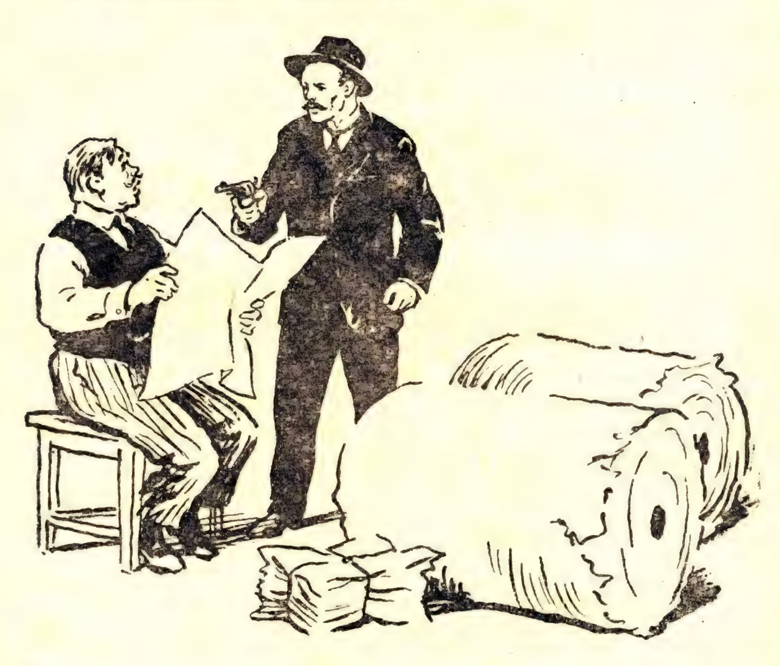
Рахья не выдержал — торопливо вытащил из кармана кольт, поднес к носу печатника:

— Вот как смажу... Сразу пойдет.

Печатник соскочил с табуретки, выставил перепачканные ладони:

— Что вы, что вы, ошалели, гражданин начальник!.. Конечно, она пойдет. Чего так волноваться...

И ротационка заработала.

Дядя Костя тронул за плечо Рахья, шепнул:

— Пойдем, пойдем на свежий воздух.

— Смотри, господин хороший, следующая остановка будет последней,— предупредил Рахья, поднимаясь по лесенке вверх.

Подозвал стоявшего у двери Эльмара Нярвянена, приказал:

— Ступай вниз и смотри за мастером. Если остановит машину, дай знать мне.

— Это, пожалуй, лишнее,— усмехнулся дядя Костя.

— Ничего, проверим,— скупо улыбнулся Рахья, направляясь на улицу.

Подошли разведчики. Старший, Герман Риконен, доложил:

— Толпа на Невском вопила и грозилась. А вот к типографии пойти не осмелились. Испугались нас, иностранцев. Кругом в оружии, как они говорят, с ног до головы. Сейчас потихоньку расползаются.

— Сходите-ка еще раз. Послушайте, что говорят.

Рахья обошел посты и отослал домой тех, что должны были работать в ночную смену.

— Может, всем пора по домам,— сказал, сладко позевывая, машинист Лингвист.— Все-таки там наши беспокоятся.

— Потерпите еще немножко, товарищи. Вот «Правду» отпечатают, и пойдем все—со спокойной совестью.

И Рахья поспешил в типографию.

Дядя Костя встретил его улыбкой:

— Знаешь, Эйно, а ведь твоя смазка очень помогла. Премудрый-то второй рулон бумаги поставил. Шестую тысячу гонит. К этому времени он больше трехсот экземпляров никогда не давал... Это у нас затяжная беда. Владимир Ильич вынужден был пригласить товарищей Николаева и Сахарова из профсоюза печатников. Беседовали довольно долго. Было предложено много всяческих проектов обеспечения своевременного выпуска «Правды», но вот до твоего способа никто не додумался.

— А ты не смейся. Саботажников надо укрощать.

Зазвонил телефон. Еремеев снял трубку, сказал:

— Слушаю. Да, дядя Костя. Дела идут великолепно, Владимир Ильич. Гоним шестую тысячу. Не вери-

те? Что случилось? Да у нас здесь гостит Эйно Рахья со своими ребятами. Да, да, на охране. Так вот Рахья ротационку смазал. Как? Довольно оригинально. Не выдержал и показал премудрому саботажнику револьвер... И, как видите, результат превосходный. Что вы смеетесь? Не понял. Ах, вот что — такие смазки нужны. Учтем на будущее. А Рахья передать благодарность? Хорошо, хорошо, передам.

Еремеев положил трубку, порывисто пожал крупную, твердую, шершавую, как рашпиль, ладонь Эйно Рахья.

— Слышал, с кем говорил? Все понятно?

— Все понял, товарищ Еремеев. Хотя слушал, а сердце здóрово екало... Теперь могу спокойно идти домой.

— Газету для ребят возьми.

— Непременно прихвачу. Можно сказать, памятный номерок. И вот что: если на вас полезут прохвосты с Невского,— сразу же звоните к нам, на Финляндскую. В любое время дня и ночи. Всегда выручим. Газет разных много, а «Правда», что и говорить, одна.

ПОМОЩНИК

...В дверь громко постучали. Эйно Рахья закрыл книгу и, угадывая, кто это мог пожаловать в такое позднее время, сказал:

— Войдите.

Гостем оказался старый хороший товарищ — профессиональный революционер Александр Васильевич Шотман. Зябко вздрогнув, он стряхнул со шляпы капли дождя, подал руку:

— День добрый, Эйно!

— А по моим часам скоро ночь, товарищ Горский.[1] Чую, случилось что-то неладное. Садись, рассказывай, а я мигом чайник разбужу.

— Не беспокойся, дружище. Я всего-то на одну минуточку. Видишь ли, какое дело — мне нужен помощ-

[1] Товарищ Горский — партийный псевдоним А. В. Шотмана.

ник для проверки службы пограничных постов в районе Белоострова. Это очень важное задание. Понимаешь?

— Пока полной ясности не имею, но раз важное,— помогу.

— Нам с тобой надо уточнить — можно ли перейти границу без специального штабного пропуска, которые введены с двадцать девятого июля. Кстати, у тебя он есть?

— Раздобуду. Мой друг детства Эльмар Мальберг работает в секретном отделе главного штаба. Могу и для тебя выхлопотать.

— Я уже достал. Когда ты можешь поехать со мной?

— Послезавтра могу поступить в полное твое распоряжение. Видишь ли, когда надо, я могу отлучиться с завода. Все-таки старший мастер...

— Вот и хорошо. Учти,— я зайду рано утром.

— Не просплю. Считай, уже семнадцать лет поднимает один и тот же будильник — забота.

...По-видимому, и у Шотмана был такой же будильник. Приехал с первым трамваем и сразу же заторопил:

— Пошли, пошли, Эйно,— как бы не опоздать.

День выдался безветренным, ясным, жарким.

Щуря узкие, утомленные глаза, Шотман с досадой заметил:

— Погодка-то не в нашу пользу. Видимость сегодня — превосходной степени.

— Во всяком испытании следует иметь в виду худший случай. В дождь и туман оно, конечно, проскользнуть нетрудно.

До Белоострова доехали незаметно, занятые чтением свежих газет.

Быстро вышли из вагона, обогнули хвост поезда. Шотман тихо предупредил:

— Пойдем в сторону Сестрорецка,— и по тропинке, проложенной дачниками, направился к реке Сестре. Рахья последовал за ним, часто оглядываясь по сторонам и стараясь запомнить путь.

Через речку перешли по скользким трехвершковым бревнышкам, перекинутым местными жителями.

Прикрыв щитком ладони слезящиеся от солнца глаза, Шотман несколько минут внимательно изучал прилегающую к реке местность.

Рахья молча сидел на пне, не желая раздражать советами своего сурового спутника.

Наконец Шотман выбрал самый скрытный и короткий путь, подошел к Рахья и выразительно покачал перед его носом ладонью:

— Смотри, только не отставай! Следуй по пятам...

Шотман старался не раздвигать ветви, а бесшумно проползать под ними. Длинную, шагов в триста, полосу прибрежных кустов он преодолел с такой ловкостью и осторожностью, что ни один лист не дрогнул. Отдохнул, осмотрел две полоски картофеля и, не щадя дорогой выходной костюм, на боку прополз до глубокой, поросшей высокой травой и молодыми березками водосточной канавы.

«На пять лет старше меня, а какой еще молодец,— с трудом успевая за Шотманом, восхищался Рахья.— Завидного упорства человек»...

Канава показалась утомительно длинной, бесконечной. Ветви и жесткие метелки травы лезли в глаза, били по щекам. Какие-то нахальные, шустрые букашки и муравьи противно щекотали кожу, заползали за воротник рубахи.

Рахья очень обрадовался, когда канава кончилась и начался густой еловый лесок. Рукавом смахнул с разгоряченного лица налипшую паутину.

Шотман лукаво подмигнул — дескать, вот как хорошо прошли «запретную зону».

Очищая на ходу костюмы, неторопливо пересекли заросшую кустами малины просеку.

Под ногой Шотмана гулко хрустнул сухой сук, и сразу же послышался удивленный и негодующий голос:

— Куда это вы направились, голубчики? А ну-ка, вернитесь!

Рахья оглянулся и увидел в пяти шагах от себя пожилого, коренастого старшего унтер-офицера. В руке недружелюбно поблескивал револьвер.

— Черт знает что такое,— возмутился Шотман.— Мы заплатили за дачу и хотим гулять там, где нам нравится. А тут из-за каждого куста кричат: «Стой,

куда идешь?» — И, не скрывая раздражения, протянул документы поверяющему.

Старший унтер-офицер несколько раз посмотрел на пропуск и на потное, усталое лицо нарушителя.

Точно так же круглыми, суровыми глазами поверяющий ощупал спокойное, нарочито добродушное лицо Рахья, отвернулся, достал что-то из кармана гимнастерки. Тревожно звякнули георгиевские медали. Возвращая документы, угрюмо предупредил:

— Не советую вам, господа разлюбезные, шататься у границы. Нарветесь в недобрый час на офицеров и угодите в самые что ни на есть Кресты. Дадена команда — с особой строгостью доглядать за всякими проходящими и проезжающими. Да вы и сами понимаете — сейчас повсеместно Ленина разыскивают. Не могем его пропустить за границу. Не серчайте — документы, нечего говорить, у вас солидные, справедливые, а ведь в душу-то не заглянешь, не проверишь... Поскольку чужая душа — темень...

Удрученный неудачей Шотман только махнул рукой,— дескать, отвяжитесь, оставьте в покое.

Неприятную тишину решил нарушить Рахья:

— Да мы, гражданин начальник, место подходящее высматриваем... рыбешку хотим половить. Знаете, у каждого своя слабость...

— Судя по костюмам, вы люди исправные, самостоятельные. А про рыбную ловлю, чую, нескладно сочинили. Так что ступайте себе с богом и больше сюда не ходите.

Почуяв недоброе в голосе старшего унтер-офицера, «разлюбезные господа» сразу же повернулись и, сохраняя степенство и солидность, не спеша пошли назад.

В кустах Шотман присел на корточки, шепнул:

— Попробуем еще разок-другой. Может, где и проскочим...

— Рад стараться,— улыбнулся Рахья.

Друзья дважды попытались пересечь границу. Выбирали самые глухие участки, но не могли обмануть пограничников. «Разгулявшихся» дачников свирепо останавливали, старательно сличали их физиономии с наклеенными на пропуск фотографиями и отсылали домой.

Усталые, злые выбрались — на шоссейную дорогу. Шотман достал из кармана кусок хлеба, разломил пополам.

— Ну-ка, замори червячка. Вижу по физиономии — проголодался. Такую дорогу отмерили. Сплошное огорчение. Создали непроходимую запретную зону. Службу несут с какой-то собачьей преданностью. Видно, боятся, как бы их отсюда на фронт не наладили.

Рахья оглядел безлюдную пыльную дорогу, тихо спросил:

— Скажи по совести, а кого это ты хочешь провести в Суоми?

Шотман брезгливо сбросил с пиджака светло-зеленого червяка, сказал, позевывая:

— Набрали мы на развод всякой твари по паре. До чего же неприятно, когда по тебе карабкаются...

— Не крути, Александр. Скажи прямо и честно — дело сугубо секретное, а потому и не доверяешь...

Шотман посмотрел на понуро повисшие усы, поцарапанные ветками щеки спутника, миролюбиво предложил:

— Пойдем на камешках посидим, отдохнем, почистимся.

Перепрыгнули через канаву, сели на теплый зеленый валун, молча съели удивительно вкусный черствый хлеб. Шотман снял ботинки, повесил потные носки сушиться и, потирая синие, набухшие жилы, чуть слышно шепнул:

— Хоть говорить и не положено, тебе скажу: надо провести Старика.[1]

Рахья вздрогнул. С памятных июльских дней он ничего не знал о Владимире Ильиче. Как-то спросил брата Ивана,— тот сказал угрюмо:

— Так я же в тюрьме в то время сидел. Не знаю, но думаю,— где-то недалеко.

Оказывается, совсем близко. Вспомнил прочитанное утром в газете «Копейка» сообщение, в котором говорилось о том, что следствие по делу большевиков-ленинцев ведется с исключительной поспешностью. Следователей поторапливает, с одной стороны, министр юстиции Зарудный, а с другой — сам главковерх Ке-

---

[1] Старик — подпольное имя В. И. Ленина.

ренский. И сразу же всплыли в памяти слова усердного старшего унтер-офицера: «Сейчас повсеместно Ленина разыскивают. Не могем его пропустить за границу». Не полагаясь на память, унтер, наверное, вытаскивал из кармана контрольную фотографию Ленина. Нет, этот путь перехода в Финляндию совершенно не годится. Но и в кольце рыскающих сыщиков и офицеров-ударников оставаться Ильичу нельзя. Что же делать?

— Ты что молчишь? — нахмурился Шотман.

— Понемножку соображаю.

— И долго это будет... продолжаться?

— Ты над своим планом, наверное, две недели думал, а мне и двух минут не даешь.

— Отчего же, подумай, подумай,— может, что и толковое изобразишь.

Рахья вытащил из кармана два бутерброда с сыром, один передал товарищу:

— Мой заряд, оказывается, покрепче твоего.

— Так я знал, кого выбирал в помощники. Не серчай. Я тебя ценю не только по части хлеба насущного. Я верю тебе, как самому себе. Потому и рассказал о Старике. Да ты меня и не слушаешь. Думаешь?

— Есть о чем. Дело-то ведь огромной ответственности и значения. Здесь все должно быть в большом аккурате.

Рахья извлек из кармана два бутерброда с копченой колбасой, поделился с Шотманом, старательно чистившим выходной костюм. Другого и нельзя было надеть. Внешний вид сыграл свою роль — не случайно же бывалый унтер назвал их «господами разлюбезными».

Где-то чуть слышно протрубил паровоз. Сытая ворона, лениво махая крыльями, пролетела над самой головой. Тень от надломленной березки широкой ладонью покрыла камень. Шотман не спеша надел носки, осторожно напомнил:

— Ну что, так ничего и не сообразил? После такой канители самочувствие, понятно, сквернейшее. Все тело какое-то ватное. Однако надо собираться домой.

— Подожди-ка минутку, Александр. Пять лет тому назад мы переправили в Финляндию более десятка смертников-подпольщиков. Каждому из них пришлось несколько часов побыть в должности кочегара. Маши-

нистом в ту пору был мой друг Эмиль Копонен. Так вот я и решил: это самый вернейший способ перевезти Старика. Я готов поручиться головой...

Шотман круто повернулся, неловко обнял своего помощника и сполз с камня. Рахья тоже не удержался и боднул лбом живот Шотмана. Не выдержал — фыркнул. И Шотман громко захохотал и легонько, ласково шлепнул Эйно пониже спины.

Поднимаясь на камень, сказал с особой теплотой и задушевностью:

— Это ты здóрово придумал, Эйно. Действительно получается все в полнейшем аккурате. Я тебя очень благодарю. Мне Цека поручило во что бы то ни стало переправить Старика в Суоми. Там его не найдут. Признаюсь, я очень расстроился сегодня. Мне казалось, что пройти куда легче, чем проехать. В Белоострове, сам знаешь, как строго проверяют пассажиров. Там и сыщики, и офицеры в штатском, и всякая прочая пакость.

— А на паровоз они не полезут,—ликовал Рахья.— Машинист и кочегар вне всяких подозрений.

— Вот в том-то и дело. На этот раз ты сильно помог мне. Да и не только мне — всей партии. После революции тебе памятник поставим. В полный рост...

— Ох, и остер на язык. Я тебе так скажу: если бы у меня были крылья, я Ильича на себе бы перетащил. И место подходящее есть — у тестя в Ялкала свой дом. Но человек — не птица. Жаль вот, Копонен умер; как бы он сейчас пригодился.

— Ничего, найдем замену. Это я беру на себя.

— Ты имеешь в виду Гуго Ялаву...

— От тебя ничего не утаишь. Вставай, поехали в Питер. Надо хорошенько отдохнуть. Кончилась твоя спокойная жизнь. Впереди у нас труднейший день. И не один. Много тяжелых дней. Это я тебе гарантирую как ближайшему помощнику...

— А ты меня не пугай. Меня в жизни и терли и мяли. Я на все готов...

Рахья порывисто поднялся и повторил, улыбаясь:

— Понимаешь, я для него на все готов.

Рахья был доволен собой. Что и говорить, не зря на животе ползали. На собственном опыте убедились в том, что нельзя перейти границу. И главное — нашли

самый верный, самый безопасный способ спасения жизни Владимира Ильича: лишь один час он будет «кочегаром» на паровозе Гуго Ялава. Только надо все хорошенько продумать и подготовить. Ленина ищут повсюду. И малейшая ошибка может обернуться большой бедой...

СКВОЗЬ ОГОНЬ И ВОДУ...

Во вторник 8 августа Александр Шотман и Эйно Рахья после работы выехали в Сестрорецк.

В дороге не разговаривали: все до мелочей уже продумано, обсуждено, сведено в план действий.

Одеты друзья были по-праздничному, словно ехали в гости. Учли, что люди военные часто судят о благонадежности штатских по их одежде.

Ни читать, ни смотреть в окно вагона не хотелось. Рахья думал лишь о том, как быстрее и безопаснее пройти предстоящий трудный путь.

Раздумье оборвал Шотман:

— Подъезжаем. Пошли...

Солнце закатывалось, и небо на западе казалось накаленным. Заметно посвежело.

— Надо спешить,— тихо напомнил Рахья.—Теперь ночи темные.

— Ты только не отстань. Я дорогу знаю,— сказал Шотман.

«Видно, часто приезжал сюда,— подумал Рахья.— Все секреты известны».

Незаметно вышли на луг, покрытый светло-зеленой, щетинистой, влажной отавой. Пахло сеном и болотной тиной. Поглядывая с неприязнью на медленно ползущий от воды плотный туман, Рахья не выдержал, обогнал товарища и обозвал его черепахой и божьей коровкой.

По узкой тропинке прошел мимо широкого, взъерошенного, уже побуревшего стога. Внезапно шаги Шотмана оборвались. Рахья оглянулся и увидел товарища беседующим с какими-то скверно одетыми, подозри-

тельными людьми. Рассердился — каждая минута дорога́, а он болтовней занимается. Сказал по-фински:

— Какого черта остановился! Пойдем!

Шотман ничего не ответил.

Рахья напряг свой бас:

— Ну что ты прилип к каким-то босякам?

— Иди сюда,— тихо сказал Шотман.

Рахья нащупал рукоятку револьвера. Неизвестно, что это за люди. Может, они специально привязались к Шотману. Шел не спеша, пытливо всматриваясь. Собеседник Шотмана, гладко выбритый, скуластый, лукаво смеющийся, показался удивительно знакомым. Рядом с ним стоял худощавый, усатый, чем-то недовольный человек.

И только когда подошел вплотную, узнал скуластого и страшно смутился:

— Владимир Ильич, здравствуйте. Извините, ради бога, не мог и подумать...

Ленин подал руку, сказал:

— Ничего, ничего. Только учтите, пожалуйста, я не Владимир Ильич, а Константин Петрович. Постарайтесь это запомнить. Садитесь, обсудим наши текущие дела.

Усатый человек, оказавшийся хозяином стога сена — Николаем Александровичем Емельяновым, расстелил старенькое байковое одеяло. Сели в кружок.

Шотман изложил план, составленный вместе с Рахья: от Сестрорецка по железной дороге нужно доехать до станции Озерки, а оттуда пешком по Выборгскому шоссе до квартиры токаря завода «Айваз» Эмиля Кальске. Отсюда, после короткого отдыха, Константин Петрович поедет на паровозе Ялавы в Финляндию.

Емельянов не согласился с этим планом и предложил, по его мнению, самый короткий и безопасный путь:

— Мы пойдем по глухой, безлюдной дороге на станцию Левашово. Там вы сядете в поезд, идущий в Петроград, и вылезете на Удельной. Так мы минуем и дачников, и патрули...

После недолгого обсуждения приняли план Емельянова.

Владимир Ильич поинтересовался:

— Николай Александрович, а вы дорогу хорошо знаете?

— С детства ходил за ягодами и за грибами. Дорога прямая, никуда не сворачивает,— не очень-то уверенно ответил Емельянов, на четвереньках пролез в глубокую нору и вытащил черновики рукописей, газеты, журналы, книги. Завернул их в одеяло, стянул веревкой и быстро отнес в лодку. Сидевшему с веслами сыну наказал:

— Отвези, Коля, домой. Передай матери.

В стогу сохранилось три больших свежих огурца. Шотман сунул их в карман:

— Путь длинный. Пригодятся...

Владимир Ильич подошел вплотную к Емельянову, тихо спросил:

— Николай Александрович, хорошо ли вы изучили маршрут?

Емельянов ответил не сразу:

— Всю жизнь здесь кручусь. Не заблудимся.

И уверенно пошел вперед по извилистой, узкой тропинке.

Спутники старались не прикасаться к угрюмым кустам, щедро расплескивавшим крупную, холодную росу. Шагали молча, след в след. И все обрадовались, когда вышли на ровную, чистую проселочную дорогу. Время позднее — ни гуляющих, ни прохожих.

Идущий рядом с Владимиром Ильичом Эйно Рахья невольно подумал о том, что вот по такой веселой, прочной колее часа за полтора можно добраться до станции.

Емельянов свернул с дороги на тесную тропку. За ним гуськом потянулись остальные.

Стемнело. Двигались медленно — ноги скользили по мокрой траве. Опасаясь наткнуться на кусты и деревья, шли вытянув вперед напряженные руки. За лесной полянкой Емельянов потерял тропинку и пошел наугад, сердито и шумно раздвигая мокрые ветви.

Запахло гарью.

— Неладно идем,— сердито сказал Шотман.— По запаху похоже на торфяной пожар.

— Все лето болото тлеет,— поспешил успокоить товарищей Емельянов.— Мы его левой стороной минуем.

Прошли еще несколько шагов и наткнулись на волны густого, едкого дыма. Ни неба, ни земли не видно,

только желтоватый, свирепый, слезы выжимающий дым.

— Куда ты завел нас, Сусанин? — не выдержал Рахья.— Провалимся в самую преисподнюю.

— Ничего. Жмитесь ко мне, выведу,— кашляя, с трудом проговорил Емельянов.— Напрямую идем.

— Не всякий прямой путь — короткий,— заметил Шотман.— Напрасно наш план отвергли.

Емельянов молча сломал сухую тонкую березку и, прощупывая путь, уверенно пошел по теплому, взлетающему легким облачком пеплу. Земля под ногами спутников колыхалась, как перина, и каждый невольно подумал о том, как бы не проломить зыбкую тонкую корку, не провалиться в засасывающую торфяную жижу.

Рахья злился на Емельянова: хвалился, что с детских лет здесь бродит, а вот дороги, оказывается, не знает.

— Тропинка, тропинка, вот она, желанная,— облегченно вздохнул Емельянов.— Теперь до станции рукой подать.

Все повеселели, почувствовав под ногами твердую почву. Жадно дышали свежим воздухом, вытирали закопченные, потные лица.

Тропинка привела к черной, как смола, тихо мурлыкающей речушке.

— Николай Александрович, откуда она взялась? — удивился Владимир Ильич.— Вы об этом чуде природы ничего не говорили.

— Виноват. Это, видите ли, Черная. Ее и речкой-то нельзя назвать. Ручьишко. Смотрите, на той стороне тележная колея виднеется. Я вас мигом перетащу.

Емельянов быстро снял ботинки, штаны и пошел в речку. На середине поежился, выругался:

— Ох и холодна, окаянная!..

— Может, летом здесь на телеге переезжали, а вот дожди прошли и раздули ее, проклятую,— сказал, раздеваясь, Рахья.—Не везет нам: и огонь прошли и воду...

— Так вам и надо — горе-конспираторы,— рассмеялся Владимир Ильич.— Это вам всем наука.

От услуг Емельянова наотрез отказался:

— Я вам не барышня. Сам перейду, не беспокойтесь.

Рахья пошел следом за Владимиром Ильичем. Течение тихое, но дно вязкое, скользкое, неровное. Как бы не упал...

Благополучно перешли. Торопливо оделись. По звездам Ленин определил направление, и пошли дальше. Емельянов снова занял место проводника, сконфуженно бормоча:

— Сколько раз здесь хожено, перехожено. И вдоль и поперек исколесил, а сегодня ночью, видно, леший попутал, сбился.

— А вы позавчера дорогу проверяли? — спросил Ленин.

— Нет, не успел,— виновато признался Емельянов.— К вечеру умаялся шибко. А главное — положился на память.

Лесная дорога потерялась, как только вышли на заросшую высокой травой поляну. Емельянов наклонился, тщетно пытаясь рассмотреть колею.

— Это весьма существенная ваша ошибка, Николай Александрович,— укоризненно сказал Владимир Ильич.— В таких обстоятельствах надо шесть раз отмерить — на седьмой отрезать. Я вас предупреждал о необходимости разведать дорогу заранее. Нельзя полагаться только на память...

— Хватит кланяться, пошли посмотрим,— хмуро шепнул Емельянову Рахья и, обернувшись ко всем, предупредил: — Подождите здесь, мы быстро вернемся.

Пересекли поляну и за узкой грядой кустарника увидели высокую насыпь и рельсы.

— Железная дорога! — обрадовался Емельянов.— Слава богу, наконец-то вышли...

— Пойдем посмотрим, далеко ли станция.

Поднялись на полотно. Справа чернелись какие-то постройки.

— Теперь все в порядке,— улыбнулся Рахья и торопливо пошел к товарищам. Воскликнул радостно: — Станция!

— Какая? — спросил Владимир Ильич.

— Кажется, Дибуны.

— Почему кажется? Почему не точно? Привыкайте к точности!

— Слушаюсь! — сконфуженно произнес Рахья и побежал к станции. Чувствовал себя виноватым:

дело серьезное, может, после такого перехода на Белоостров забрели. В лапы к пограничной охране.

Прочел четко выделяющуюся надпись «Дибуны». Выходит,— зрительная память не подвела. Успел заметить, что публики на перроне не по времени много. Дачники в эту пору уже спят. Может, военные власти проводят облаву? Или подошли пограничные патрули? Решил свои сомнения высказать Владимиру Ильичу.

Подошел к кустам. Услышал, спутники едят огурцы. Выругал самого себя — в такой трудный путь собрался и краюхи хлеба не захватил. Рассказал торопливо, взволнованно.

Ленин спокойно выслушал, попросил:

— Выясните, товарищ Рахья, все досконально. Мы не можем рисковать...

— Виноват, Константин Петрович. Пойду посмотрю снова.

Стараясь ступать бесшумно по скрипевшему гравию, Рахья подошел к станции. При свете тускло горевших фонарей увидел бродивших по платформе юнкеров, реалистов и гимназистов. У всех за плечами сурово мерцали влажные стволы винтовок. Рахья вздрогнул, и ноги сами попятились назад, в густую полосу кустов. За себя он не боялся — документы в полнейшем порядке. А у Ленина, кроме поддельного пропуска на имя рабочего Сестрорецкого завода Константина Петровича Иванова, ничего нет. В Дибунах, расположенных в шести верстах от границы, пропуск может вызвать только подозрения. Как будут ликовать эти оболваненные юнцы, если в их руки попадет неуловимый лидер большевиков, за голову которого назначена награда в двести тысяч золотом!

Пока отыскал спутников,— немного успокоился и доложил быстро и довольно толково. Новость всех ошеломила. Из кустов сразу же перебрались в глубокую придорожную канаву. И теперь уже шепотком стали обсуждать создавшееся положение.

Чувствующий себя страшно виноватым, Николай Емельянов робко предложил пройти до Песочной,— ведь до нее всего каких-нибудь две версты.

— А где гарантия того, что там нет облавы? — спросил Владимир Ильич.

— К тому же последний поезд можем упустить,— напомнил Рахья.

— А когда уходит последний поезд на Петроград?

Рахья робко посмотрел на Владимира Ильича, тихо сказал:

— Примерно в час ночи...

— Видите — опять примерно! А для чего, спрашивается, существуют железнодорожные расписания? Удивительнейшая беспечность, горе-конспираторы. Незамедлительно отправляйтесь на станцию, узнайте, когда прибывает поезд, и возьмите билеты.

Горе-конспираторы поднялись все разом. Шотман свирепо дернул Рахью за рукав, шепнул:

— Оставайся здесь. Головой ответишь,— и быстро вместе с Емельяновым пошел на станцию.

Прошло несколько напряженных минут.

Рахья сидел плотно прижавшись к Ленину. Рука на рукоятке револьвера. Чего там так долго копаются Шотман и Емельянов? Проползти бы, узнать. Но нельзя оставлять безоружного Владимира Ильича одного. Услышал нарочито громко произнесенные слова:

— Как это кто? Я рабочий Сестрорецкого завода. Чего привязались?

— А что ты здесь делаешь в полночь? — прозвенел юношеский злой голосок.

— Прогуливался, а теперь поеду домой. Мои дела вас не касаются, господин унтер-офицер. Это вам не царский режим.

— Ах так! Следуйте за мной.

— Не имеете права хватать честных людей. Теперь свобода.

— Пошли, пошли, там разберемся...

— Я буду жаловаться... Не...

Голос оборвался.

— Похоже, Емельянова задержали, — сказал Рахья настороженно прислушивающемуся Владимиру Ильичу.— Это он нарочно кричал, чтобы на себя навлечь всю эту ораву. И нас предупредить. Вы сидите тихонько здесь, а я на минутку выгляну. Не идет ли поезд?

Рахья выскочил из канавы, обдирая коленки, прополз к насыпи, осмотрел платформу. Она показалась совершенно пустой.

«А где же Шотман? Неужели и его прихватили? — тревожно подумал Рахья.— Надо спросить, когда будет поезд».

Рахья вышел на освещенную платформу, и сразу же к нему подскочил юнец в форме ученика реального училища:

— Вы куда?

— Еду в Петроград.

— Позвольте ваши документы.

— Пожалуйста.

Реалистик осмотрел штабной пропуск в Финляндию, паспорт, солидное удостоверение мастера авиационного завода. Затем окинул взглядом хороший, модный костюм и новенькую дорогую шляпу незнакомца и сказал с уважением:

— Все в полном порядке. Сейчас, знаете, одного взяли. Ужасный скандалист, ярко выраженный босяк...

Рахья сунул документы в карман и, услышав характерное дыхание приближающегося поезда, побежал к Ленину. Перед тем как спрыгнуть с насыпи в канаву, оглянулся и увидел Шотмана, о чем-то разговаривающего с реалистом. Обрадовался. Вот кстати подвернулся. Отвлечет внимание этого усердного молодчика.

Уловил шепот Владимира Ильича:

— Что с вами приключилось?

— Поезд идет. Идите за мной.

— А билеты?

— Ничего! Проедем и так.

Поезд пыхтел на станции.

Рахья вскочил на подножку последнего вагона, подал руку Владимиру Ильичу.

— Скорее, скорее...

Удивился юношеской легкости и ловкости поднимающегося по крутым ступенькам Ленина. Такой коренастый, плотный, а прыгает, как молодой. Успели,— главное, успели! Самое страшное позади.

Прошли в пустой вагон. Сели у окна.

— А что, если придет контролер? Накроет нас, голубчиков. Впервые я оказался в постыдной роли зайца,— признался Ильич.

— Скандалить не будем. Сразу же уплатим штраф,— сказал Рахья.

— Заплатите, пожалуйста, и за меня. А где же наш Александр Васильевич?

Рахья не успел ответить. Освещая лавки бело-красно-зеленым фонарем, в вагон вошел толстый, чем-то недовольный кондуктор.

Владимир Ильич надвинул на глаза кепку, подпер ладонью подбородок и притворился спящим.

Рахья подал руку кондуктору, осведомился о его здоровье.

— Да, слава богу, не жалуюсь. А ты откуда так поздно, Эйно?

— Был с товарищем на митинге. Так заговорились, чуть-чуть не опоздал. Билеты так и не успели взять.

— А, так вы безбилетники? Ну что ж. По старой доброй памяти, так и быть, провезу зайцами. Заяц не птица, не улетит.

Кондуктор зевнул, провел ладонью по лицу, словно снимая сон, проворчал:

— Какие-то уму непостижимые времена наступили. Всюду митинги и сходки, сходки и митинги. И заметь, у всех Ленин на языке...

— Известное дело. Болтают разные глупости,— сказал Рахья, кося глаза на Ильича.

— Нет, погоди. Не так просто. В газетах пишут, что Ленин получил за границей два с половиной миллиона золотом. Подумать только — два с половиной миллиона! Целое состояние.

— А ты видел? Считал? Веришь всяким сплетням. Может, у него и двух рублей в кармане нет. Буржуи на все идут, чтобы Ленина опорочить.

— Видеть не видел, а об этом и говорят и пишут. Знать, не от хорошей жизни Ленин из Питера сбежал.

— Слушай, Эркки, ты не глупый человек, а читаешь всякую дребедень. Что тебе, делать нечего?

— Не я один, многие разные истории говорят.

Стараясь сдержать нарастающее раздражение, Рахья крепко потер крупные, тяжелые ладони, подумал: «Как это Владимир Ильич спокойно терпит такую клевету? Какой силой воли надо обладать, чтобы молчать и не выдать своего волнения. Если бы про меня такое мололи,— не вынес бы...»

Рахья посмотрел на загорелую руку Ленина, словно впаянную в скулу, и, стремясь переменить разговор, спросил:

— Где твои этим летом отдыхают?

Эркки улыбнулся:

— К теще отправил в деревню. В городе хорошо, да вот жевать нечего. Плохо, когда власть временная. На будущей неделе поеду к малышам. Сильно соскучился.— И Эркки стал обстоятельно и радостно рассказывать о сыновьях и дочке.

Незаметно доехали до Удельной.

— Вот мы и дома,— громко сказал Рахья.— Спасибо, Эркки.

— Спокойной ночи, «янис».[1]

Владимир Ильич встал, молча порывисто пожал руку кондуктору и пошел к выходу.

Кондуктор посветил фонарем, предупредил:

— Осторожно, осторожно, ступеньки-то крутые.

Сошли. Тишина, как в глухой деревне. Постояли, пока не заговорили колеса.

— Да, с Шотманом что-то случилось,—сказал, озираясь по сторонам, Рахья.— Однако мне показалось, он вроде тоже сел.

— Вот снова: «показалось», «вроде». Давайте условимся — во всем придерживаться абсолютной точности. Ну, ведите. Надеюсь, в городе-то не заблудитесь?

— Не сомневайтесь, Константин Петрович. Здесь рукой подать. На углу всего один постовой, и тот спит.

— Проверяли?

— Я его характер изучил. В это время он всегда клюет носом. Кто его разбудит? К лаю собак привык...

Прошли до угла по Скобелевскому и повернули на Ярославский проспект. Постовой сидел на ступеньках дома. Его широкая ладонь стыдливо прикрывала сонную физиономию.

Рахья хотел сказать: «Видите, как умаялся, сердечный» — но, взглянув на хмурое, сосредоточенное лицо Владимира Ильича, понял, что шутка не уместна. По-видимому, он озабочен арестом Емельянова и таинственным исчезновением Шотмана. На допросах они, конечно, ничего не расскажут, в подполье испытанные

---

[1] Янис (финское) — заяц.

люди, но самим-то им грозит опасность. И снова Рахья подумал о том, что к переходу от Разлива в Питер все-таки подготовились плохо. Это большое счастье, что все обошлось благополучно и до желанного ночлега осталось всего несколько шагов.

Недалеко, должно быть у завода «Айваз», гулко грохнул винтовочный выстрел. За ним громом раскатился второй и третий.

Владимир Ильич остановился, встревоженно спросил:

— Что сие означает?

— Ничего особенного. Шалят милиционеры.[1] А может, завязалась перестрелка с грабителями. Не удивляйтесь. Здесь развелось всякой дряни порядочно,— спокойно сказал Рахья.— Пойдемте, пойдемте, считайте, что вы дома.

БЕССОННАЯ НОЧЬ

...Невысокая круглолицая женщина стояла в темной комнате и, напряженно прислушиваясь, смотрела в раскрытую форточку. Керосиновый фонарь слабо освещал Ярославский проспект. Чуть слышно шевелились листья тополя и березы, а женщине казалось, что это кто-то шепчется, затаившись в темноте.

У женщины очень устали ноги; ее мучила зевота, хотелось пить, но она не могла ни на шаг отойти от своего необычного поста. Она видела, как по булыжной мостовой не спеша прошли два милиционера. За их плечами сердито покачивались стволы винтовок. «Куда это они направились? — тревожно подумала женщина.— Может, к станции?»

Из соседнего дома выскочил какой-то человек в светлой рубашке и, озираясь по сторонам, побежал к заводу «Айваз».

---

[1] Вскоре после февральской революции (4 марта 1917 г.) буржуазным Временным правительством была организована «для поддержания порядка» Петроградская общегородская милиция.

Совсем близко, шумно дыша, проследовал поезд. «Наверное, последний. Неужели опять не приехали? — тяжело вздохнула женщина.— А может, их схватили юнкера... Проклятое время. Повсюду облавы, обыски».

Стекла зябко вздрогнули от гулкого выстрела. За ним прозвучал второй, более приглушенный. И сразу же разноголосо, яростно залаяли собаки.

Женщина прижалась к подоконнику, пытаясь угадать, где же это стреляют. «А что, если на станции? Второй выстрел как будто револьверный. А Эйно эти дни не расстается с револьвером. Где же он? Что с ним?

Внизу скрипнула дверь, кто-то в белом вышел на крыльцо, постоял минуту-другую и ушел. За тонкой стенкой закашлялась жена хозяина квартиры. Слабый голос попросил: «Пить» — а может, это только показалось. Женщина не двинулась с места.

По соседней улице торопливо процокали копыта.

Женщина вздрогнула и стала угадывать, кто это проехал, сколько всадников, куда они спешат... Какая длинная, страшная ночь! Хозяин квартиры Эмиль Кальске давно вернулся с вечерней смены, попил чаю и вскоре уснул.

Женщина услышала шаги, насторожилась. У калитки появились двое. Одного — сутулого, невысокого, коренастого — она сразу же узнала. Схватила белый платок, махнула трижды. Услышала тихий, знакомый голос:

— Все в порядке. Лидия нас ждет.

Долгожданные гости быстро прошли через открытую калитку к крыльцу. По деревянной скрипучей лестнице осторожно поднялись на второй этаж.

Лидия торопливо открыла дверь в квартиру, шепнула, задыхаясь от радости:

— Эйно, родной, наконец-то! А я-то, глупая, всего надумалась. Ведь третью ночь дежурю...

— Успокойся. Все в полном аккурате...

Лидия зажгла маленькую лампу, осмотрела пришедших, всплеснула руками:

— Господи, да где это вы бродили? Ноги мокрые, грязные. Снимайте, снимайте и ботинки и носки. Да не стесняйтесь, пожалуйста, Владимир Ильич.

— Константин Петрович, — строго поправил Рахья.— Запомни...

— Постараюсь,— кивнула головой Лидия и вышла на кухню.

Владимир Ильич посмотрел вопросительно на Рахья:

— Она у вас строгая? А вы заметили,— веки совершенно красные,— видно, очень устала. А может, и плакала? Сколько мы ей доставили неприятностей, Эйно Абрамович!

— Ничего. Пусть привыкает. Еще в пору ухажерства я ее предупредил: «Смотри, Лююли, спокойной жизни со мной не будет...»

В комнатку вошла Лидия и поставила перед Владимиром Ильичем домашние туфли хозяина квартиры, положила носки.

— Пользуйтесь, пока Эмиль спит. Это мой двоюродный брат. А ваши носки давайте-ка я постираю. Над плитой моментально высохнут.

Унесла носки на кухню. Не прошло и двух минут, как вернулась с чайником и сухарями.

— Чем богаты, тем и рады. Чую,— проголодались. Закусите немножко; судя по костюмам, дорога была длинной и тяжелой.

— Прошли огонь, воду, а если принять во внимание глотку кондуктора, то и медные трубы,— сказал Рахья.

— Огонь и вода действительно были жуткие, а вот труба — это из области фантастики,— улыбнулся Ильич.— Знаете, у кондуктора открытое, честное лицо. Он добросовестно изложил то, что думает. Штрафа с нас, зайцев, не взял. Это откровенная беседа еще раз подтверждает истину, что мы недооцениваем, понимаете, недооцениваем агитацию среди служащих, одурманенных ядом буржуазной пропаганды.

Такого вывода Рахья не ожидал. Он думал, что Ленин страшно обижен на довольно неприятную болтовню кондуктора, а оказывается, это всего-навсего «откровенная» беседа.

— Садитесь, садитесь к столу,— напомнила Лидия.— Знаете, я еще вечером чай вскипятила. А потом подогревала дважды. А с полночи ничего не могла делать. Стояла, как статуя, и только слушала, слушала и слушала. И, конечно, думала о всяких неприятностях.

— Да, от чайку не откажусь,— сказал Ильич.— Однако самый голодный — ваш муж. Мы ели огурцы, а он все на станцию бегал и ему не досталось...

И чай, и картофельные котлетки, и бутерброды с колбасой и сыром показались удивительно вкусными.

Лидия предложила гостю занять хозяйскую кровать, но Владимир Ильич отказался. Попросил, улыбаясь:

— Не найдется ли у вас газет типа «Нового времени» или «Биржевки»? Самые подходящие для подстилки...

Кроме газет, нашлась подушка, матрас и легкое одеяло.

Поблагодарив Лидию и хозяев квартиры, Владимир Ильич улегся на полу. Рядом с ним, поближе к двери, устроился Рахья. И только задремали — раздался стук в дверь: два тихих и один громкий удар костяшками пальцев.

— Кто это? — приподнялся Владимир Ильич.

— Кроме Шотмана, никто этого сигнала не знает. Сейчас посмотрю.

Рахья накинул пиджак на плечи.

Стук повторился.

Держа револьвер наготове, Рахья приоткрыл дверь.

— Александр, перкеле!

В комнату вошел запыхавшийся, темный от пота и пыли Шотман. Увидев на полу Ленина, радостно всплеснул руками:

— Константин Петрович, вы здесь! Как я счастлив! Все так чудесно кончилось.

— Где же ты потерялся? — лукаво спросил Рахья.— Ложись, рассказывай...

Шотман вытер лицо, снял ботинки, потер усталые ноги.

— Видите ли, как глупо получилось. Перед самым приходом поезда ко мне подскочил бравый такой реалистик и вежливо, но довольно настойчиво предупредил: «Это последний поезд. Других сегодня не будет». А у меня полная каша в голове. Уезжать нельзя, не узнав, что с вами, и оставаться невозможно — заберут, как Емельянова. Нехотя лезу в вагон, а реалистик чуть ли не штыком подсаживает... И я так был ошеломлен всем происшедшим, что вместо Удельной выскочил в Озерках. Проклял все на свете. Верст пять оттяпал...

Ленин и Рахья от души захохотали, глядя на сконфуженного Шотмана. Первым спохватился Владимир Ильич:

— Что мы делаем! Шумим, хозяевам спать мешаем. Нехорошо. Давайте говорить шепотком. Это вам поучительнейший урок. Конспирация ваша, товарищи, архискверная. Вышли в поход, а компаса, карты-трехверстки, расписания поездов не приобрели.

— Вы с Емельяновым наш маршрут Сестрорецк — Озерки отклонили. А новый для нас оказался совершенно неизвестным, — попробовал оправдаться Шотман.

Владимир Ильич вплотную притянул к себе конспираторов и потеплевшим, задушевным голосом произнес:

— Не будем спорить. Все-таки мы очень удачно удрали от ищеек Керенского. Эх, если бы эта свора узнала, какую добычу прозевала на станции Дибуны.

Только вот ужасно обидно — Николая Александровича задержали. Надо незамедлительно предупредить его жену, чтобы она скрыла следы нашего пребывания в Разливе. Придется вам, дорогой Александр Васильевич, навестить товарищ Полуян и попросить ее отправиться к Надежде Кондратьевне Емельяновой. Пусть успокоит, поможет, предупредит о возможном обыске. Там остались кое-какие мои записи. Не поднялась рука уничтожить.

— Все, все будет в порядке,— мучительно борясь с зевотой, сказал Шотман.— За Емельянова не беспокойтесь, парень бывалый, вывернется.

— Мне очень жаль ваши ноги, Александр Васильевич, но мы не можем оставлять товарища в беде. Отдохните немножко и отправляйтесь. Придется, как вы говорите, еще верст пять оттяпать.

— Меньше. Теперь скоро трамваи пойдут,— сказал Рахья.— А еще лучше — вот возьми у меня пятерку и найми какую-нибудь клячу.

Шотман встал, сокрушенно покачал головой:

— Конечно, надо идти.

— Ступай на кухню. Подкрепись чайком,— посоветовал Рахья.— А вы спите, Владимир... виноват, Константин Петрович. Отдыхайте. Завтра снова в дорогу.

Друзья на цыпочках прошли на кухню.

Макая в чай жесткие черные сухари, Шотман сказал:

— По пути зайду к Ялаве. Еще раз все проверю. Считай, что нам сегодня мало попало. Укко [1] нас пожалел.

— Да, ночь бессонная, тяжелая. Вот уж никогда ее не забудешь. Да, между прочим, спроси-ка у Ялавы: понимает ли кочегар по-русски?

— Не в этом суть дела. Главное, чтобы молчал. Об этом Ялава сам побеспокоится. Ты обещал пятерку. Выручай. После революции рассчитаемся.

— Ладно. Бери в долг... без отдачи. В городе не задерживайся. Укко любит точность.

— Это я на всю жизнь запомнил. Смотри, чтобы все было в полнейшем порядке.

---

[1] Укко (финское) — старик.

— В сильном аккурате!

Рахья проводил товарища до лестницы, закрыл дверь и тихонько прокрался по скрипучим половицам к дорогому гостю.

Владимир Ильич приподнял голову:

— Александр Васильевич ушел?

— Помчался. А что это вы не спите?

— О Николае Александровиче думал. Удастся ли ему выкрутиться из лап этих церберов?

— Он нарочно шум поднял. При нем ничего подозрительного не было. Отпустят. Все-таки завод оборонный, а Емельянов — прекраснейший мастеровой. Не волнуйтесь, Константин Петрович, отдыхайте.

— Попробуем. Ни слова больше.

Рахья посмотрел на часы. Четверть пятого. «Скоро проснется дом. Поспать не успеем».

Поворочались, поворочались на шуршащем ложе — уснули.

Рахья проснулся от писка двери. Кто-то прыгнул к нему на живот, схватил за нос. С трудом открыл глаза, увидел маленькую дочку хозяина, Рауху.

— Дядя Эйно, ты почему на полу валяешься?

— Ты откуда взялась, стрекоза? Марш спать.

— А я не хочу! Ты что-то обещал принести!

— Тихо, тихо! В следующий раз принесу шоколадку — только уходи.

— А у меня есть шоколадка,— услышал Рахья ласковый голос Ильича.— Иди сюда, кроха, познакомимся...

— А я совсем и не кроха. Я — Рауха...

В дверях показался сконфуженный Эмиль Кальске. Поманил дочку рукой, сказал виновато:

— Извините, пожалуйста. Недосмотрел. Ускакала. Рауха, иди сюда.

— А я хочу к дяде. У него шоколадка.

Владимир Ильич взял девочку на руки, спросил:

— Какое красивое имя! А что оно означает?

— По-фински — Рауха, по-русски — мир,— улыбаясь, сказал Кальске.— Под пушку родилась, а мы не хотели войны. И вот назвали дочку — Мир.

— Чудесное, великолепное имя. Рауха. Мир,— выразительно, громко повторил Владимир Ильич, при-

глаживая растрепанные после сна волосы девочки.— Скоро будет мир. Не-пре-мен-но!

Владимир Ильич достал из кармана пиджака маленькую шоколадку и положил в крошечную розовую ладошку.

— Спасибо, дядя... дядя...

— Дядя Костя,— подсказал Рахья.— Сходи-ка разбуди тетю Лиду.

— А она уже встала. Чай греет,— сказал Кальске.— Вот какая ты непоседа. Разбудила наших гостей. Мне стыдно, что вы отдыхали на полу. После завтрака ложитесь на мою кровать.

— Сначала мы с вами поговорим о заводских делах. Вы никуда не спешите?

— До трех часов в полном вашем распоряжении.

— Прекрасно! Вы, кажется, работаете на «Айвазе»...

Рахья встал, прошел на кухню, поцеловал жену, попросил:

— Сбегай в магазинчик, купи чего-нибудь к чаю. Надо угостить, как полагается...

— Понимаю, но я на работу сильно опоздаю.

— Я позвоню твоему начальнику. Объяснюсь с ним по душам. Вот тебе денежки... Сам бы выскочил, да не могу. Все как будто на посту.

— Ладно. А ты посмотри за чайником. Я быстро вернусь. Да вот отнеси ботинки и носки гостю.

Рахья заметил — носки чистые, сухие и пятки аккуратно заштопаны. Ботинки начищены до блеска. Подумал с глубокой благодарностью и нежностью: «И когда только успела. Молодец, ничего не скажешь,— молодец моя Люули»...

ВСЕ ИДЕТ ХОРОШО

...Вечером 9 августа из маленького деревянного домика № 11 по Ярославскому проспекту вышли Ленин, Шотман и Рахья. В старом, простом костюме и помятой, выцветшей кепке Владимир Ильич выглядел как обычный питерский рабочий.

Шагали молча, быстро, боялись опоздать на поезд.

Встретили двух милиционеров с винтовками. Один из них хотел остановить прохожих, но Рахья провел рукой по горлу:

— Некогда, братцы, опаздываем на поезд,— и пошел еще быстрее.

У станции Удельная Шотман посмотрел на часы, облегченно вздохнул:

— Слава богу, еще восемь минут в нашем распоряжении. Напрасно нервничали.

— Пройдемте немного подальше, где нет фонаря,— закуривая, предложил Рахья.— Там остановится паровоз.

В темноте Владимир Ильич торопливо вытащил из кармана сложенную пополам тетрадь и, передав Шотману, шепнул:

— В случае неприятности со мной незамедлительно передайте кому-либо из членов ЦК.

— Не беспокойтесь, Константин Петрович. Подготовка исключает неприятности...

— Раньше времени не хвалитесь. Дорога длинная и трудная.

— Дорога в руках машиниста, а это надежные руки,— вмешался в разговор Рахья.— Он меня заверил: «Все пойдет хорошо»...

— Поезд показался,— предупредил Шотман.— Будьте готовы. Он стоит всего две минуты.

— Без нас не уйдет,— доставая новую папиросу, заметил Рахья.

Крошечный огонек замерцал светлячком, предупреждая зоркого машиниста Гуго Ялаву: «Мы здесь, все в порядке».

Дачный поезд № 71 подошел к станции Удельной. Паровоз остановился напротив трех спутников.

Рахья бросил к рельсам папиросу.

— Счастливого пути,— чуть слышно шепнул Шотман.

Владимир Ильич легко и ловко поднялся по ступенькам на паровоз.

— Куда это на ночь глядя? — по-фински проворчал машинист Гуго Ялава.

— К себе на дачу в Териоки,— выразительно произнес условную фразу Рахья.— Журналист Констан-

тин Петрович хочет ознакомиться с работой паровоза.

— Машина пойдет хорошо. Присаживайтесь бочком рядом со мной на «козел».

Владимир Ильич снял пальто, повесил на крюк за спиной машиниста и сказал кочегару:

— Я ваш помощник. Отдохните, а я пока поработаю.

Кочегар Нярвянен пожал широкими плечами, ухмыльнулся.

— По-русски... не понимай... извинюсь...

— Научитесь,— сказал Ленин и стал не спеша аккуратно укладывать дрова в клетку.

Довольный неожиданной сменой кочегар присел на чурбак и, улыбаясь, стал набивать трубочку-носогрейку.

Рахья прошел в первый вагон, Шотман — во второй.

Более половины скамеек были свободными. Сидевший напротив Рахья молодой парень подложил ладонь под щеку и сразу же задремал.

«Вот счастливый теленок,— подумал Рахья.— А я вот три ночи не спал, и хочется уснуть, и страшно глаза закрыть. И в голове только одно крутится, вертится — как бы проскочить этот окаянный Белоостров. А что, если какой-нибудь сверхусердный цербер на паровоз заглянет... Все провалится».

На остановках Рахья выскакивал на перрон, присматривался к лениво шагающим юнкерским и солдатским патрулям, незаметно поглядывал на паровоз. Время тянулось страшно медленно, нарастало и мучило раздражение: что этот тихоня Ялава так долго стоит на каждой захудалой дачной станции!

Наконец-то дотащились до Белоострова. Как только поезд остановился, в вагон вошли пограничники и таможенные чиновники. Рахья сидел у самого входа, охотно и весьма любезно предложил проверяющим свои безукоризненные документы.

— Что-то вы часто стали ездить! — сказал старший стражник, возвращая Рахья документы.

— Время-то летнее. И покупаться можно, и рыбку половить,— улыбаясь, ответил Рахья.— В вагоне душно, будьте любезны, разрешите немножко погулять.

— Пожалуйста! Гуляйте себе на здоровье...

Выскочив из вагона, Рахья столкнулся с Шотманом. Почти одновременно повернули головы влево. Паровоз вздохнул, как усталый человек, и медленно побрел к водоливной колонке.

Рахья подтолкнул локтем Шотмана.

— Молодец Гуго. Уговор соблюдает твердо. Зайдем-ка в буфет. У меня совсем горло пересохло.

— Это от лишних переживаний. Терпи, терпи!

Прошли в буфет, взяли по бутылке лимонада, выпили. Вернулись на перрон. Шотман посмотрел на часы, удивился:

— Что такое? Еще девять минут ждать. Твоя разлюбезная тоже едет; видел в третьем вагоне. Она была у своих?

— На Финляндском села. Все подготовлено. На лошади должны встретить.

Мимо беседующих, тонко позванивая шпорами, важно проплыли два молоденьких, туго затянутых ремнями, только что выпорхнувших из училища прапорщика. Донеслись слова:

— Будущее принадлежит военным типа Корнилова. Большевиков может скрутить твердая рука, облеченная диктатурой...

— Чего они здесь вынюхивают? — протирая пенсне, спросил Шотман.— Кавалеры...

— Мелкая, но весьма вредная дрянь,— поморщился Рахья.— Сколько там еще осталось ждать?

Ударил звонок.

— А Гуго не торопится. Правильно сказал: «Все пойдет хорошо»,— скупо улыбнулся Шотман.

— В аккурате человек. У него нервы покрепче, чем у нас с тобой, трепаных...

Гулко прокатился второй звонок.

Паровоз № 293 спокойно пыхтел у колонки.

К Рахья подошел знакомый головной кондуктор, тихо сказал:

— И чего это там Ялава копается? Пора уже отправляться.

— У него все рассчитано. Не опоздает.

С третьим звонком паровоз подошел к поезду. Кочегар Нярвянен быстро и привычно прицепил вагон.

Прыгая на подножку, Рахья услышал голос Ялавы:

— Не волнуйся, головной. Мои часы точнее твоих. Все пока идет хорошо.

Звонкая, продолжительная, торжествующая песня паровоза пролетела по берегам реки Сестры и загрохотала по еловой роще.

Рахья сел к окну, достал из кармана измятую газету, но читать не мог. Ни с чем не сравнимая, огромная радость не давала сосредоточиться на мелких строчках, и губы сами, в лад колесам, шептали:

— Все идет хорошо... Все идет хорошо...

И теперь кажется, поезд летит на крыльях и навстречу ему бегут и приветливо машут ветвями деревья.

Рахья встал и тихонько, хрипловатым баском запел старинную песню о березе, подпирающей облако, которую пел после получки отец. Песня была короткой, и Рахья тянул одни и те же слова, пока не приблизилась знакомая зеленая станция Териоки. И сразу же Рахья выскочил из вагона и поспешил к паровозу. Увидел Владимира Ильича, двумя руками пожимающего огромную, маслянистую ладонь машиниста Ялавы.

Моросил мельчайший дождик. Постройки и деревья были седыми. К Ленину подошел розовый, очень веселый Шотман, взял под руку, отвел к липам, сказал:

— До свиданья, Константин Петрович. Я поеду, как условились, дальше.

— Жду от вас хороших вестей. Да, чуть не забыл главное: тетрадка цела?

— А как же! Вот она в полной сохранности.

Ленин вложил синюю тетрадь в потайной карман, сказал, щуря добрые карие глаза:

— Счастливого пути, дорогой Александр Васильевич. Вы на колесах, а мы пешком...

— И у нас должны быть колеса, да вот что-то лошади не вижу,— смущенно пробормотал Рахья.

— Может, опаздывает, а может, по хозяйству занята,— сказал Шотман.— Здесь ждать не советую. Идите потихоньку...

— А ты взгляни, где Лидия с Иоганом. Передашь им,— мы пошли по песчаной проселочной.

Дорога была влажной, скользкой. К мокрым кустам старались не прикасаться.

Ильич смеялся, хвалил Ялаву:

— Необыкновенного самообладания человек. Вот это мастер конспирации. И как он чудесно меня успокаивал: «Паровоз идет хорошо. Все будет хорошо. Не мучай дрова, отдохни, пожалуйста... немножко...»

— Испытанный парень. Он на паровозе многих дружинников от гибели увез.

— Беспартийный?

— Как вам лучше пояснить: на словах — финский социал-демократ, а на деле — наш, большевистский человек. Одиннадцать лет тому назад я вместе с ним работал на Финляндке. Возглавляли стачечный комитет. Меня за резкость и прямоту сразу выгнали. А его, как лучшего машиниста, припугнули, но оставили.

Издалека донеслось бренчание колес о камни дороги. Рахья остановился:

— Должно быть, наши едут. Подождем немножко.

Капли дождя крошечными молоточками приколачивали рыжие гвоздики-хвои к земле. В умытой, свежей роще хорошо пахло смолой и грибами.

Вскоре показалась молодая резвая лошадка, запряженная в бричку.

— Где это вы потерялись? — сердито спросил Рахья.

— Тяхти [1] испугалась паровозного гудка и понеслась. Иоган с трудом удержал ее. А тут, слава богу, Шотман подвернулся, говорит: «Догоняйте, они по лесной дорожке пошли»...

Владимир Ильич сел на мягкое, душистое сено, виновато спросил:

— А не тяжело ей? Все-таки четыре седока...

— Молодая, здоровая,— сказал Рахья.— Надо еще троих посадить в наказанье, чтобы не носилась, перкеле...

Владимир Ильич поинтересовался, как зовут хозяина и хозяйку, сколько у них детей. Встревоженно повторил:

— Десять человек! А я одиннадцатый едок. Вот этого я никак не ожидал.

---

[1] Тяхти (финское) — звезда.

— А вы не пугайтесь, Константин Петрович! У нас хоть небольшое, но свое хозяйство. Будете самым желанным гостем,— сказала Лидия.

— Проще сказать — своим человеком,— добавил Рахья.

— И все-таки я постараюсь у вас не задерживаться.

Рахья хотел возразить, но не успел — громко заржала лошадь, предупреждая о приближении к Ялкала.

Около домика, стоявшего на опушке леса, блеснул фонарь «летучая мышь».

— Отец встречает,— сказала Лидия Петровна.— Вы не стесняйтесь, Константин Петрович; старики у меня простые, радушные люди.

Иоган остановил лошадь и первым спрыгнул с брички.

На крыльцо вышла хозяйка дома, Анна Михайловна, выскочили ребятишки — Эверт, Вернер, Аня.

Рахья представил гостя:

— Константин Петрович Иванов, знакомый мой, журналист.

Ленин, улыбаясь, поздоровался со всеми за руку. Детям сказал:

— А вот гостинцев-то я не захватил. Виноват. Спешил очень. Привезу в следующий раз.

Хозяйка погрозила сыновьям пальцем:

— Спать, спать, полуночники!

Обращаясь к гостю, предложила:

— А мы сегодня баню истопили. С дороги хорошо бы вам помыться.

Константин Петрович не скрыл радости:

— С превеликим удовольствием!

— А вначале прошу к столу. Покушайте. Путь-то дальний, поди, проголодались...

— На этот подвиг всегда готовы,— воскликнул Рахья.— Бричка шибко протрясла. Живот настоятельно требует пополнения. Пойдемте-ка сполоснем руки.

Прохладная вода приятно бодрила, снимала усталость.

Лидия Петровна усадила гостя на диван, налила кофе, пододвинула поближе тарелку с карельскими

пирожками. Они были свежими, румяными, сборчатыми, аппетитно похрустывающими на зубах. Константин Петрович ел да похваливал:

— До чего же вкусно! Какие чудесные пирожки! Ничего подобного никогда не едал...

— Кушайте на здоровье. Вот творог, масло маминого производства,— подбадривала гостя Лидия Петровна.

Пока ужинали, Анна Михайловна собрала белье мужа, робко предложила:

— Вы приехали налегке, без вещей. Если не побрезгуете, вот оно, конечно, простое, грубоватое...

— Ничего, подойдет! — поспешил на выручку гостя Рахья.— Константин Петрович тоже человек простой, хотя журналист весьма знаменитый. Было бы свежее... Воды-то хватит?

— Хватит! В крайнем случае на кухне возьмешь.

Банька была маленькой, чистенькой, с отдельной опрятной раздевалкой. Увидев зеленые, подвешенные к потолку веники, Ильич обрадовался:

— Попаримся по русскому обычаю.

— Финны, как видите, тоже парятся,— улыбнулся Рахья.— Это вам не Разлив...

— Представьте себе, когда мылся последний раз в бане,— не помню. Такая у меня архискверная, этапная жизнь.

— Ничего! Все хорошо пойдет,— рассмеялся Рахья.— И попаримся вволю и спины друг другу потрем, как полагается.

— Вот именно. Как полагается. На основе полнейшей взаимности...

Из бани вернулись румяные, довольные, веселые.

— С легким паром! — встретила их хозяйка.— Идите за мной, покажу вашу комнату.

— Благодарю, благодарю! — поклонился Константин Петрович.— Извините нас. Очень мы вас задержали. Нарушили ваш распорядок.

Под жилье гостю хозяйка приспособила пристройку, в которой раньше была молочная. У стены стояла кровать, у окна — стол и два стула.

— Очень, очень удобные хоромы,— сказал Константин Петрович.— Комнатка совершенно изолированная. Я никому не буду мешать.

— И вам никто не будет мешать работать. Это главное. Спокойной ночи, Константин Петрович.

— Спокойной ночи, Анна Михайловна!

Подошел к столу, нажал на крышку ладонями. Улыбнулся:

«Сделано прочно, надежно. Все прочно и надежно в этом удивительно гостеприимном доме».

Простыни были чистыми, приятно шуршащими. Пахло полевыми цветами, хотя их не было в комнате.

«Матрас набит сеном,— снова улыбнулся Ленин.— Какая благодать! Первая, по-человечески устроенная постель за два месяца скитаний. Что и говорить,— мир не без добрых людей».

ТАЙНЫЕ ЗАКЛАДКИ

...Эйно Рахья озабоченно потер ноющие виски, сердито покосился на будильник. Четверть второго, а Лидии все нет и нет. Ведь обещала возвратиться сегодня с последним поездом. Всегда такая аккуратная, исполнительная... Неужели что-нибудь случилось? Может, напали на след Ленина? Его ищут лучшие сыщики. Офицеры ударных батальонов и георгиевские кавалеры поклялись разыскать лидера большевиков. Эта клятва обошла все черносотенные газетки.

Рахья сердито спросил лежащего на кровати-раскладушке Вольдемара:

— Лююли ничего не говорила перед отъездом?

— Сказала, что вернется поздно вечером. Видно, не успела на последний поезд и вот осталась ночевать там, в Ялкала.

— Гадать-то я и сам умею. Ладно, спи. Повернись к стенке и свисти себе до утра. А я еще немножко посижу.

— Да и ты ложись, не переживай. Хоть Лююли ростом и маленькая, но не потеряется. Завтра прямо с поезда помчится на работу.

Вольдемар зевнул, по-мальчишечьи широко разведя локти, потянулся и закрыл глаза.

Рахья снял с полки изрядно потрепанный «Обрыв» Гончарова, прочел первую страницу и ничего не понял. Попробовал читать снова и убедился в том, что думает не о книге, а об Ильиче и Лидии.

Почему же все-таки она не вернулась сегодня? Возможно, пограничники и таможенные чиновники заметили, что Лидия часто ездит в Ялкала, и стали за ней следить. Но ведь некоторые дачники каждый день катаются в Териоки. А что, если сыскная свора напала на след Агафьи Атамановой,[1] когда она пробиралась на квартиру Пату Хилтунена. Вдруг ее арестовали при встрече с Лидией? А у Лидии могли быть ленинские письма в ЦК, его статьи для газеты «Пролетарий», которые она должна была вручить Крупской.

Этот довод показался самым вероятным и таким страшным, что Рахья решил немедленно пройти к Хилтунену и выяснить, была ли у него Лидия. Пока одевался,— раздумал. Если явочная квартира разгромлена, в ближайшие дни в ней нельзя появляться. Это простейшее правило конспирации. Нарвешься на засаду, и самого арестуют. А ежели обыска там не было, глупо ночью тревожить Хилтунена только потому, что Лидия не пришла ночевать.

Надо взять себя в руки, успокоиться. Говорят,— утро вечера мудренее. В девять — десять часов нужно позвонить к Лидии на работу, и все выяснится. На службу-то она должна явиться вовремя.

Не раздеваясь, Рахья прилег на кровать. Стал не спеша, строго, придирчиво проверять свой каждый шаг с памятного дня перехода из Разлива в Дибуны. Может, где-то переусердствовал, незаметно совершил какие-то ошибки, в чем-то немного просчитался.

Подоспел сон и оборвал тревожные поиски причин возможного провала.

...Утром Рахья позвонил на службу Лидии.

Трубку сняла ее сослуживица, пропищала недовольно:

— Ее здесь нет.

— Поищите, пожалуйста. Очень нужно...— попросил Рахья.

---

[1] По документам сестрорецкой работницы Агафьи Атамановой летом 1917 года проживала Надежда Константиновна Крупская.

— Попробую,— донесся сердитый голосок.

Рахья встал, плотно прижал к уху трубку.

В соседней комнате утомительно-звонко щелкали костяшки счетов. «Барыши хозяевам подсчитывают. Стараются, перкеле,— с нарастающим раздражением подумал Рахья.— И эта писклюха ушла и куда-то пропала. А может, Лидии нет на работе. Потому и не может ее разыскать. Что же случилось?»

Шаги. Знакомый, частый стук каблучков. Кажется, она.

— Лидия? Это ты, Лидия Петровна Парвиайнен? — выкрикнул в трубку Рахья.

— Я. А что с тобой случилось?

— Ах, перкеле! У тебя все в порядке? Все ли живы, здоровы?

— Все, все, все здоровы,— радостно произнесла Лидия. Вздохнула и по-фински попросила: —Только ты не баси так громко. Придешь, все подробно расскажу.

Рахья хотел спросить, почему не приехала вечером, но вмешалась неумолимая телефонная барышня и каким-то металлическим голосом изрекла:

— По-немецки говорить не разрешается. Разъединяю.

Рахья выругал ее по-русски и бережно положил теплую трубку. Сел к столу, потер ладонь о ладонь. Подумал с горечью: «Что это со мной творится? Раскис. Раскричался. Нехорошо. Не по-мужски».

Полистал бумаги в папке «срочных дел», попробовал читать, но никак не мог сосредоточиться на их ничтожном содержании по сравнению с той потрясающей радостью, прозвеневшей в телефонной трубке: «Все, все, все здоровы!» Значит, в Ялкала ничего плохого не случилось. Владимир Ильич, наверное, уехал подальше от границы — в центр Финляндии. Там безопаснее...

Рахья закрыл папку, сунул ее в ящик стола и посмотрел на часы. Как медленно тащится время! Ничего не хочется делать. И уйти нельзя. Хозяин завода на днях недовольно заметил:

— Что-то я редко вижу вас на службе, Эйно Абрамович. Где вы пропадаете? В чем дело?

— Так я прыгаю, как белка, с завода на завод. Использую старые знакомства. Достаю недостающее...

— Да, к сожалению, кое-чего у нас на складе нет.

«Надо показаться и хозяину и рабочим»,— решил Рахья и медленно побрел в мастерские.

С завода Рахья ушел за полчаса до конца рабочего дня. Заехал в богатейший магазин купца Елисеева, купил колбасы, сыра, конфет, печенья и направился на Петроградскую сторону, в Певческий переулок.

Лидия была дома. Увидев объемистые пакеты и свертки, удивилась:

— Ты что, с получки или с какого выигрыша?

— Я сегодня вроде именинника. А вчера с ума сходил от тоски. Знаешь, всего надумался. До утра не мог уснуть...

— Вот это хорошо! Я очень рада, очень...

— Чему ты радуешься, глупенькая?

— Вот теперь ты испытал, что значит — ждать и не дождаться. Я три ночи выстояла у форточки в квартире Кальске. Вся измучилась. А ты этого и не заметил. У тебя тогда даже словечка теплого не нашлось...

— Виноват, Лююли, исправлюсь. Вот я сейчас тебя поцелую и попаду под амнистию. А в то время некогда было, а главное — как-то неудобно при посторонних.

— А теперь удобно,— рассмеялась Лидия.— Хитер, хитер...

— Ну, вот мы и квиты. И хватит, не мучай, рассказывай о поездках к Константину Петровичу.

— Сейчас. Вот только кофе...

— Кофе потом. Я сыт.

— Ты сидел в конторке, а я набегалась. Ноги гудят... Ладно, не хмурься, я быстро.

И верно. Пока Рахья сменил ботинки на шлепанцы да умылся, быстрые, ловкие руки Лидии сварили кофе и накрыли на стол.

— Вот теперь можно рассказывать и закусывать Садись, великомученик... Так вот, вчера после работы я поехала к Хилтунен...

— Сначала о второй поездке...

— Хорошо, хорошо. Вторая поездка мало отличалась от первой. Константин Петрович передал мне шесть скрепленных листков бумаги, шириной примерно вот в половину тетрадного, все исписанные какими-то цифрами, дробями, нерусскими словами. Сказал

строго: «Не потеряйте и постарайтесь передать незамедлительно по месту назначения». Я стою, как немая, придумываю, куда мне эти секретные листки спрятать. А он словно догадался и спрашивает: «Что это у вас в руках?» Отвечаю: «Роман нашего писателя Алексиса Киви — «Семь братьев». Улыбнулся, подсказал чуть слышно: «А вы записки положите в книгу, пусть они будут закладкой. Никто и не подумает, что это какие-то особые... крамольные бумаги».

Я так и сделала. Поблагодарила, пожелала всего хорошего, села в бричку, и поехали на станцию. А дорога у нас, знаешь, какая тряская, сижу на мягком сене, будто на еже, и все думаю и думаю, как бы эти тайные листки не потерять. Жму книгу к боку, поминутно посматриваю на белый кончик. Отец заметил, смеется: «Ты что это так сильно головой крутишь? Смотри, отвалится». Я, понятно, промолчала...

— А он, наверное, догадался. До чего въедливый старикан,— сказал Рахья.— Константин Петрович всю жизнь конспирацией занимается. И оформили и представили его в полном аккурате, а твой отец на второй день догадался, что это Ленин. Прямо Шерлок Холмс какой-то.

— Доехали мы благополучно. Села я в поезд, раскрыла книгу, а читать не могу, все на закладку любуюсь. А потом думаю: «А вдруг соседи заметят, что я одну страницу полчаса читаю». Стала потихоньку перелистывать, а сама от цифрового листка глаз не могу оторвать. И только когда все передала в руки Надежды Константиновны, успокоилась, и на душе стало очень легко. Семь раз обозвала себя самым обидным образом.

— Это с непривычки. Все-таки ты молодец, Люючи. А вчера что с тобой случилось?

— Вчера был какой-то удивительно невезучий день. Хотела уйти пораньше с работы — не отпустили. Наконец вырвалась, помчалась на Большую Посадскую. Стучу, стучу — не открывают. Весь кулак отбила. Высунулась женщина из соседней двери, говорит: «Да он, наверное, в очереди стоит, загляните ко мне, переждите». А мне отлучиться нельзя, вот-вот Надежда Константиновна подоспеет. Поблагодарила. Вышла на улицу. Хожу, брожу вокруг парадной, как

коза на веревке. И все на часы посматриваю — как бы на поезд не опоздать. Наконец дождалась Хилтунена. Пришел усталый, злой и сразу принялся варить какие-то корешки. А я сижу, в окошко посматриваю, не идет ли, не идет ли она. Сколько времени прошло,— не знаю. В комнате жарко, дышать нечем. Думаю, выйду, покараулю на лестнице. И буквально в дверях столкнулась с Надеждой Константиновной. Приняла от нее пакет, сказала: «Опаздываю, встретимся здесь завтра в четыре дня» — и убежала.

В Териоках меня ждал Эдвард. Сели в бричку. Я его в спину подталкиваю: «Гони, гони быстрей». Хватил кнутом. Тяхти понеслась. Ухабы мотают из стороны в сторону. Думаю: «Только бы не вывалиться».

Ладно. Приехали. Я еще издали заметила — в пристройке темно. Где же Константин Петрович? Бегу и думаю: «Неужели уехал и не дождался?» На крыльце увидела маму с тремя незнакомыми мужчинами. Прошли в комнату. Спрашиваю: «А Константин Петрович где?» Мама пожимает плечами, улыбается. И тут я слышу за спиной знакомый голос: «Не признаете, Лидия Петровна, загордились». Гляжу и не верю. Стоит передо мной кто-то рыжебородый, краснощекий, очкастый. На голове черная шляпа, как будто моего отца. Очень похож на финского пастора. Я не выдержала: «Константин Петрович, как вас разукрасили! Хоть на сцену». Смеется: «Да вот товарищи Каллио и Куусела постарались. Выявили свои актерские способности на все сто процентов. Пакетик привезли?» Я передала сверток, а он вручил мне еще одну порцию тайных листков и синюю толстую тетрадку, которую ты ему купил. Отвел меня в сторонку, попросил: «Передайте все это лично Надежде Константиновне. Поблагодарите от моего имени своих стариков и товарища Рахия».

— Вот-вот, он всегда меня называет Рахия. А поправить его как-то и неудобно...

— Константин Петрович поцеловал маму, пожал руку отцу. Времени до отхода поезда оставалось мало. Решили переехать в лодке через Каух-Ярви и дальше — самой короткой дорогой — идти на Териоки. Эдвард сел на весла. Было тихо, тепло. Все шутили, смеялись,

а мне почему-то было грустно. На тропинке у кладбища Константин Петрович сказал мне: «Большое спасибо за все хорошее. У вас чудесно. Может быть, в скором времени приедем к вам с Надюшей в гости. А пока до встречи в Петрограде. После революции». Я прошла несколько шагов рядом с ним, попросила: «Приезжайте, непременно приезжайте, дорогой Константин Петрович». Он пожал мне руку: «Идите, идите, не беспокойте ваших милых стариков». Я остановилась. И смотрела, пока они не исчезли в темноте. И все думала,— зачем они его от нас увели? Ему так удобно было работать. За это время столько написал...

— Теперь он, наверное, уже в Хельсинки. Как-то устроился на новом месте?

— Хорошо. У него все получается хорошо. Помнишь, как у нас было: только переступил порог и уже со всеми познакомился и подружился. Понравился и старикам и ребятишкам. Удивительно теплой, отзывчивой души человек...

ИСПОЛНИТЬ НЕЗАМЕДЛИТЕЛЬНО

...Эйно Рахья первым вышел из-за стола, забавно поклонился, поблагодарил тещу за вкусный обед.

Анна Михайловна, приехавшая из Ялкала «за пуговицами да нитками», погрозила дочери пальцем, сказала строго:

— Все кусочничаете. Все вам некогда. Смотри, как заморила мужа — одни кости да усы.

Рахья хотел возразить, но в это время в дверь несмело, чуть слышно постучали.

— К тебе в гости. Женская рука,— тихо сказал он Лидии, надел пиджак и громко пригласил:

— Заходите, заходите, пожалуйста!

В комнату вошла женщина в изрядно потертом, старомодном пальто-букле и в белом, повязанном назад концами и похожем на тюрбан платке. И по лицу и по тяжелой походке можно было догадаться — женщина очень устала и с трудом держится на ногах.

— Агафья Атаманова!

— Надежда Константиновна! — почти одновременно произнесли изумленные Эйно и Лидия. Растерянно переглянулись, стараясь угадать, что́ привело в их маленькую комнатку дорогую гостью и нужно ли радоваться или готовиться к печальному известию.

— Вам привет от Константина Петровича,— тихо сказала Крупская.

— Спасибо! Очень приятно. А вы раздевайтесь, присаживайтесь к столу. Закусите с дороги.

— Благодарю. Я очень спешу. У меня записка вам от Константина Петровича.

— Вот как! А откуда вы ее получили?

— Я только что вернулась от него.

— Вы одна... Осмелились... В такую трудную дорогу. Ведь это сильно опасно.

— Не привыкать.

Надежда Константиновна тяжело опустилась на стул, откуда-то незаметно вытащила узенькую помятую полоску бумаги, передала Рахья. Он торопливо развернул ее, разгладил на ладони и по первому же слову «Рахия», с характерной точкой над «и», узнал ленинский почерк. Трижды перечел две четко вылепленные строчки, пока уяснил смысл. Повторил как бы про себя — «исполнить незамедлительно», подставил свой стул к гостье, тихо спросил:

— Вы можете мне указать хотя бы, ну, приблизительный курс... моего плавания?

— Константин Петрович велел нарисовать точнейший план, рассказать вам обо всем подробнейшим образом.

— В этом не нуждаюсь. Я в Выборге когда-то бывал, искал работу. Скажите только,— у кого он остановился?

— Александровская улица, дом пятнадцатый, деревянный, крыша красная. Латука...

— Все, все! — замахал рукой Рахья.— Юхо Латука, редактора газеты «Тюэ», я хорошо знаю. Не беспокойтесь — все будет в полном аккурате. Для меня слово Константина Петровича — закон.

— Володя весьма тепло отзывался о вас как о заслуживающем полнейшего доверия, надежном товарище.

— Что вы, что вы говорите, Надежда Константиновна, виноват, товарищ Атаманова. Я еще этого не заслужил. Будем считать,— это вы как бы авансом сказали. Однако полагаю — момент серьезный, и я даже немножко качаюсь, как в шторме. Подпольными делами Старика занимается Шотман. Это ему Цека поручило...

— По-видимому, у Володи есть свои соображения насчет передвижения. На месте он вам все расскажет. Мне остается только пожелать вам счастливого пути. Когда вас ждать в Удельной?

Рахья провел жесткой ладонью по высокому лбу, примял редкие волосы, потер тонкую шею и ничего не мог придумать. Молчание было обоим неприятно, тягостно. Наконец Рахья сказал:

— Я должен посоветоваться со своим помощником Гуго Ялавой. Точный срок могу назвать только завтра утром. Скажите, где вас найти.

— Приходите в удобный для вас час к нам в Лесновско-Удельнинскую думу, в отдел образования.

— Хорошо. Буду у вас в десять. Вы наверно какой-нибудь пакетик приготовите?

— Просил ничего не присылать... кроме связного. Очень скучает по Питеру, по неотложным делам. Ну вот, кажется, все уяснили. Я весьма на вас надеюсь, Эйно Абрамович.

Надежда Константиновна встала. Рахья пожал ее небольшую энергичную руку и вдруг спохватился:

— Да что это я делаю! Извините, теряюсь немножко. Я вас обязательно провожу.

— Нам ходить вместе не следует,— улыбнулась Надежда Константиновна. Ее величество Конспирация не позволяет...

— Ладно. Я вас провожу до парадной, а там пропущу вперед и пройдусь хотя бы до трамвая. А потом поеду к Ялаве. Незамедлительно, как любит говорить Константин Петрович.

— Вот именно — незамедлительно,— подчеркнула Надежда Константиновна.— Сейчас все надо делать незамедлительно.

Рахья быстро оделся, сказал Лидии:

— Я задержусь у Ялавы,— и вместе с гостьей вышел из комнаты.

На улице далекими тусклыми звездами горели фонари. Под ногами чуть слышно похрустывали только что упавшие с деревьев листья. Прикрываясь густыми туманами, неуютная суровая осень вползала в измученный войной и голодом город.

Не спуская глаз с белого, по-простонародному повязанного платка идущей впереди Надежды Константиновны, Эйно подумал о том, что ее могли узнать сыщики-добровольцы, установить слежку и арестовать вместе с мужем. Ведь у нее такое характерное, запоминающееся с одного взгляда лицо. Какое же надо иметь мужество и выдержку, чтобы с документами Агафьи Атамановой дважды пройти придирчивую, строжайшую проверку в Белоострове и, не зная финского языка, отыскать в незнакомом городе скрывающегося в глухом подполье Владимира Ильича. С виду ничем не примечательная, можно даже сказать, сла-

бая женщина, а какая могучая сила воли, какой твердый характер.

На остановке Рахья задержался всего лишь две минуты, пока подошел трамвай. Надежда Константиновна вошла в вагон, села у окна.

Рахья перешел улицу, дождался следующего трамвая и поехал в сторону Финляндского вокзала. Обдумывая план переезда Владимира Ильича, пожалел о том, что в городе нет Александра Васильевича Шотмана. Уехал по заданию ЦК партии в Уфу. С ним было бы очень полезно посоветоваться. Все-таки дело-то секретнейшее, ответственность огромная.

Рахья вышел у Финляндского вокзала, прошел по Лесному проспекту и свернул направо, в Ломанский переулок. По установившейся привычке осмотрелся по сторонам и, никого не увидев, юркнул во двор дома 4-б. Поднялся на третий этаж и постучал в дверь 29-й квартиры. Открыла жена Ялавы — Лидия Германовна — и сразу же сообщила:

— А Гуго еще не вернулся с работы.

— Добрый вечер, хозяюшка. Ничего, я посижу, подожду.

Рахья прошел в комнату, не ожидая приглашения, снял пальто, повесил и сел к накрытому столу.

— Какой ты ловкий парень,— усмехнулась хозяйка.

— Да ты не пугайся,— рассмеялся Рахья,— я только что пообедал. А вот где этот тихоня Ялава бродит? Не завел ли сударушку?

— И какой черт тебя за язык дергает? Мой муж на тебя не похож, работает, не гуляет.

— Да я шучу. Хотел тебя развеселить, но не получилось.

Рахья посмотрел на стенные, обрамленные красивым кружевом резьбы часы и совсем невесело подумал: «Время позднее; не случилось ли чего с Ялавой? В городе участились случаи грабежей и убийств. Да и на работе могло случиться несчастье. Кто заменит Ялаву? Кто решится провезти в Питер самого страшного для Временного правительства человека?»

Рахья заметил, хозяйка квартиры тоже волнуется — поминутно посматривает на часы, прислушивается, не знает, чем заняться. Рахья встал, подошел к ок-

ну. Ничего не видно. Хоть бы какой-нибудь паршивенький фонарь повесили.

Отпрянул от окна, услышав резкий стук в дверь.

Хозяйка облегченно вздохнула:

— Гуго! Это его рука.

Вошел Ялава. На его усталом круглом лице поблескивали масляные пятна. Улыбнулся, заметив Рахья.

— О, у нас, оказывается, важный гость. А почему такие кислые физиономии? Что случилось?

— За тебя беспокоились. Все-таки двенадцатый час...

— У меня все идет хорошо. Проходи в комнату, Эйно. Я мигом умоюсь, потолкуем...

В комнате было тесновато от изобилия дешевой, но удобной и красивой, привезенной из Финляндии мебели. На стенах висели картины известных финских художников.

«Хорошо живет, перкеле,— усмехнулся Рахья.— Куда лучше моего. Оно понятно — все время на одном месте...»

Ялава вошел в комнату, тихо спросил:

— Чем могу быть полезен?

— Надо привезти обратно Старика. Ты завтра в Выборг едешь?

— Буду работать на пригородном. Только до Райвола.

— Плохо. Хотя подожди, подожди... Ведь можно ехать и с пересадкой. Подскажи, с каким поездом мы должны выехать из Выборга, чтобы попасть на твой последний поезд?

Ялава подумал, вытащил из кармана записную книжку-календарик, полистал ее, сказал:

— Для верности выезжайте на двадцать шестом. Он выходит в двадцать часов. Вполне успеете.

— Значит, так и решили. Уверен, что и на этот раз не подведешь.

— Все пойдет хорошо,— улыбнулся Ялава.— У меня память крепкая.

— Когда мы будем в Питере, примерно?

— В два двадцать. Где вылезете?

— На Удельной. Там немножко придержи. Ну, спасибо тебе, Гуго!

— До встречи в Райвола.

На следующий день утром Рахья позвонил на завод и предупредил управляющего, что поедет на Выборгскую сторону «клянчить заказы», а сам направился в Лесной. Предупредил Крупскую и сразу же поспешил на Финляндский вокзал.

Спустя пять часов Рахья уже был в Выборге.

Учитывая памятное наставление Владимира Ильича при переходе из Разлива в Дибуны, Рахья прежде всего прошел на вокзал, переписал расписание поездов, сверил местные часы со своими и со спокойной совестью направился на поиски дома Латука.

Осень щедро позолотила шеренги деревьев на Александровской улице. У сквера Салаккалахти бродили, задрав подбородки, щеголевато одетые люди, должно быть туристы, и любовались причудливой архитектурой шестиэтажного дома Пиетинена.

На перекрестке Александровской и Торкельской улиц Рахья увидел толпу солдат и сразу же встревожился: «Чем они занимаются? Не облава ли?»

Подошел, послушал.

Удалось установить, что солдаты решают вопрос: вернуться ли в казарму или пойти в эспланаду — павильон, где играет городской духовой оркестр. На взъерошенного молоденького прапорщика нижние чины не обращали никакого внимания.

Успокоившись, Рахья пошел дальше, пристально присматриваясь к домам.

У небольшого деревянного, крытого железом домика Рахья замедлил шаги, оглянулся. За ним шли двое в серых пальто и в шляпах. Почему-то эти прохожие показались подозрительными. Рахья решил их пропустить вперед. Лениво передвигал ноги, прислушивался. Шлепающие шаги внезапно стихли. Видимо, прохожие завернули в какой-то дом. Рахья достиг конца улицы, постоял, не спеша осмотрел все кругом. Ничего подозрительного не обнаружил. Улица тихая, рабочая. И все же Рахья решил еще раз проверить, не прицепился ли какой «хвост». Прошелся по Александровской, а затем по параллельной ей маленькой улице Поссен. Только убедившись в том, что за ним никто по пятам не следует, решился подойти к дому № 15.

Постучал в дверь. Послушал. Тишина. Ударил трижды кулаком.

Дверь приоткрыла женщина в серой шерстяной кофте.

Рахья сказал:

— Константину Петровичу кланяется Агафья Атаманова.

Женщина пожала плечами, недоуменно покачала головой.

Тогда Рахья повторил пароль, четко, выразительно произнося каждое слово.

И ничего не услышал в ответ.

«Что она, немая или не понимает по-русски?» — встревожился Рахья и произнес ту же фразу на финском языке.

Лицо женщины покрылось густым румянцем. Она резко потянула к себе дверь, но в эту минуту к ней подошел Ленин.

— Вас-то мне и надо! — обрадовался Рахья и быстро проскользнул в коридорчик.

Владимир Ильич стремительно вскинул руки на плечи Рахья, привлек к себе, сказал, ласково улыбаясь:

— Большое спасибо! Огромное спасибо вам, что приехали, дорогой Эйно Абрамович. Вижу — вы не ожидали такого негостеприимного приема. Не огорчайтесь. Это сестра хозяйки. Прошу — заходите в мое убежище. Рассказывайте.

На столе лежали раскрытые книги, исчерканные синим и красным карандашом, газеты и листы бумаги.

«Работал. Только что оторвался от стола,— подумал Рахья.— Пожалуй, ему здесь лучше, чем в Ялкала. Книги и газеты под рукой».

Владимир Ильич прижал пальцами парик у висков, указал на стул, спросил:

— Как чувствует себя Надежда Константиновна? Все ли там у нее в порядке?

— Хорошо. Не жаловалась. Я ее видел сегодня утром в Лесновско-Удельнинской думе. Отдохнула, вполне нормальный, здоровый вид.

— А скажите, она ничего не говорила вам о некоторых факторах?

Рахья посмотрел на руки Ленина, собирающие листки рукописи, на его строго сжатые губы, прищуренные глаза. На какие это такие факторы он намекает? Не сказать бы ему какой-нибудь глупости.

— Ну, ну? — поторопил Ильич.

Рахья тяжело вздохнул:

— Главный фактор-то у меня в кармане — револьвер. Но этого мало. Все-таки опасно.

— Вам Шотман ничего не говорил?

— Я ни с кем не разговаривал. Некогда было. Вы же пишете — «исполнить незамедлительно»...

— Значит, ни с кем не советовались,— в глубоком раздумье, не глядя на Рахья, произнес Ленин.— Может, это и к лучшему. Едем!

Из кармана жилетки достал часы, спросил:

— Скажите, каким мы временем располагаем?

Рахья тоже вытащил часы.

— Смотря каким поездом. Можем и в двадцать и в двадцать два часа.

— Решайте сами, товарищ Рахия. Вы и только вы ответственны за переезд. План продумали?

— Со вчерашнего вечера только об этом и думаю.— И Рахья рассказал Владимиру Ильичу о подготовке к переезду.

— Выходит, критика пошла вам на пользу,— улыбнулся Ленин.— Значит, все пойдет хорошо, как говорит наш друг Ялава.

— Думаю,— все пойдет хорошо.

— А что мы с вами не учли? Чего еще не успели сделать?

Рахья подумал, сказал уверенно:

— Расписание в кармане. Часы сверены с вокзальными. Вот только билеты еще не взял. Сейчас поеду и заберу: вам до Райвола, себе — до Петрограда. Буду брать на двадцать шестой поезд. Лучше подождать, чем приехать в обрез.

— Совершенно верно. Умные речи приятно и слушать. Сейчас я поищу деньги.

— Не затрудняйтесь. За долгами приду после революции,— рассмеялся Рахья, надевая шляпу.— Я через час вернусь и постучу трижды. Вы сами откройте. А то я на хозяйку не надеюсь.

— Хозяин и хозяйка здесь превосходнейшие. Не заражены эпидемией доверчивости. Прошу вас — на улице будьте предельно осторожны, Эйно Абрамович.

Ленин проводил Рахья и закрыл за ним дверь.

На улице мальчишки пытались запустить в небо змея, но ветер был таким слабеньким, что не мог поднять длинный, тяжелый хвост чудища. Рахья хотел было сказать озабоченным «мастерам», что надо облегчить конструкцию «воздухоплавательного снаряда», но не осмелился задержаться даже на минутку. Пока шел по Александровской улице, несколько раз оглянулся, но ничего плохого не заметил.

На вокзале Рахья без труда купил билеты. Присмотрелся к пассажирам в зале ожидания. Публика вроде подходящая — рабоче-крестьянская. Несколько солдат и матросов на скамейках — должно быть, отпускники. Заглянул в буфет. Здесь «убивали время» пассажиры первого класса и офицеры. Пахло водкой и сыром. Молоденькие прапорщики у окна о чем-то возбужденно спорили. Рахья решил узнать, чем же они недовольны. Подошел к буфету, попросил два фунта копченой колбасы и фунт голландского сыра. Прислушался. Вздрогнул, уловив четко произнесенное слово «Ленин». Подумал: «Надо задержаться. Может, они из тех, что клялись «поймать лидера большевиков». Попросил взвесить конфет трех сортов и незаметно подвинулся поближе к спорящим. Теперь можно было разобрать отдельные фразы. Прапорщики обсуждали вопрос, нужен ли России предпарламент или можно обойтись без него. Рахья немного успокоился, попросил завернуть купленное в один пакет и направился на Александровскую улицу.

У ближайшего фонаря посмотрел на свои часы и с досадой отметил, что проходил больше положенного времени. Ускорил шаги. Только у дома № 15 огляделся и порадовался тому, что вокруг никого нет.

Дверь открыл мальчик — сын Латука Вильям — хозяин тяжелого змея. По-фински поздоровался, напомнил:

— А вас ждет Константин Петрович.

Рахья тихонько постучал. Услышал:

— Заходите, заходите и докладывайте, где это вы так задержались?

— Просчитался, Константин Петрович. На вокзале довольно долго принюхивался к настроениям пассажиров, вероятных наших спутников. Разведка никогда не мешает. Особенно по офицерской части.

— И что же вам удалось вынюхать?

— Все, понимаете, все повально ударились в политику. Мальчишки-прапорщики не о барышнях толкуют, а о предпарламенте и его отношении к Керенскому и Ленину.

— Любопытно, весьма любопытно. А к разговорам солдат вы не прислушивались?

— Не успел. Когда вас искал, слышал, как солдаты спорили: идти ли им в казарму или завернуть к эспланад-павильону и послушать музыку. Офицерик кричал, махал конечностями, а солдаты на него ноль внимания. Что из этого вытекает? Нет самой ничтожной дисциплины. Раз солдаты вышли из повиновения офицеров, из них усмирителей революции не получится. А это подрезает всех временных правителей под корень.

— Оказывается, вы не только наблюдаете, но довольно зорко анализируете факты. Солдатам опостылела казарма-каторга. Солдаты хотят слушать музыку, читать книги,— одним словом, стремятся к культуре и искусству. Однако мы с вами отвлеклись от насущных задач. Билеты купили?

— В кармане. Давайте собирать вещички.

— А у меня их нет. Рукописи я уже спрятал. Хозяйка дома, Лидия Фоминична, напекла и нажарила всякой провизии. Мои возражения не приняла во внимание. Больше того, обиделась. Исключительной чуткости и доброты человек.

— Тогда остается только немножко исказить вашу личность. Самую малость...

— Не хотите ли вы меня гримировать по примеру товарищей Каллио и Куусела?

— Куда мне до них. Они актеры, а я человек мастеровой. Нацепим на вас что-нибудь этакое финское и поедем.

— Ну что ж, действуйте. Только не выходите за рамки дозволенного конспирацией. Товарищи Каллио

и Куусела перестарались: наложили на мое лицо столько грима, что от жары он потек и борода наполовину отклеилась.

— Что вы говорите! Ведь вас могли запросто разоблачить... схватить, как жулика. Извините за такое выражение.

— До этого дело не дошло. Духота разбудила меня; глянул я в зеркало, и стало, знаете ли, не по себе. Моментально уединился и все актерское оформление содрал. Потом долго стоял у окна и думал, как показаться пассажирам в своем новом качестве. Был с бородой и вдруг... ее потерял.

Рахья, с трудом сдерживая смех, прикусил губы. Ленин взглянул на смеющиеся глаза, на забавно выпученные щеки своего связного и так громко, радостно захохотал, что в комнату мячиком влетел мальчишка и, с трудом подбирая слова, изрек:

— Какой большая... а смех мальчик.

— Вот вам и критика на наше поведение. Вильям прав, действительно мальчишество. Ну что ж, займемся маскарадом.

Постыдная, непоборимая робость охватила Рахья. Он понимал, что надо изменить внешний облик Ленина, чтобы он был неузнаваем, но только не смешным. Известно, что всякое искажение, отклонение от нормы, не отвлекает, а наоборот привлекает внимание всяких любопытных. Вот как нелепо получается: только что смеялся над артистами-гримерами, а теперь сам попал в такую историю, что не знаешь, как из нее выйти с достоинством и честью.

— Что вы стоите и любуетесь на меня? — спросил Владимир Ильич. — Так мы и на поезд опоздаем.

— Вот прицеливаюсь и прикидываю,— удрученно произнес Рахья.— Видите ли, подручных материалов маловато.

— Прикидывайте побыстрее. Используйте, какие есть.

И тогдаРахья сдернул с вешалки знакомую черную шляпу тестя и надел на голову Ильича. У хозяйки выпросил взаймы черный галстук и высокий воротник из гуттаперчи. Передал Ленину, попросил:

— Пристройте... поудобнее....

Вильям, с любопытством следивший за поисками Рахья, нырнул под свою кровать, порылся в «неисчислимых мальчишеских богатствах», извлек роговые очки с надломленной дужкой и сказал важно:

— Дару... Дяди Кости...

— Вот это кстати,— обрадовался Рахья.

Кусочком тонкой проволоки ловко и быстро починил дужку, платком протер стекла и, нацепив очки на нос Ильичу, осведомился:

— Ну как, все ли просматривается?

— Все прекрасно вижу.

Рахья отошел в сторону, строго оценил свою работу и остался доволен:

— Форменный пастор. Вам бы выступить в кирке и произнести проповедь. Получилось бы в полном аккурате.

Владимир Ильич поморщился:

— Удивительное совпадение! И артисты-любители и вы усиленно продвигаете меня на роль пастора. Неужели вы не понимаете, что эта роль для меня совершенно не подходит? Явно не мое амплуа. Я никогда не имел дело с финскими пасторами и сейчас не имею ни малейшего желания сблизиться с ними.

— Ничего не поделаешь, Константин Петрович. Попали в рамки конспирации. Способному артисту любая роль впору. Я вам облегчу задачку. Мы будем стоять на площадке вагона и, если рядом окажется публика, поговорим немножко по-фински. И все тогда поймут, что вы финский пастор.

— Хорошенькое упрощение задачи. На вашем языке я знаю названия ягод и грибов да еще два слова — «я» и «ей».[1]

— И хватит. Я буду говорить по-фински, а вы свысока своего положения изредка промолвите «я» или «ей».

Рахья посмотрел на часы, заторопился:

— Пора идти. В нашем распоряжении всего час.

— Пошли попрощаемся с хозяевами.

Рахья с глубоким волнением наблюдал за тем, как трогательно и тепло благодарил Владимир Ильич изумленного внезапным отъездом Юкка Кирилловича Латука и как, поцеловав руку, страшно смутил робкую Лидию Фоминичну. И тут же Рахья заметил, что самым близким другом Ильича является маленький рыжеволосый, ни на шаг не отступавший от дяди Кости Вильям.

— Приезжайте, пожалуйста, к нам в гости,— попросил Латука.— Вместе с супругой. Будем очень рады.

— Будем рады,— повторила Лидия Фоминична.

— Вначале вы пожалуйте к нам в Питер, этак через месяца два — три.

Рахья пожал руку Латука, поклонился его жене, потряс розовую ладошку Вильяма.

[1] «Я» и «ей» (финское) — да и нет.

— Счастливый путь, наш дядя Костя,— с трудом сдерживая слезы, сказал мальчик.

Латука надел шляпу.

— Нет, нет,— остановил его Ленин.— Провожать не нужно. Еще раз благодарю вас.

На улице было тепло.

— Погода — наша союзница,— сказал Ильич.— Обходимся и без пальто.

— А я вот, перкеле, в спешке и не догадался предложить вам свой свитер,— пожалел Рахья.— В Райволе наденете.

— Глупости! Я не из породы тепличных. А вы послушайте-ка — музыка! Великолепно играют. Ве-ли-ко-лепно! Оказывается, и в Выборге весьма чтят короля вальса Иоганна Штрауса.

На вокзал пришли за пять минут до отхода поезда. Поднялись на площадку вагона третьего класса. Прижались к стенке.

И на вокзале была слышна музыка. И только когда застучали колеса, Ленин перестал прислушиваться, улыбка сбежала с лица, и глаза стали строгими, суровыми.

На площадке стояли любители свежего воздуха, и Рахья после некоторого раздумья сказал своему спутнику, что березки и осины необыкновенно нарядны, сплошное золото и бронза.

«Пастор» подумал немножко и вдруг категорически заявил:

— Ей, ей...

Рахья сокрушенно покачал головой и завернул длинную фразу о неудобствах передвижения в переполненных вагонах, о постоянных сквозняках и о кипяченой воде, без которой черствый хлеб не лезет в глотку.

В ответ «пастор» снова процедил сквозь зубы:

— Ей, ей...

— Ох, перкеле,— не выдержал Рахья.

— Я, я,— громко подтвердил «пастор».

Рахья торопливо прикрыл рот рукой. Вот до чего договорились. Сплошное богохульство. А что, если на площадке стоят понимающие финский язык? Получается какая-то ерунда. Нет, уж лучше помолчать, чем так невпопад беседовать.

И Рахья нарочито отвернулся от собеседника. «Пастор» ничуть не обиделся, подвинулся поближе к русским пассажирам и заинтересовался их беседой.

В Райвола Рахья тронул за рукав спутника и кивнул на дверь. Вышли. Не спеша обогнули поезд. Осмотрели железнодорожные пути.

— Где же «все пойдет хорошо»? — встревоженно спросил Владимир Ильич, не обнаружив знакомого паровоза № 293.

Рахья задумался. Неужели Ялава не сдержал слова? А может, заболел? Вчера был совершенно здоров...

Сказал угрюмо:

— Наверное, у склада дрова на паровоз набирает. Пойдемте проверим.

Шоссейная дорога, бегущая в сторону Выборга, была совершенно безлюдной. Рахья, стараясь развеселить своего спутника, напомнил ему о неудачном собеседовании на финском языке.

Ильич рассмеялся:

— Подумать только, какое кощунство мы совершили: пастор признал себя чертом! Да, роль служителя бога я сыграл совершенно бездарно. Хватит, батенька! Забирайте очки и этот немилосердный гуттаперчевый хомут. От него шея горит, как в огне. Должен признаться — роль кочегара мне больше нравится.

— Ялава научит — мастер! Да вон его «Ричмонд» чернеется. Вы здесь постойте, а я мигом проведу разведку.

Широко и быстро шагая, Рахья подошел к паровозу, вскочил на ступеньки и, поздоровавшись, спросил:

— Ну как, можно ехать?

— Посмотри-ка, Эйно, вон там две вороны сидят на заборчике. Видно, добычу высматривают.

Две черные фигуры четко выделялись на светлых досках.

Рахья нахмурился. Попробуй угадай, кто они такие, что замышляют. Может быть, это из той стаи, что ищут Ленина.

Ялава вытер с лица пот, сказал угрюмо:

— Ну и черт с ними, пусть торчат. Идите к станции и ждите у полотна. Я задержусь до первого

звонка, тихонько подъеду к вам и захвачу. Пока прицепляем, ты перейдешь в первый вагон.

— А на засаду не нарвемся?

— Никто не догонит! Все пойдет хорошо...

Рахья спрыгнул с подножки и пошел к Ленину. Под ногами неприятно хрустел гравий. На всякий случай переложил револьвер из потайного кармана в боковой. Владимиру Ильичу о подозрительных субъектах ничего не сказал. Зачем расстраивать? Надо всегда верить в благополучный исход.

— Сколько еще нужно ждать? — неожиданно спросил Ленин.

— Примерно полчаса. Да вы не волнуйтесь, в час ночи будем на Удельной.

— Скорей бы. Ужасно надоели все эти скитания и путешествия. Третий месяц вынужденного подполья в так называемой «свободной России». Почти три месяца заведомые клеветники облаивают нас со страниц «Речи», «Биржевки», «Дня» и прочих продажных газет...

— Ничего. Мы скоро им прижмем хвосты. Теперь у нас в пять раз больше оружия, чем было в марте месяце. Корниловщина даром не прошла.

— А вы не преувеличивайте, Эйно Абрамович.

— Ну, если не в пять, так в четыре раза. Это точно. Приедете в Питер — сами убедитесь. А пока лучше всего перейти на обозрение природы. Для пользы дела.

— О погоде мы уже говорили. Постоим, помечтаем...

— Нет, давайте закусим,— и Рахья протянул своему спутнику бутерброд с колбасой.

— Вкусно,— улыбнулся Ленин.— Вы очень догадливый и заботливый человек.

В тишине далеко разнесся станционный звонок.

— Подходит наше время,— тихо сказал Рахья.— Приготовьтесь. Он замедлит ход. Только не промахнитесь.

— Не беспокойтесь. Я ежедневно занимаюсь гимнастикой.

— И я тоже, поддерживаю бодрость конечностей.

Послышался второй звонок. И сразу же до спутников, стоявших плечом к плечу у железнодорожного полотна, донеслось жаркое дыхание паровоза.

Ялава заметил светлячок — папироску Рахьи — и почти остановил паровоз. Владимир Ильич сильно оттолкнулся от земли и, вскочив на подножку, цепко ухватился за поручни и влез на паровоз.

— Милости прошу,— пробасил Ялава.

На станции кочегар Нярвянен и Рахья прицепили паровоз к поезду и вошли в первый вагон. Сели у окна. Рахья, вглядываясь в желтые огоньки домов, сказал улыбаясь:

— Можешь вздремнуть, Нярвянен.

— Везет мне,— рассмеялся кочегар, пристраиваясь поудобнее к стенке вагона.— Дай бог здоровья твоему знакомому...

Через пять минут Нярвянен задремал. Рахья вышел из вагона и сел на верхнюю ступеньку подножки. Прищурив глаза от встречного ветра, смотрел, как паровоз швыряет клубы дыма под колеса. Кажется, вырвались благополучно. Теперь только бы проскочить заградительную полосу — Белоостров. Ильич устал, очень устал. А на паровозе не отдыхает. Шурует в топке. Алые искры прошивают темноту.

* * *

Проверка в Белоострове прошла благополучно. Пограничники и таможенники занялись буйствующим пьяным пассажиром, которого высадил главный кондуктор.

Рахья сел в вагон последним. Прижался горячим виском к прохладной раме окна. И сразу же почувствовал, как крадется, наваливается на веки сладкая дремота. Не дай бог, уснешь и проскочишь Удельную. Встал, вышел на площадку и, чтобы скоротать время, затянул бесконечную песню «По Дону гуляет казак удалой»...

В Удельной Ялава на минутку дольше, чем положено, задержал поезд и проводил дорогого пассажира зычным, долгим, радостным гудком.

Ленин и Рахья вышли на пустынный Скобелевский проспект. Послушали, как воют голодные собаки. Рахья лукаво сказал:

— Теперь вы вперед идите. Моя командировка вроде бы и кончилась.

Владимир Ильич рассмеялся.

— А милицейские спят?

— Здешний-то спит, а за весь участок не ручаюсь.

— Я продлю вашу командировку, товарищ Рахия,— хитро прищурил глаза Ленин.— И знаете, до какого срока? До полной победы революции. Да вы не горюйте. Ждать недолго осталось.

— Что вы! Я очень рад. Только вот не знаю,— складно ли получается у меня? Может, подберут кого половчее, поумнее и помоложе.

— В этом нет нужды. Со своими обязанностями вы пока успешно справляетесь. Однако предупреждаю — у вас будут еще более сложные и трудные задания. И я потребую неукоснительной точности...

— И незамедлительного исполнения.

— Само собой разумеется.

— Согласен. На все согласен. А вот куда сейчас-то мы идем?

— На Сердобольскую улицу. Там нас встретит Надюша.

— Значит, берем курс к «Айвазу», оттуда рукой подать. Всего версты две с гаком будет. Неужели она ждет на улице в такой поздний час?

— Конечно, ждет. Ведь она моя жена. Она не может иначе.

— Виноват. Но все-таки слабая женщина. А сейчас такое неспокойное время.

— Тогда пойдемте быстрее. Я тоже об этом давно думаю. И, конечно, очень волнуюсь.

У завода «Айваз» спутников остановили два милиционера с винтовками японского образца. Рахья шепнул:

— Я один,— и вышел вперед, на ходу доставая документы. С подчеркнутой вежливостью поздоровался, предложил папироски высшего сорта «Зефир».

Старший милиционер посмотрел заводское удостоверение, спросил:

— А это кто с вами?

— Мой дружок. Были у тестя в гостях. На Скобелевском.

— Ступайте с богом,— сказал милиционер, возвращая документы.

Не спеша прошли несколько шагов. Владимир Ильич взял Рахья под руку, похвалил:

— Ловко вы сочиняете. Завидная, весьма похвальная выдержка. А посты еще будут?

— Нет. Сердобольская под горой, почти рядом...

От станции Ланской докатилось тревожное эхо винтовочного выстрела. За высоким забором загоготали разбуженные гуси. И снова наступила тишина.

— Постреливают паразиты,— сердито сказал Рахья.— Вместе с порядочными людьми оружие заполучили бандюги. Вот и резвятся...

— Придет время — ликвидируем,— спокойно сказал Ленин.

Пройдя несколько шагов, вскинул голову, добавил:

— Зайдите, пожалуйста, на минутку ко мне.

Вышли на Сердобольскую улицу. Из парадной четырехэтажного кирпичного дома выбежала закутанная в теплый оренбургский платок женщина. Она торопливо кивнула головой Рахья, взяла под руку Владимира Ильича и повела его в дом.

Рахья постоял, привычно обозрел перекресток улиц и, убедившись в полной безопасности, тоже прошел в парадную. Догнал Ленина у второго этажа.

У квартиры 41-й женщина остановилась, достала ключ и открыла дверь. Рахья улыбнулся: «Словно домой пришли. Молодец, Надежда Константиновна, смекнула. Хозяйку не нужно тревожить»,— и следом за Владимиром Ильичем прошел по освещенному коридорчику в крайнюю комнатку. Не снимая шляпы, спросил:

— Вы что-то хотели мне сказать, Константин Петрович?

— Да, да. Я буду жить здесь — у Маргариты Васильевны Фофановой — Сердобольская один, квартира сорок один. Совсем нетрудно запомнить. Знайте — квартира архисекретна. Кроме вас, никто ее знать не будет. А вы остаетесь единственным моим связным. Придете завтра вечером. Постучите в дверь дважды быстро, а затем через полминуты еще один раз громко. После этого вы дадите два звонка. Услышав мои шаги, спросите: «Это вы, Константин Петрович?» Вот и все. Запомнили?

— За вами все повторял. Теперь я могу спокойным курсом плыть домой.

— А далеко вам до дома?

— На Петроградскую. Верст шесть, не больше. Да вы по этому поводу не огорчайтесь. Дело привычное.

— Будьте осторожны, Эйно Абрамович. И не забудьте непременное условие — надо все слышать, видеть и передавать мне. Без газет не являйтесь. Счастливого пути, товарищ Рахия.

— Спокойной ночи, Константин Петрович.

ТЕПЛЫЕ ВЕЩИ

...Темным вечером грузные тучи незаметно подползли к городу. Внезапно хлынул дождь, частый и крупный, холодный и ненужный.

Эйно Рахья, медленно прогуливающийся по набережной реки Карповки, метнулся к ближайшему дому и, прижимаясь к стенке, проскользнул к парадной. Пожалел о том, что не надел шерстяной свитер. Утром была ясная, теплая погода; и, когда выходили из квартиры Фофановой, Владимир Ильич весело сказал: «Пойдем пешком... по золотой осени».

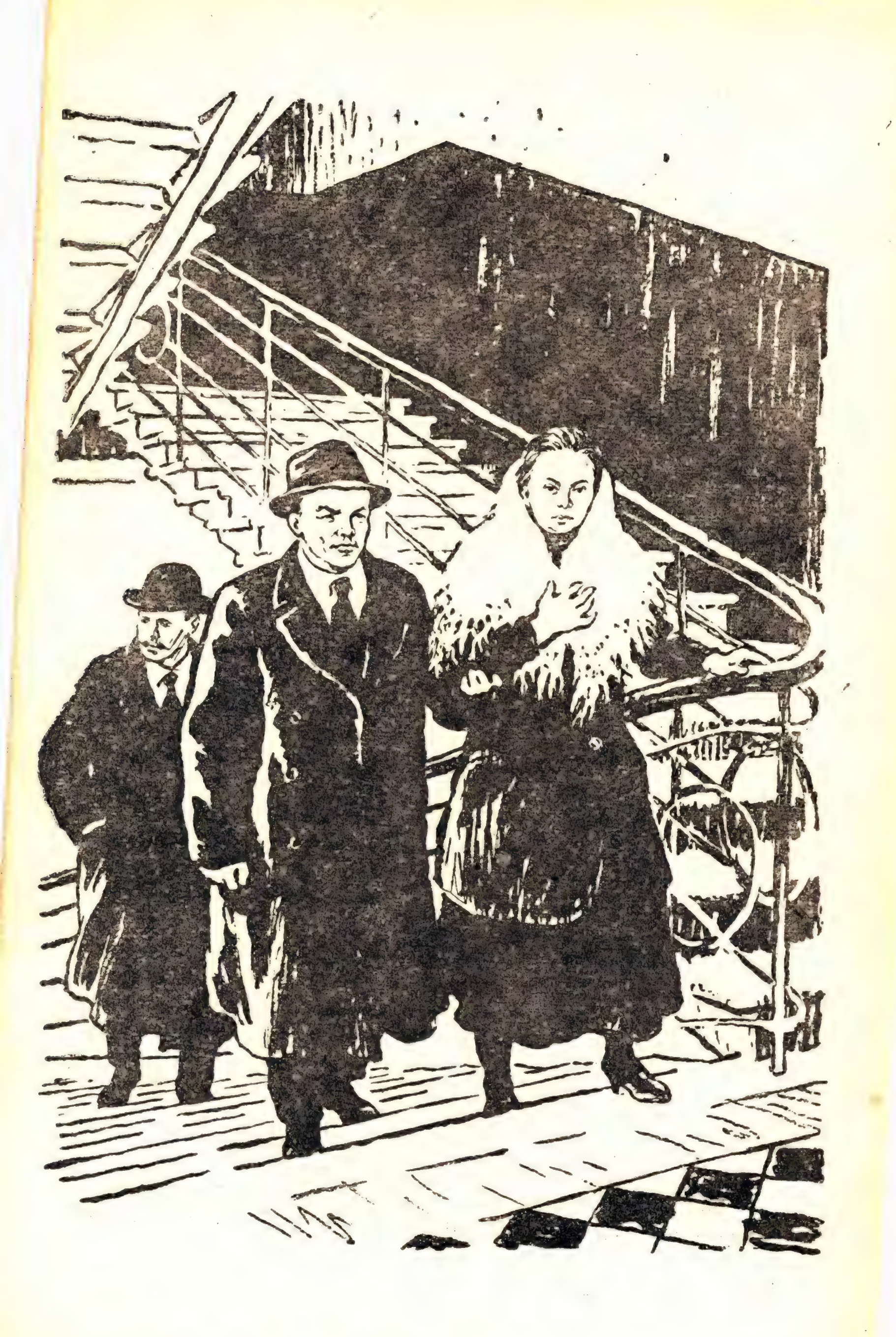
Вот тебе и «золотая». Дождь затяжной, бессовестный, может, всю ночь прохлещет. А у Ильича ботинки поношенные, чиненные, и пальто старенькое демисезонное. Попробуй-ка такую длинную и грязную дорогу — с Карповки до Сердобольской — отмерить. Будь стальной и то наутро не встанешь. Надо Ильича как-то уговорить пойти к нам на Певческий переулок. Тесновато, конечно, но зато тепло. Надо посмотреть,— может, там дело к итогу приближается.

Сутуловатый худощавый Рахья вобрал голову в плечи, пригнулся и побежал к хорошо изученному (мимо него сегодня раз тридцать прошел) дому.

Дверь открыла хозяйка, шепнула:

— Только не шумите, ради бога.

«Могла бы такой истины и не провозглашать»,— обиделся Рахья и на цыпочках прошел к заседающим.

Ботинки противно хлюпали, но никто из сидевших за столом не обратил внимания на примелькавшегося за вечер связного. Все смотрели на маленькие листки в руках Ленина. В тишине отчетливо и громко прозвучали заключительные слова резолюции:

— «Признавая таким образом, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, ЦК предлагает всем организациям партии руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы (съезда Советов Северной области, вывода войск из Питера, выступление москвичей и минчан) и так далее».

Председательствующий Яков Михайлович Свердлов осмотрел присутствующих близорукими, усталыми глазами, сказал:

— Прошу голосовать.

Рахья видел, как быстро и легко первым поднял руку Ленин, и сразу же взметнул над головой свою крупную, шершавую, поцарапанную металлом руку.

Свердлов, повернувшись кругом, заметил поднятую ладонь связного, и легкая улыбка тронула его пухлые губы. Не скрывая торжествующей радости, объявил:

— Десять. Кто против?

«Мой голос не засчитал»,— направляясь к выходу, пожалел Рахья.

У двери услышал презрительное:

— Всего — двое.

Рахья прошел на улицу, убедился в том, что ничего опасного нет, и сразу же вернулся в квартиру.

Явился вовремя. Заседание только что кончилось, и Владимир Ильич надевал пальто. Рахья шепнул:

— На улице дождик. Может, попросим зонтик?

— Глупости. Не задерживайтесь по пустякам, пошли.

В парадной Ленин невольно остановился. На улице хлестал неистовый ливень. Вода с шумом срывалась с крыш и пенным, бурным ручьем стекала на чистую мостовую.

Рахья пожалел о том, что не взял зонтик у хозяйки, такой дождище — промочит насквозь. Не лето. В два счета можно заболеть.

Ленин с досадой пожал плечами:

— Идти почти невозможно, но крайне необходимо.

— Трамваи уже на покое. Прошу эту ночь переночевать у меня,— попросил Рахья.— Переспим, а утром пойдем туда...

— А ваша квартира далеко?

— Здесь, на Петроградской. Минут семь — восемь ходьбы.

— Возьмите, пожалуйста, мой плащ,— сказал неслышно подошедший Дзержинский.— Хлещет, проклятый, как из бочки...

— А как же вы? В одном пиджаке...

— Здесь недалеко. Добегу...

— Простудитесь... А здоровье у вас архискверное. Не могу...

— Никаких отговорок. Извольте надеть...

Дзержинский снял серый прорезиненный плащ с капюшоном, накинул на плечи Ильича, сказал:

— Спокойной ночи,— и, не пригибаясь, стремительным, широким, твердым шагом зашагал по лужам.

Рахья плотно натянул капюшон на кепку Ленина, сказал с уважением:

— Вот чистейшего сплава человек. Пошли и мы...

Карповка казалась седой от крупных шевелящихся пузырей. Шумливые, быстро разбухающие лужи покрывали всю улицу. Почувствовав, как холодная, неприятная вода заливает ноги, Рахья подумал о том, есть ли в запасе чистые носки. Хорошо было бы, если бы нашлись теплые, шерстяные для неожиданного, дорогого гостя.

Удивительно ненастный вечер. Рта не раскроешь — зальет... Единственная отрада — на улице ни души. Постовые куда-то спрятались.

Шли быстро, почти бежали, но пока добрались до Певческого переулка, Рахья почувствовал, что на нем нет сухой нитки. Только бы не простудился Владимир Ильич.

По широкой каменной лестнице быстро поднялись на четвертый этаж. Рахья пошел впереди по длинному темному коридору.

У 344-й комнаты остановились. Рахья достал ключ и бесшумно открыл дверь.

— Тихо, тихо,— шепнул Владимир Ильич.— Не надо ваших беспокоить.

Шли осторожно, но мокрые ботинки так громко чавкали, что Лидия Петровна проснулась. Торопливо надевая халат, попросила:

— Одну минуточку подождите. Я свет зажгу...

Маленькая лампочка осветила узкую продолговатую комнатку.

— Боже мой, как вы промокли! — испуганно прошептала Лидия Петровна.— Надо немедленно переодеться. Сейчас носки достану, чистое белье.

— А нет ли у тебя, Лююли, какого-нибудь благородного напитка для обогрева души? — спросил Рахья.

— Ты же в обществе трезвенников состоишь,— лукаво улыбаясь, напомнила Лидия Петровна.— Я вас сейчас кофеем согрею.

Из чемодана достала две пары белья и носки, передала мужу:

— Поухаживай за гостем. А я за кипятком сбегаю.

— Да я ведь не барышня,— улыбнулся Владимир Ильич, привычно прижимая пальцами парик на висках.— Кроме носков, мне ничего не нужно. Плащ Феликса спас...

— Плащ подходящий, жаль, без рукавов,— сказал Рахья.— Вы наш гость, а посему должны подчиняться нашей диктатуре. Вот обидно, водочки нет...

— Вы знаете, что я не пью, хотя и не состою в обществе трезвенников. А вы, видно, часто порываетесь к спиртному. Не-хо-ро-шо, товарищ Неизменный спутник...

— Случай-то исключительный,— смущенно пробормотал Рахья.— На улице осень. Такая стужа...

— Зато у вас в комнате — июль. Замечательные теплые вещи,— сказал Владимир Ильич, надевая шерстяные носки.— Устроил я вам переполох.

В комнату бесшумно вошла Лидия Петровна, заварила кофе, достала булку, масло, кусочек сыру.

— Прошу. Чем богаты, тем и рады. Пейте, пока горячий.

Подсаживаясь к маленькому кухонному столику, Владимир Ильич тихо спросил:

— На раскладушке, если мне память не изменяет, спит ваш брат Вольдемар? Когда он встает?

— По будильнику, в шесть часов,—сказал Рахья.— Не проспим.

— Какой там сон. Главное, удрали от прескверной погоды,— сказал Ильич, быстро глотая горячий, согревающий тело кофе.

Пока измученные голодом и холодом мужчины закусывали, Лидия Петровна постелила свежую простыню, сменила наволочку и даже успела выстирать носки Владимира Ильича. Когда гость поблагодарил за угощение, радушно предложила:

— Вот постель готова. Отдыхайте спокойно.

— Ни в коем случае. Я великолепно отдохну на полу. Привык к кочевой жизни. У вас газеты ненужные, вероятно, имеются?

— Обидно, что от постели отказываетесь. Вы не стесняйтесь, пожалуйста, мы так рады вам.

Рахья достал со шкафа газеты, разбросал на полу. В изголовье положил свое пальто, две подушки. Сказал, зевая:

— Вот к батарее, к теплу поближе мы и ляжем. Вздремнем часок-другой.

Долго не могли уснуть. Ворочались на шуршащих газетах, шепотом делились впечатлениями минувших суток. И только одолела дрема,— оглушительно зазвонил будильник.

Словно по команде, быстро встали.

Лидия Петровна, проснувшаяся раньше, принесла чайник.

Владимир Ильич от завтрака отказался.

— Мы недавно ужинали. Сейчас же выходим. Пока темно, доберемся до места... Дурная погода кончилась, сегодня, кажется, будет ясный день.

— Плащ-то надо захватить на всякий случай,— напомнил Рахья.

— Счастливого пути, Константин Петрович,— сказал Вольдемар, засовывая в карман кусок хлеба.— А я-то вас разом узнал.

— Счастливого пути, Вольдемар, — улыбнулся Ильич надевая просохший пиджак.

Вольдемар вышел.

— Слушай, Лююли, собери-ка нам бутербродики на дорогу. Идти-то далековато.

— Я об этом только что подумала. Да вот беда,— не запаслась. Не знала, что придете. Хоть бы намекнул.

— Ладно, по дороге что-нибудь придумаю.

Дверь распахнулась. В комнату вбежал Вольдемар.

— Дом оцеплен. Облава. Кого-то ищут с собаками...

Рахья машинально сунул руку в карман. С горечью и болью подумал: «Как глупо получилось. Нагрянула беда в собственное жилье. Как обмануть облаву, спасти Ильича?»

— Ах, перкеле! Неужели пронюхали? Не может быть.

— Да, положение архисквериое,— покачал головой Ильич.— Кажется, знаменитая ищейка Треф все-таки добралась до меня.

— Выкрутимся,— сказал Рахья и, передавая револьвер Вольдемару, наказал: — Проведешь Константина Петровича черным ходом. А я пойду парадным, устрою скандал и отвлеку всю эту банду на себя. А вы в это время потихоньку уходите...

Вышли одновременно.

Сухие неровные половицы жалобно стонали под ногами. Глухой, тревожный шум доносился с улицы.

Рахья не выдержал, побежал. На лестнице второго этажа встретил дворника. Поздоровался, спокойно спросил:

— Скажите, пожалуйста, кого это там ищут?

— Да воришек ловили. В соседний магазин залезли, стервецы. Собака — молодец, сразу накрыла, сцапала...

— Нечего жрать — вот и крадут,— с трудом сдерживая захлестывающую радость, пробасил Рахья и, перепрыгивая через три ступеньки, поспешил на улицу.

Громко рассмеялся, увидев Владимира Ильича и Вольдемара у ворот.

— Погода сегодня действительно ясная. Пошли.

— А у меня душа в прятки ушла,— не очень-то ладя с русским языком, признался Вольдемар и, прижавшись к Эйно, незаметно положил револьвер в его карман.

— Привыкай, юноша; в этой жизни бывают довольно сильные моменты,— сказал Рахья.— Все хорошо, что хорошо кончается. Передай Лююли, пусть не беспокоится. Я опять приду поздно вечером...

МЫ ПОБЕДИМ

...В воскресенье 15 октября к Эйно Рахья пришел чем-то озабоченный, хмурый Александр Шотман и, забыв поздороваться, тихо сказал:

— Слушай, Эйно, завтра к шести часам вечера нужно провести Константина Петровича в Лесновско-Удельнинскую районную думу. Там состоится расширенное заседание ЦК партии.

По установившейся за последнее время привычке Рахья мысленно повторил все сказанное Шотманом и спросил:

— А где находится эта самая дума? Я там вроде и не был, впрочем, погодите, на Выборгской, около Муринского?

— На Выборгской стороне. Точнее — Болотная улица, дом тринадцать.

У двери Шотман задержался, строго предупредил:

— Только смотри! Чтоб все было в порядке. Головой отвечаешь.

— Нашел кого агитировать и... стращать. Зря время теряешь.

Рахья подошел к окну. Туман. Ничего не видать. Обидно. Надо было бы сегодня поехать на Выборгскую сторону, уточнить предстоящий путь, разыскать Лесновско-Удельнинскую думу и наметить подходы и выходы. Ленин во всем и всегда требует предельной точности и ясности. Придется завтра пораньше уйти с работы. В который раз! Начальство явно недовольно. Все эти самовольные отлучки могут плохо кончиться — уволят. А сейчас такое тяжелое время — нигде не найдешь места. У заводов бродят толпы безработных. Многие бегут от голода в деревню...

Рахья посмотрел на часы — полдесятого, надо ложиться спать. Ведь завтра отдыхать не придется. Лидия и Вольдемар уже угомонились. У них забот, конечно, поменьше. Жаль, что Шотман сообщил так поздно.

Рахья достал из кармана пиджака потертый на сгибах план Петербурга издательства «Маяк», расправил на столе и от знакомой Сердобольской улицы повел пальцем по Сампсониевскому вверх к Муринскому проспекту. С трудом отыскал полустершуюся Болотную

улицу. На ней план обрывался. Окраина. Подходящее место выбрали.

Утром Рахья надел теплое белье, свитер, шерстяные носки. Предупредил жену:

— Приду поздно ночью. А может быть, прямо поеду на завод.

— Опять не спать. И когда только эти переживания кончатся. Измучилась...— не выдержала Лидия Петровна.— Полюбуйся, на кого ты похож. Форменный скелет!

— А ты о плохом не думай. Я не могу допустить ни малейшего просчета. Ты понимаешь — моя ошибка обернется бедой для всех...

— Я все понимаю. И все-таки, когда тебя так долго нет, страшно. И за тебя и за него. Ведь я не каменная...

— Потерпи еще немножко. На этой неделе проводим четвертое совещание, и все одна повестка — о вооруженном восстании...

— Скорей бы! Дай я тебя поцелую, полуночника. Если не заедешь, позвони на службу...

С завода Рахья ушел после обеда, сославшись на «жуткую головную боль».

Вздрогнул, услышав за спиной:

— Про Ленина последние новости! Арестован главный большевик Ленин!

Рахья обернулся, сердито схватил посиневшую мальчишечью руку:

— Где это напечатано?

— А я почем знаю. Меня в экспедиции научили: «Кричи про Ленина — скорее продашь». Вот я и кричу.

— Попугай несчастный! Шуми сильней: Керенский арестован — быстрей разберут.

— Попробуй сам. А у меня мамка больная. Сестра еще детеныш. А отца недавно на фронте разорвало.

Рахья быстро вытащил измятую трешницу, всунул в оттопыренный карман газетчика, сказал:

— Ты все-таки думай, парень. Не Ленин, а Керенский твоего отца убил.— И торопливо зашагал к трамваю, радуясь тому, что никто не обратил внимания на этот не очень-то конспиративный разговор.

Кто-то цепко схватил Рахья за локоть. Оглянулся. Увидел коричневое от загара, обветренное, лукавое мальчишечье лицо:

— Дяденька! А я знаю, ты тоже большевик, потайной. Я тебе «Рабочий путь» буду доставлять. Не веришь? Да провалиться мне на этом месте...

— Если можешь,— провались. А завтра встретимся. Буду у тебя брать все газеты.

— Подряд?

— Все, подряд.

Подошел трамвай. Рахья вскочил на подножку, махнул рукой недоуменно глядевшему на него мальчишке. «Наверное, принял за ненормального. Каждый читает свою газету, и никто не покупает дюжину».

В вагон Рахья не пошел. С площадки лучше видно, что делается на улице. Владимир Ильич непременно спросит, что нового в городе, что услышал и узнал за день.

Слез у завода «Айваз» и по Муринскому проспекту добрел до Болотной. Дорога показалась очень

длинной. Без труда отыскал окруженный лиственницами деревянный, украшенный резными узорами и увенчанный красивой остроконечной башенкой дом. Обошел его дважды и, заметив время, тем же путем направился на Сердобольскую.

Уже темнело, когда Рахья добрался до подпольной квартиры.

Владимир Ильич обрадовался.

— Очень хорошо, что вы явились своевременно и даже раньше. Представляется возможность поговорить и почитать. Кстати, вы записываете, какие газеты ежедневно покупаете?

— Лишняя канитель. Ведь я и сам читаю.

— Вы в благотворительность не играйте. Тоже меценат нашелся. Мы не так бедны, как вам кажется. За нами ни одна копейка не пропадет.

— Ваш капитал я знаю. Всего две бумажки. В одном кармане сто рублей, а в другом пятьдесят. Неразменные...

— Партийные. Серго еще в июле передал сто семьдесят пять рублей. Из них двадцать пять пришлось израсходовать. А потом я перешел на так называемое гостевое снабжение. Отказываются, не берут, больше того — даже обижаются... Что вы улыбаетесь? Докладывайте новости.

Рахья сел к столу, задумался. С чего начать? Что интересует Ильича сейчас, за три часа до заседания?

Ленин развернул газету «День», взял красный карандаш, поторопил:

— Ну, ну! Я вас слушаю.

— На заводах проходят митинги о проведении 22 октября дня Петроградского Совета...

— Это я знаю. Прошу излагать конкретные факты.

— Хорошо. У нас на заводе штаб Красной гвардии получил еще двадцать пять винтовок. Теперь под руками целая рота — шестьдесят три человека.

— Отряд не велик, но готовится к большому делу.

— Вчера в цирке «Модерн» состоялся огромный митинг. Выступали от нашей партии Володарский и Луначарский. Принята резолюция — до последнего отстаивать переход всей власти к Советам.

— Хорошо. Сами были?

— Нет. Вольдемара послал. Пусть ума набирается. Жаль, тещи и тестя под рукой нет, я бы их всех наладил в разведку. Один не успеваю. Я вчера утром ездил на Охтинский — на собрание прикомандированных к заводу взрывчатых веществ солдат. Скопилось тысячи три народу. Выступали ораторы разных мастей, но постановление приняли в нашем духе. Всего десять пунктов. Назову главные: вся власть Советам на местах и на фронте, в основу всяких дел положить программу социалистов-большевиков и, конечно, мир без аннексий и долой смертную казнь. Одним словом, все как в ваших статьях.

— Пожалуйста, без преувеличений, товарищ Рахия.

— Своими ушами слышал. Прочитаете в газете «Рабочий солдат» и убедитесь, что я прав. Я так слабым разумом прикидываю: солдаты — наш главный козырь. Рабочие — нашенские люди, но оружия у них маловато, да и воевать они еще только учатся. Я сейчас ехал на трамвае и вижу у Батениной на пустыре лежат красногвардейцы, целятся в насыпь. Над ними унтер шумит: «Затаи дыханье... не дергай».

— Шумит, говорите. Солдат учит рабочих, как бить буржуев. И на виду у всех! Великолепно! В этом — залог нашей победы.

— Я и говорю — солдаты круто поворачиваются в нашу сторону. Вчера брат Иван заезжал — рассказывает, что гвардии егерский резервный полк принял резолюцию протеста против вывода революционных войск из Петрограда и высказался за переход власти в руки Советов.

Ленин подошел вплотную к Рахья, строго спросил:

— А что нового в лагере наших противников? Я уже предостерегал вас от увлечения односторонней информацией.

Рахья поморщился, ладонью потер высокий с залысинами лоб, сказал хмуро:

— О неприятном и говорить-то не хочется.

— А вы не подсахаривайте факты. Я в обморок не упаду.

— Все газетчики кричат, что у Керенского состоялось совещание министров. Начальник штаба округа

генерал Багратуни доложил о подготовке большевиками восстания и мерах борьбы с ними.

— Вот вам убедительнейший ответ нашим печальным пессимистам — Каменеву и Зиновьеву. Пока мы решаем вопрос о сроках восстания, Временное правительство переходит в контрнаступление. Оно не остановится перед крайними мерами — сдаст Питер немцам, чтобы задушить революцию.

Ленин сел к столу, что-то быстро написал на узком листке бумаги, подчеркнул двумя густыми красными полосами и, не поднимая головы, произнес:

— Судя по вашим тяжелым вздыханиям, у вас что-то еще есть в запасе сугубо неприятное. Выкладывайте все, Эйно Абрамович.

— Да, могу назвать еще один чересчур серьезный момент. Вчера главнокомандующий военным округом полковник Полковников написал приказ для всех частей гарнизона. И вот предупреждает, что вновь готовятся безответственные вооруженные выступления на улицах Питера. А дальше, как и следует ожидать, требует не поддаваться призывам большевиков и отстаивать демократию и свободную Россию.

Ленин встал, пытливо посмотрел в суровые глаза связного, удивленно спросил:

— А это откуда вам известно, товарищ Рахия?

Рахья вскочил со стула.

— Это мой секрет, Константин Петрович. Но, поскольку у вас появилось какое-то сомнение, откроюсь. У меня есть свой человек в штабе, друг детства — Эльмар Мальберг. В небольшом чине, однако на нужном месте, в секретном отделе. В последнее время я его часто зазываю на чашку кофе. Он был у меня вчера. Я, зная ваш сильно точный характер, попросил у него копию документа, но он только неодобрительно головой покачал.

— Новости тяжелые, но архиважные. Вы и не подозреваете, дорогой Эйно Абрамович, какую огромную, неоценимую услугу оказываете партии. Большое вам спасибо. Теперь отдохните немножко, а я тем временем пересмотрю газеты. Да, чуть не упустил из виду — вы маршрут нашего сегодняшнего похода уточнили?

— В полном аккурате. Могу даже на карте показать.

— Вы и картой обзавелись! Прогресс, ярко выраженный прогресс. Давайте-ка ее на стол...

Рахья взял красный карандаш, старательно пунктиром обозначил путь от Сердобольской до Болотной, рассказал, как избежать встреч с милицейскими патрулями, и предупредил, что выходить надо минут за сорок до начала заседания.

Владимир Ильич лукаво прищурил глаза, взял со стола резинку и неожиданным замечанием привел в крайнее смущение своего связного:

— Все прекрасно, кроме одного обстоятельства. Рисовать на карте не следует. Во-первых, это не конспиративно,— явная улика, а во-вторых, нельзя так варварски относиться к такому замечательному путеводителю; еще пригодится.— И легонько стер след карандаша.

— Виноват. Непременно учту,— пообещал Рахья, взял просмотренную Лениным газету и занялся чтением.

Проглядев телеграммы первой страницы, стал осторожно наблюдать за Ильичем. И сразу же заметил — по его лицу почти безошибочно можно угадать, какие материалы он читает. То лицо становилось строго пасмурным и на высоком лбу и в углах губ собирались тучкой легкие морщинки, то вдруг все преображала, проясняла откровенно теплая и добродушная улыбка; и особенно резко менялись, отражая мальчишеское восхищение и мудрую прозорливость, чуть прищуренные карие глаза. И соответственно действовала рука, сжимающая карандаш: то она вонзала в газетное поле грозные, острые, как штыки, восклицательные знаки, то сдавливала враждебные абзацы грузными вопросами, то, неожиданно подобрев, заботливо и ласково ограживала прочными алыми скобками близкие сердцу строки и целые корреспонденции. И все это делалось с удивительной быстротой, с жадным упоением человека, собирающего друзей и громящего врагов. Наиболее важные материалы Ильич сразу же заносил на карточки, плотной стайкой отдыхающие до поры до времени у чернильницы.

Когда стопка газет под рукой Ленина стала совсем тощей, Рахья посмотрел на свои часы и робко напомнил:

— В нашем распоряжении пятьдесят семь минут. Надо наряжаться.

— Сегодня мудрствовать не будем.

— С вашим гардеробом особенно и не развернешься. Парик, очки, шляпа или кепка — вот и все подробности маскарада. Да, непременно наденьте калоши. Погодка ветреная — нагонит дождя. Давайте-ка помогу...

— В подобной помощи не нуждаюсь,— обиделся Ильич.

Написал записку для хозяйки, отнес ее на кухню и быстрыми шажками направился к выходу.

— Пошли. Неизменный спутник.

Порывистый северный ветер старательно подметал улицу — колотил по ногам сухими листьями и бумажными лохмотьями. За железной решеткой Лесного парка глухо роптали деревья. Идти было легко, только ноги успевай переставлять. Шли молча, подняв воротники пальто и придерживая шляпы.

На углу Болотной улицы встретили озябшего, озабоченно посматривающего по сторонам Шотмана.

— Ну как, подходят? — поинтересовался Рахья.

— Маловато. Дорога длинная и место незнакомое. Зато безопасно. Там глава думы — Калинин — принимает гостей.

— На какой час вы назначили сбор? — спросил Ленин.

— Должны явиться к семи часам.

— Проверьте, пожалуйста, сколько пришло.

Прошло несколько томительных минут. Рахья посмотрел на суровое лицо Ленина, осторожно посоветовал:

— Как бы вам не простудиться. Давайте согреваться ходьбой.

— Да здесь не разбежишься. Улица оправдывает свое название.

Наконец появился Шотман и сообщил, что собралось пока шесть человек.

— А сколько вызвали?

— Мы составили список примерно на тридцать человек. Но все ли явятся,— это вопрос.

— Должны явиться все. Это элементарное требование партийной дисциплины. Мы ждем уже пятнадцать минут...

— И к тому же шли пешком, а не ехали, как другие,— добавил Рахья.— Мой брат здесь?

— Сидит, что-то пишет. Давайте переберемся на Лесную улицу, там посуше и деревья от ветра прикрывают.

Ни одного огонька не светилось на глухой Лесной улице. Рахья заметил,— ветер заметно усилился. Под его неистовым напором сучья гнулись и стонали. Падали на землю сухие ветки. С севера наползали тяжелые темные тучи.

Ветер мешал разговаривать. Согревались, сердито притаптывая сырую, чавкающую землю.

Шотман, один из организаторов совещания, чувствовал себя виноватым перед Лениным и через каждые десять минут ходил в думу проверять, как собираются товарищи.

На исходе восьмого часа Владимир Ильич хмуро сказал:

— Сходите-ка теперь вы, товарищ Рахия.

«Какое у него терпение, какая выдержка»,— подумал Рахья, на ощупь пробираясь к темнеющему дому.

У входа встретил брата и, забыв поздороваться, выругался:

— Ох, перкеле! Когда только вы соберетесь?..

— С вами человек двадцать будет. Я только что подсчитывал.

— Ну и хватит. Надо начинать. Мы сейчас явимся.— И Эйно Рахья побежал на Лесную улицу. Зацепился за какой-то корень, упал, ушиб колено. Проверил, не выронил ли револьвер, и, прихрамывая, зашагал к своим спутникам. Не скрывая гордости, сообщил:

— Человек двадцать. Пошли.

— Наконец-то! — обрадовался Владимир Ильич.— Веди нас, Сусанин, не видно ни зги...

Рахья ничего не сказал; он радовался, что кончилось затяжное, тягостное топтание на промозглом пустыре и теперь Ленин будет в долгожданном тепле среди своих друзей и соратников.

Вошли с черного хода. По скрипучей лестнице поднялись на второй этаж и уединились в маленькой

комнатке, заранее высмотренной Шотманом. Только успели снять пальто, как вошли Свердлов, Калинин и Иван Рахья и бросились к Ильичу. Эйно Рахья подошел к Калинину, шепнул на ухо:

— Михаил Иванович! Нельзя ли горяченького чайку раздобыть. Ильич сильно озяб.

— Будет! Наша работница Катя Алексеева принесет настоящего чаю.

— Эйно Абрамович! Прошу на минутку ко мне,— услышал Рахья характерный, с легкой картавинкой голос Ленина.

Рахья подошел:

— Слушаю, Константин Петрович.

— Как вы думаете, снять мне парик или явиться вот в таком виде?

Рахья подумал немножко, сказал решительно, веско:

— С точки зрения конспирации лучше снять.

— Так и сделаем,— улыбнулся Ильич, сунул парик в карман и, повернувшись к Сверлову, напомнил:

— Пора начинать, Яков Михайлович. Вы поведете заседание.

Прошли в комнату, в которой собрались участники совещания.

Эйно Рахья, шедший последним, видел, как все вскочили со своих мест и с радостным шумом окружили повеселевшего Владимира Ильича. Эйно присел на табуретку, стоявшую у двери, и прижался к теплой стенке. Недовольно подумал: «Кричат сверх нормы. На улице-то, наверное, слышно».

Встал, отозвал в сторонку Калинина, тихо спросил:

— Какое здесь у вас окружение? Может, пойти на охрану?

— Мы вызвали на всякий случай десяток красногвардейцев. Так что не дергайся — сиди и слушай.

Рахья успокоился, вернулся и сел на свою табуретку.

Председательствующий Свердлов прошел к маленькому столу, снял пенсне с черным шнурком, протер стекла носовым платком и, осмотрев усталыми выпуклыми черными глазами комнату, потребовал тишины. И все стали торопливо рассаживаться на стулья и скамейки, стоявшие вдоль стен.

Эйно Рахья видел, как Владимир Ильич торопливо прошел в конец комнаты, сел на табуретку и вытащил из кармана узенькие, исписанные листки. Потом привычно поднес пальцы к виску и, не нащупав парика, смущенно опустил руку.

Свердлов ловко водрузил пенсне на длинный, с горбинкой, нос и объявил:

— С докладом о прошлом собрании ЦК выступает товарищ Ленин.

Разговоры оборвались; все сосредоточили взгляды на Владимире Ильиче. Наступила тишина. Донесся звонкий стук веточки лиственницы по стеклу, словно кто-то бил и бил в крошечный барабан.

Ленин прежде всего огласил резолюцию прошлого заседания ЦК партии и с нескрываемым торжеством сообщил о том, что она была принята десятью голосами против двух.

И Рахья заметил, что голосовавшие в тот памятный вечер на Карповке против большинства вздрогнули, переглянулись и под перекрестными взглядами присутствующих уткнулись в бумаги, разложенные на коленях.

Вначале Ленин говорил спокойно, то и дело посматривая в листки и извлекая из них убедительнейшие факты и цифры. Но вот он заговорил об августовском наступлении на Питер генерала Корнилова, стремительно поднялся, заложил за вырез жилета большой палец и стал ходить из угла в угол, ожесточенно споря с противниками немедленного вооруженного восстания. Всего лишь на минуту остановился напротив Каменева и Зиновьева и, четко произнося каждое слово, выкинул вперед развернутую ладонь, как бы подавая всем присутствующим единственно приемлемый вывод:

— Положение ясное. Либо диктатура корнилов-

ская, либо диктатура пролетариата и беднейших слоев крестьянства.

И опять зашагал по диагонали, рассказывая о все растущем доверии масс, которые требуют от большевиков не слов, а дел, решительной политики в борьбе с войной и с разрухой.

Эйно Рахья, несмотря на гнетущую усталость, не пропускал ни единого слова Ленина и, когда он стал излагать задачи текущего момента, порадовался, узнав факты и примеры, сообщенные Ильичу на минувшей неделе. Выходит, что не зря ходил на заводы, и в казармы, слушал противоречивые выступления ораторов различных партий, доставал копии резолюций и постановлений, покупал все газеты, выходящие в Питере.

Доклад Ленина продолжался около двух часов, но никто не заметил, что прошло так много времени. И когда Владимир Ильич свернул и спрятал листки в потайной карман, несколько минут никто не нарушал тишину, как будто речь еще продолжалась.

Сидящий рядом с Рахья рабочий Шуняков молча показал председательствующему папиросы, и тот улыбнулся, взглянул на часы и объявил перерыв.

Эйно Рахья решил, что наступило самое подходящее время проверить, что делается на улице, и спустился вниз.

На ступеньках, зажав в коленях винтовки, сидели пожилые угрюмые рабочие. Рахья прошел вдоль стены дома и наткнулся еще на двух красногвардейцев, из-за темных лиственниц посматривающих на освещенный Муринский проспект.

Рахья осмотрел дом и с удовлетворением отметил, что окна на втором этаже хорошо занавешены — ни капли света не просачивается на улицу.

Возвращаясь в дом, Рахья услышал отдаленные выстрелы.

Заседание уже началось. Рахья тихонько прокрался на свое место. В комнату вошла работница завода «Айваз», Екатерина Алексеева, и внесла на подносе семь стаканов чая. Не успела поставить на стол, как поднос опустел. Только один стакан придержала. Передала Владимиру Ильичу, с гордостью шепнув:

— Настоящий китайский. И внакладку.

Ильич благодарно улыбнулся:

— Спасибо! Несите еще всем.

Через пять минут Алексеева вернулась и снова задержала стакан — «для подружки», как выразилась она: для секретаря собрания — Елены Дмитриевны Стасовой.

Короткие сообщения представителей с мест о подготовке к восстанию сопровождались своеобразным одобрением делегатов, шумно пьющих горячий и, по общему мнению, вкуснейший чай.

Выступления были деловыми, спокойными, и Рахья стал посматривать на часы, надеясь, что вскоре примут резолюцию и можно будет отправляться с Ильичем на Сердобольскую улицу. Предположение не оправдалось. Неожиданно разгорелся ожесточенный спор о сроках восстания. Некоторые ораторы соглашались с Лениным, что «лозунг «Вся власть Советам» уже вполне назрел» и «нужны уже дела, а не слова», и в то же время считали, что «мы не готовы для нанесения первого удара».

Эйно Рахья заметил, что Ленина раздражают эти непоследовательные, путаные выступления, но он со свойственным ему тактом терпеливо выслушивает ораторов, не перебивает их репликами. Торопливо написал записку сидящему рядом брату Ивану:

«Надо поддержать Ильича».

Иван Рахья кивнул головой. Он взял слово после представителя Военной организации, старого большевика Николая Васильевича Крыленко.

Эйно любовался братом. Выступает уверенно и весомо, как и подобает члену Петроградского комитета. Ни одного слова лишнего: чувствуется большая школа революционного подполья. Далеко видит и бьет в цель без промаха.

— Массы сознательно готовятся к восстанию. Если бы питерский пролетариат был вооружен, он был бы уже на улицах, вопреки всяким постановлениям ЦК. Пессимизма нет. Наступления контрреволюции ждать не приходится, ибо оно уже есть. Массы ждут лозунга и оружия. Массы высыплют на улицы, ибо их ждет голод. По-видимому, наш лозунг стал запаздывать. Наша задача — не перерешать, а, наоборот, закрепить предыдущее решение ЦК.

Как только Иван Рахья сел, поднялся Зиновьев. Он

так волновался и торопился, что слова сталкивались, теряли смысл. Выступление было длинным, заранее подготовленным, но из всего сказанного Эйно Рахья уловил только одну мысль — успех восстания не обеспечен,— а посему, «должна быть оборонительно-выжидательная тактика на фоне полного бездействия Временного правительства».

Вспыльчивый Эйно Рахья чуть было не крикнул: «А почему временные будут бездействовать? Кто опередит — тот и победит», но вовремя удержался,— Зиновьева все равно не переубедишь. Это не человек, а сплошное упрямство.

Стараясь усилить впечатление «безнадежности немедленного вооруженного восстания», вслед за Зиновьевым выступил мрачно нахохлившийся багроволицый Каменев.

Эйно Рахья вышел в коридор покурить. Теперь у него появилось не дающее покоя опасение — заседание может продлиться до рассвета. Возвращаться придется в самое трудное время, когда улицы будут заполнены спешащими на работу людьми. Здесь кругом заводы. И военные разных калибров болтаются. Ленина могут узнать по его характерному, очень приметному голосу. Нельзя рисковать. Надо во что бы то ни стало увести не позднее пяти.

Рахья посмотрел на часы. Полвторого. Нужно посоветоваться с Михаилом Ивановичем Калининым. Он тоже заинтересован в быстрейшем окончании собрания. Ведь к утру сюда придут служащие Лесновско-Удельнинской районной думы.

Заглянул в комнату. Калинин выступал. Речь его была простой и короткой: внезапность наступления даст шансы на победу.

И только закончил он, сел, Рахья шагнул было к нему, чтобы вызвать в коридор, но поднялся председательствующий Яков Михайлович Свердлов и своим грозным, рокочущим басом приковал его к месту. Рахья слушал с удовольствием и радовался тому, как оратор, используя самые свежие, взятые из жизни факты, опрокидывает многочисленные «теоретические выкладки» Зиновьева и Каменева.

После Свердлова выступил лохматый, угрюмый,

с ввалившимися, лихорадочно блестевшими глазами Скрыпник и высказал то, что думал в эту минуту Эйно Рахья:

— Мы слишком много говорим, когда надо действовать. Массы с нас спрашивают и считают, что если мы им ничего не даем, то мы совершаем преступление; нужна подготовка восстания и призыв к массам.

«Вот теперь бы и принять резолюцию»,— подумал Рахья.

Но вот завел речь Володарский, и снова началась какая-то непонятная словесная игра.

Затем слово взял Дзержинский, и Рахья сразу же определил: «Этот за нас».

И не ошибся. Феликс Эдмундович Дзержинский критиковал не только Зиновьева и Каменева, но и Володарского.

Рахья посмотрел на часы. Шел четвертый час.

Некоторые делегаты, изнуренные духотой и дремой, выходили в соседнюю комнату, садились на пол и сразу же засыпали.

Рахья заметил, что и Ленин очень устал; у широких бровей поблескивают мелкие капельки пота, но он по-прежнему внимательно слушает каждого товарища, улыбается или недоуменно качает головой, и что-то непрерывно записывает, положив книжку на ладонь.

«Помещение тесное, надышали — и стало жарко. А на улицу выйдем, и обдаст стужей, мокрым снегом. Разгоряченные — и сразу на такой холод. А мы так спешили, что даже шарф Владимир Ильич забыл прихватить. В один момент можно горло застудить. А что, если ему свой предложить? Не возьмет, пожалуй. Ведь это такой души человек, больше о других, чем о себе, заботится. А может быть, погодка-то изменилась. Надо пойти посмотреть, что там делается».

И Эйно Рахья тихонько, бочком, чтобы никого не задевать и не привлекать к себе внимания, вышел на улицу.

Небо было беспросветно темным. Под крутым напором ветра деревья глухо роптали. С ветвей сползал и шлепался на землю снег.

«Погода совсем никудышная,— с горечью подумал Рахья, пытливо всматриваясь в сторону слабо освещенного Второго Муринского проспекта.— Кажется, ни-

кого нет. Но скоро проснутся, зашевелятся у домов дворники. А среди них бывают и плохие люди... Жаль, что здесь никакой брички не найдешь — окраина. Нужно как-то немножко поторопить Владимира Ильича, хотя это и неприятно и неудобно делать. Огромным делом сейчас заняты, решают судьбу революции».

Рахья обошел дом и поднялся на второй этаж. Обрадовался. Заседание подходило к концу. Свердлов предлагал голосовать за предложенную товарищем Лениным резолюцию. Не задумываясь, Эйно Рахья поднял руку.

Председательствующий Свердлов, не скрывая торжества, объявил:

— Резолюция, предложенная товарищем Лениным, принята двенадцатью голосами против двух и при четырех воздержавшихся.

И тогда Эйно Рахья стремительно подошел к Ильичу и шепнул ему на ухо:

— Надо спешить... Пока еще трамваи не ходят.

— Хорошо. Вы одевайтесь, а я задержусь всего на пять минуть.

В темноте Рахья с трудом нашел стол, у которого вчера вечером раздевались. Нащупал и надел пальто. Сел на подоконник, прислонился к раме. Глаза сами закрылись. Неприязненно подумал: «Ишь ты, как раскис, перкеле». Сколько времени прошло? Зажег спичку. Четверть шестого. Взял пальто и шляпу Ленина, поспешил в комнату заседавших. Ленина нашел в кругу членов Центрального Комитета партии. Сказал решительно и так громко, что все повернулись в его сторону:

— Нам следует идти. Незамедлительно!

— Иду, иду, товарищ Рахия,— послушно отозвался Ильич.

На лестнице, придерживая Ленина под руку, Рахья с нескрываемой гордостью заявил:

— Вот мы и победили! Сегодня...

— Не увлекайтесь! — строго оборвал Ленин.—Еще не победили, но должны победить.

На улице ветер сердито швырнул в лицо хлопья мокрого снега. Земля превратилась в сплошную лужу. С трудом вытаскивая из цепкой грязи ноги, выбрались

на булыжную мостовую Муринского проспекта. Бороться с непогодой было очень трудно.

У перекрестка дорог вихрь сорвал с головы Ильича шляпу вместе с париком и погнал колесом по улице.

— О перкеле! — крикнул Рахья и побежал за ней. Догнал в глубокой луже.

Ленин торопливо вытер парик и шляпу носовым платком и рывком плотно надвинул на голову.

Рахья робко попробовал развеселить спутника:

— Хорошо, что трамваи не ходят. Погибла бы вся наша конспирация под колесами.

Ленин ничего не сказал. Шел пригнувшись, приподняв локти, придерживая шляпу до красноты накаленной стужей рукой. И только у Сердобольской улицы повернулся к связному и попросил:

— Зайдите, пожалуйста, ко мне.

Поднялись на четвертый этаж. Ленин старательно потер онемевшие от холода руки. И, глядя на них, Рахья подумал:

«Надо будет теще дать заказ — пусть срочно свяжет шерстяные перчатки».

Ильич открыл дверь, предупредил:

— Не шумите! Маргарита Васильевна еще спит.

По коридору шли на цыпочках и сердились на чавкающие, оставляющие мокрые следы ботинки.

Ленин снял пальто, сел к столу и неторопливо вытер мокрое, озябшее лицо.

Рахья тихо сказал:

— Я виноват. Так торопил вас, что даже проститься с некоторыми не успели.

— С кем надо,— простился. А Зиновьеву и Каменеву руки не подам.

— Все же обошлось хорошо...

— А вы меня, пожалуйста, не убаюкивайте. Их упорство граничит с преступлением. Они хотят сложить ненужные руки на пустой груди и ждать, пока Родзянко и компания задушат революцию. Вы слышали, чем козыряют наши безнадежные пессимисты? У нас, дескать, нет аппарата восстания, а у наших врагов он в превосходнейшей степени. И далее трусливый и подлый вопль — «Финляндия и Кронштадт нас не поддержат». Они пользуются тем, что мы не располагаем точными данными о численности преданных ре-

волюции войск. Мы должны выбить эти жульнические козыри из рук этой паникерствующей парочки. Завтра, восемнадцатого...

— Восемнадцатое уже наступило.

— Значит, сегодня, в семь часов вечера, я должен встретиться с руководителями «военки» и получить от них исчерпывающие сведения о наличии боевых сил революции и контрреволюции. Надо привести Николая Ильича Подвойского, Владимира Александровича Антонова-Овсеенко и Владимира Ивановича Невского. Вы их знаете?

— Знаю. А куда доставить?

Ильич подпер щеку ладонью и, подумав, сказал:

— К Дмитрию Александровичу Павлову. Он живет здесь рядом — Сердобольская, дом тридцать пять, квартира четыре. Это безусловно надежный человек.

— Все будет в полнейшем аккурате, Константин Петрович. Я пойду, а вы ложитесь-ка спать. Вид, прямо скажу, болезненный.

— У вас, батенька, не лучше. Вы сейчас поедете на службу. И я тоже буду работать.

Ленин подвинул к себе лист бумаги, написал и подчеркнул заголовок:

«Письмо к товарищам».

Рахья осторожно напомнил о себе:

— Так я пойду, Константин Петрович.

— Виноват, виноват. Сейчас вас выпущу. Еще раз напоминаю: это самое важное, самое ответственное ваше задание за последнее время. Желаю вам успехов.

— Спокойной ночи.

— Куда там. Это самая неспокойная самая ненастная ночь в моей жизни. Трудное время. Тяжелые задачи. И все-таки мы победим!

— Ясное дело — победим,— сказал Рахья и стараясь не шуметь, журавлиным шагом поковылял к выходу.

ПУТЬ В СМОЛЬНЫЙ

...Во вторник, 24 октября, Эйно Рахья встал, как обычно, но на работу не пошел,— сильно болела голова и непослушные ноги казались чужими. По часам проверил пульс, озабоченно потер лоб, выругался с досады:

— Эх, перкеле! Неужели заболел?.. В шесть часов надо обязательно быть у Ленина. Придется срочно лечиться.

Рахья налил полстакана водки, щедро сыпанул в нее молотого черного перца, взболтал и залпом выпил царапающую горло смесь. В углу буфета нащупал припрятанную «лекарственную» банку малинового варенья и съел две ложки. Больше ничего потогонного не нашел, лег в кровать и наглухо укрылся одеялом и пальто. Через час белье стало мокрым. Переоделся и снова забрался в постель в надежде уснуть часок-другой.

В дверь резко, нетерпеливо постучали.

Рахья торопливо натянул брюки и пиджак. Вытащил револьвер и, гадая: «Кого черт занес так не кстати» — медленно побрел к двери, охающей от ударов кулаков. Сердито спросил:

— В чем дело?

— Открой, Эйно! Это я, Мальберг!

— Милости прошу. Входи, входи, дружище!

Лицо у Мальберга было красным и мокрым. Он дышал так тяжело, как будто пробежал десять верст. Сел, сказал с нескрываемой тревогой:

— Очень плохие новости, Эйно. Главный начальник округа приказал выслать воинские подразделения на Николаевский, Дворцовый и Литейный мосты.

— На кой черт?

— В распоряжении сказано так: задача содействовать разводке и огнем прекращать всякую попытку навести мосты снова.

— Это начало их конца. Чем еще «порадуешь», Эльмар?

— К Зимнему стягиваются все верные Временному правительству части. Срочно вызвана третья Петергофская школа прапорщиков и ударный батальон из Царского Села...

— Спасибо тебе, дружище, громадное спасибо,— сказал Рахья.

— А чего ты такой розовый?.. Словно из бани.

— Простуду выколачивал. Нюхни-ка, здорово от меня пахнет?

— Как из бутылки. Я пойду, Эйно. Могут хватиться на службе.

— Еще раз благодарю. Что узнаешь нового,— сообщай незамедлительно. Я твой должник.

— На том свете разберемся,— рассмеялся Мальберг.

Рахья закрыл дверь на ключ, присел к столу, усмехнулся: «Вот и поправился. Надо бы вылежаться денек-другой, да не придется. И в то же время являться к Ленину в таком противном виде страшновато. Человек он сильно трезвый. Как бы приглушить окаянную сивуху?..»

Порылся в скромнейших продуктовых запасах, нашел луковицу и дольку чеснока, съел с хлебом и солью. Сунул в карман два черных сухаря. Прикинул: вот и позавтракал и на обед прихватил, и осталась горбушка Лююли. Надо ее как-то предупредить. Успеет ли она проскочить со Знаменской улицы на Петроградскую сторону до развода мостов? Нужно срочно позвонить. Откуда? Придется ехать на Финляндский вокзал. Быстро надел свитер. Горло плотно замотал шерстяным шарфом и вышел на улицу. Минут пятнадцать ждал трамвая на остановке. Не выдержал, свирепо выругался и пошел к Финляндскому вокзалу.

У стен домов прыгали, согреваясь, торгаши семечками и штучными папиросами. Все панели заплеваны хрустящей шелухой. Высекая искры на булыжной мостовой, проскакали на тощих лошадях милиционеры. На шинелях выделялись новенькие ярко-желтые кобуры револьверов.

Рахья часто посматривал на ручные часы и злился на самого себя: «Как долго собирался, лысый перкеле. Каждая минута имеет особую цену».

В комнате дежурного по вокзалу телефон был свободен. Рахья довольно быстро дозвонился до бухгалтерии Скобелевского благотворительного комитета. Строго приказал:

— Лююли! Немедленно иди домой.

— А что случилось?

— Начинается...

— А ты где сейчас?

Неожиданно в разговор вмешалась телефонистка:

— В военное время на иностранном языке разговаривать не разрешается. Разъединяю...

Рахья подержал онемевшую трубку, размышляя: «Позвонить еще раз или не стоит? Пожалуй, все поняла. Надо спешить» — и направился на Сердобольскую улицу. Ему хотелось как можно быстрее доставить важнейшую новость Ленину, и в то же время он не знал, как это сделать. Трамваи не ходят. Извозчики жмутся к центру города, на рабочей окраине их не найдешь. Один выход — добираться «на своих на двоих».

Рахья ускорил шаги, расстегнул пиджак. Теперь он почти бежал, и все-таки ему казалось, что он идет слишком медленно. Услышав шум грузовика, свернул на мостовую, протянул к нему руки. Машина была переполнена красногвардейцами. За их плечами блестели винтовки. Сидевший в кабине человек в кожаной куртке что-то крикнул и погрозил Рахья кулаком. Шофер объехал застывшего на дороге упрямого прохожего. Колеса плеснули грязной водой. Кто-то удивленно воскликнул:

— Видно, ошалел, дьявол! Жизнь надоела...

Рахья стряхнул ладонью черные брызги с одежды и зашагал дальше, и до самой Сердобольской больше ни разу не остановился.

Стремительно промчался по лестнице до знакомой двери. Постучал дважды. Вытер крупные капли пота и еще раз ударил костяшками пальцев. Затем два раза нажал на кнопку звонка.

Прислушался. Тишина. И сразу же подумал: «Здесь ли он? Сегодня опять газетчики кричали: «Ленин схвачен и посажен в Кресты». Обрадовался семенящим, быстрым шажкам, знакомому голосу:

— Кто там?

— Константин Петрович...

— Эйно! Наконец-то...

Рахья, следуя за Ильичем, прошел в его комнату и, не ожидая вопросов, сказал:

— Очень плохие вести — Главный штаб выслал на мосты воинские части. Хотят развести мосты, разъединить рабочие районы. А потом, ясное дело, расколотят нас поодиночке.

— А как на это реагируют рабочие и солдаты?

— Все куда-то торопятся. Шумят по поводу налета юнкеров на газету «Рабочий путь». Похоже, собираются воевать. Кое-где сильно постреливают...

— Понятно! Начинается восстание. Надо немедленно ехать в Смольный.

Рахья не ожидал, что последует такой быстрый и категорический ответ. Он понимал, что это самое справедливое решение, и в то же время опасался, как бы чего не случилось с Лениным в дальнем и трудном пути. Сказал угрюмо:

— Нельзя. Вам опасно показываться на улице.

— Безопасных революций, товарищ Рахия, не бывает.

— Да поймите, Константин Петрович, трамваи-то не ходят. Носятся броневики, конные милиционеры. А главное — ружейная и пулеметная пальба.

— Нам не привыкать. Вспомните переход из Разлива в Дибуны. Минимум двадцать верст прошли. Я не могу больше сидеть в подполье. Не имею права, понимаете?

— И я тоже не имею права.

— Сегодня я дважды посылал Маргариту Васильевну в Выборгский райком с запиской, в которой просил разрешения приехать в Смольный.

— И вам не разрешили. Иначе вы ушли бы...

— Первое предположение — правильное. Там еще опасались, как бы чего не вышло. Но теперь они уже, конечно, поняли, что пора. Однако, ждать-то нам больше нельзя. В конце концов, я должен быть в Смольном как делегат съезда Советов.

— Я понимаю и вполне сочувствую, но давайте подождем еще немножко. Когда стемнеет...

— Идем, идем! Не-за-мед-ли-тель-но...

— Тогда вот что, Константин Петрович, закусите, попейте чайку. Дорога-то длинная.

— Начинаете маневрировать! — гневно воскликнул Ленин, быстро пересекая по диагонали комнату.— Тоже мне новоявленный герой всяческих проволочек. За меня не беспокойтесь. Дойду...

— Как же мне за вас не беспокоиться! Мне Шотман не раз внушал: «Смотри, Эйно, перед партией, перед всем народом отвечаешь за жизнь Старика. Ты связной и часовой в одном лице». Да я и сам на это очень сильно смотрю. Вот скоро хозяйка — Маргарита Васильевна — придет...

— Больше нельзя ждать! Можно потерять все, находясь в роли «при сем присутствующего». Никаких возражений. Извольте, товарищ Рахия, обеспечить переход в Смольный. И поверьте мне,— это безусловно последний конспиративный поход. Завтра отдохнете...

— Да я не устал. С вами готов хоть на край света идти. Кушайте, пожалуйста, а я сейчас найду что-нибудь подходящее для маскировки...

Ильич остановился, плотно прижал ладонями парик, сказал, лукаво улыбаясь:

— Вот это деловой тон. Три минуты на сборы, Неизменный спутник!

Рахья не спеша прошел в прихожую. На шкафу увидел старую кепку, взял, стряхнул пыль. С вешалки снял потертый, полинялый платок. Принес в комнату. Положил на стол.

Владимир Ильич глянул на часы, поморщился:

— А платок для какой цели?

— Завяжем щеку. Как будто болят зубы. Главное— не вся личность просматривается...

— Конспирация... на подвязках. Пренеприятнейший маскарад. К счастью, последний.

Ленин взял со стола узкую полоску бумаги, написал:

«Ушел туда, куда вы не хотели, чтобы я уходил. До свидания. Ильич».

Рахья невольно подумал: «Нет больше Константина Петровича Иванова. Снова Владимир Ильич».

Ленин посмотрел в зеркало, сокрушенно покачал головой и неожиданно спросил:

— А новые пропуска в Смольный достали?

— Новых, к сожалению, нет. Захватил два старых. На всякий случай.

Владимир Ильич посмотрел на подчищенные резинкой фамилии, на расплывшиеся подписи, сказал с горечью:

— Ужасная липа. Жулик из вас явно не получится.

— Может быть, пропуска и не потребуются?

— Смольный не проходной двор. Пропуска останутся и после революции. Придется пробиваться с «липовыми документами».

— Пробьемся при одном обязательном условии: при публике — не разговаривать. Голос вас сразу выдаст.

— Постараюсь, товарищ Рахия...

На улице было пасмурно. Темно. Все магазины закрыты. Из центра города глухо доносилась стрельба.

Шли быстро. Рядом. Похожие. И по одежде и по внешнему облику — типичные рабочие, только что закончившие смену.

На углу Сампсониевского и Лесного догнали совершенно пустой трамвай.

Ленин сказал:

— Сядем! — и первым вскочил на заднюю площадку второго вагона. Изумленный Рахья последовал за ним.

Кондуктор — молодая, рослая женщина — подошла к неожиданным пассажирам, хотела что-то спросить, но Ленин опередил ее:

— Скажите, пожалуйста, куда едете?

— В парк.

— Почему в парк?

Рахья легонько подтолкнул своего спутника локтем, напомнил о непременном условии конспирации.

Кондукторша улыбнулась:

— А вы что, с луны свалились? Не знаете, что в городе сейчас делается? Новая революция началась! Поедем буржуев бить.

Ленин с удовольствием потер руки:

— Бить буржуев! Очень хорошо...

Незаметно доехали до угла Боткинской. Трамвай остановился.

— Вылезайте, поворачиваем в парк,— распорядилась кондукторша.

И снова пошли пешком.

Рахья суровым шепотком напомнил:

— Нарушаете уговор...

— Не сердитесь. Разговор знаменательнейший. Поверьте, я ужасно соскучился по людям. Не случайно я всегда вас расспрашивал о настроении рабочих и солдат. Эта кондукторша — весьма характерный, замечательный человек...

У Литейного моста увидели огромную шумную толпу. На дороге стояли брички, телеги, пустой грузовик с красным флажком над кабиной.

— Пробка,— угрюмо определил Рахья.— Мост не сумели развести. Прикрыли плотной охраной...

— Спорят, скандалят. Проскочим незаметно.

— И на той стороне может быть ихняя охрана. Вот бы лодку достать и переехать Неву!

— Не фантазируйте! Пошли! Там, кроме солдат Керенского, есть и наши красногвардейцы.

И, надвинув на самые брови кепку, Ленин быстро зашагал к толпе.

Рахья обогнал своего спутника и, решительно раздвигая локтями и плечами столпившихся людей, пробился к мосту. Заметив, что патрульные не обращают внимания, расхрабрился и пошел на противоположную сторону. Вздрогнул, услышав сердитый голос: «А пропуск есть?» — и ответил твердо, не поворачивая головы:

— В Смольный, по срочному вызову.

И сразу же с тревогой подумал, не отстал ли Владимир Ильич? Обрадовался, услышав торопливые знакомые шажки.

Ленин поравнялся, молча пожал озябшую, шершавую руку связного.

Дошли до середины моста и невольно замедлили шаги. Впереди, перекрывая проход, темнела цепочка солдат. В желтоватом свете фонарей строго мерцали влажные штыки. Перед ними сердито ворчала, шевелилась жиденькая цепочка прохожих.

Рахья глянул в суровые, прищуренные глаза Ленина, сказал тихо:

— Ничего! Просочимся под шумок. Только не потеряйтесь...

Подошли вплотную, стали различать отдельные голоса:

— Откуда мы возьмем пропуска?

— Хоть роди, да подай!

— В штабе надо было получить, в штабе...

— Жрать хотим! С утра маемся...

Рахья с ходу раздвинул спорящих, уверенно потряс перед ошалелым от шума, синим от стужи солдатом «липовым пропуском и твердым, военным шагом про-

шел на мостовую. За ним торопливо, бочком прошмыгнул Ленин.

Литейный был пуст. На перекрестке круто свернули налево — на Шпалерную. Открылась последняя прямая к Смольному. Улица была безлюдной, плохо освещенной, мрачной. Рахья невольно вспомнил о том, что здесь 5 июля был растерзан рабочий Иван Воинов, распространявший только что отпечатанный «Листок Правды».

Из сырой туманной мглы донесся тревожный цокот копыт. Рахья догадался — конный патруль. Быстро осмотрелся. Парадные двери и ворота наглухо закрыты. Спрятаться негде, да и не успеешь. Бежать нельзя — откроют пальбу. Встречи не миновать.

Показались двое верховых. Судя по форме,— юнкера Михайловского артиллерийского училища.

Рахья наклонился к Ленину, шепнул:

— Идите спокойно вперед. Я их задержу...

И сразу же спутники услышали строгий, звонкий окрик:

— Стойте! Предъявите пропуска!

— Что это за пропуск вам нужен? Нигде объявлений нет,— сунув руки в карманы, недовольно пробасил Рахья.

— Пропуска введены еще вчера.

— А я откуда знаю? Не видите — с работы иду. Трамваи все в парк спешат. Вот и приходится — все пешедралом. Ноги не держат...

— Кончай болтовню, хам! — наезжая лошадью, закричал молоденький усатый юнкер.—Распустились...

— Брось с ним связываться, Станислав. Сразу видно, что в казенке хватил лишнего,— усмехаясь, сказал усатому товарищ.

Рахья сразу же воспользовался словами юнкера. Усердно разыгрывая пьяного, резко качнулся в сторону и увидел быстро уходящего по улице Ленина. Нарочито растягивая слова, проворчал:

— Пропуск! Пропуск! Шагу не шагнешь, кругом только и кричат на рабочего человека. На седле-то вам что! Можно кататься. А вот попробуйте, как я, с «Айваза»-то на своих, на собственных...

— Пойдешь с нами. В комендатуре разберутся, что ты за птица,— обозлился усатый, поднимая плетку.

— Ах, оставь ты этого бродягу. Неужели не видишь — ярко выраженный люмпен,—брезгливо сказал второй юнкер.— Ну его к дьяволу! Поехали!

Рахья исподлобья смотрел на усатого. «Если ударит,— сниму с лошади сволочь. А как же Ленин? Нет, нельзя рисковать...»

Усатый юнкер наотмашь хлестнул нервно приплясывающую лошадь. Она взметнулась на дыбы.

Рахья отскочил к дому, уперся ладонью в скользкую холодную стену.

Патрульные поскакали к Литейному.

Рахья разжал онемевшие от напряжения пальцы, выпустил рукоятку револьвера, не оглядываясь, пошел за Лениным. Догнал в конце улицы, взял за локоть, сказал:

— Дорожка-то оказалась архискверной, как вы любите выражаться.

— А вы держались на пять с плюсом, Эйно Абрамович. Великолепно владеете нервами. Я слышал, как вы вопили против самоуправства...

— Завопишь, когда на тебя жеребцом наезжают...

— Страшно было?

— Конечно, страшно. Раскусив меня, они и вас бы догнали... А что это мы разболтались? Нехорошо...

У Смольного встретили отряд красногвардейцев. Шли не в ногу, перебрасывались фразами, смеялись. За плечами непривычно, неловко покачивались винтовки. Земля под ногами гудела, как барабан.

Владимир Ильич осмотрел веселые, разрумяненные ветром лица, сказал, не скрывая радости:

— Вот он, вооруженный поголовно народ. К черту конспирацию. Больше шепотком не разговариваю. Полюбуйтесь, что там делается. Настоящий боевой лагерь!

Прилегающая к Смольному площадь была заполнена отрядами рабочих, солдат и матросов. Горели костры, рассекая высоким алым пламенем мрак ночи. Люди старательно приплясывали и со всех сторон тянули к огню розовые руки. В грузовой машине, присев на корточки, смотрел в небо пулемет. Рядом дремал броневик. На его светло-серой башне еще можно было прочесть белое слово «Рюрик», перекрещенное длинными красными буквами «РСДРП(б)». Где-то

в темноте, заглушая людские голоса, рокотал мотоцикл. Пахло горящей смолой, махоркой, ружейным маслом.

— Сквозь этот лагерь не протискаешься,— хмуро заметил Рахья.— Пройдемте со стороны собора.

И пока двигались вдоль черной шеренги зябко вздрагивающих под ветром деревьев, к главному входу, Рахья с грустью подумал о том, что тяжелый маршрут подходит к концу. Отсюда уже не нужно сопровождать Владимира Ильича на Выборгскую сторону — к станции Ланской. Он останется здесь, в боевом штабе, в Смольном. Подходит к концу трудная и в то же время очень приятная, можно сказать, дорогая служба связи, разведки, охраны Ленина. Теперь другие люди будут оберегать и охранять вождя революции.

У главного входа гудела толпа, с трудом сдерживаемая часовыми красногвардейцами. Здесь были опоздавшие на съезд делегаты, командиры и связные отрядов и просто любопытные, желающие пробраться в Смольный и увидеть Ленина. И никто даже подумать не мог о том, что Ленин стоит рядом и у него тоже нет нового, белого пропуска.

Рахья заметил, что Владимир Ильич нервничает. Действительно, обиднейшее и глупейшее положение. Пришли к своим, и не пускают.

— Чистейшая ерунда,—сконфуженно пробормотал Ильич.— Терять такие драгоценные минуты... у ворот Смольного... Это кощунство... И никого из цекистов или «военки» не видно...

— Все заняты делом. Ничего. Пойдем в лобовую атаку,— сказал Рахья.— Держитесь за меня; сейчас устроим небольшую свалку.

Усердно и бесцеремонно проталкиваясь сквозь толпу, Рахья во весь голос закричал:

— Что мы на них смотрим, товарищи! Пойдем к коменданту и потребуем новые пропуска!

— Осади, осади назад! — угрожающе протянув винтовку скомандовал часовой.— Для всех один порядок. Пропуск...

— Жми, ребята, жми сильней! — подбадривал окружающих Рахья.— Второй час мерзнем. К себе ведь идем!

Толпа двинулась вперед и снесла с пути часовых.

Шагая по ступенькам и весело посматривая на пулеметы, прижавшиеся к белым колоннам, Ленин сказал Неизменному спутнику:

— Где наша не берет! Молодец, товарищ Рахия!

Поднялись на второй этаж. Свернули направо. Никого из знакомых товарищей не встретили.

Ленин сел на подоконник, сдернул надоевшую повязку, вытер платком усталое, потное лицо, попросил:

— Поищите, пожалуйста, кого-нибудь из членов ЦК. Я буду ждать здесь.

Рахья подумал: «А ведь тут еще не все наши. Можно ли уходить? Все-таки как-то боязно».

Тихо спросил:

— Как же я вас оставлю одного, Константин Петрович?

— Очень просто. Кончилась моя кочевая жизнь. Домой пришли... Кстати, Константин Петрович подал в отставку. Окончательно и бесповоротно... Вот так, батенька!

Рахья посмотрел на смеющегося Ленина, и снова наплыла грусть: «Вот оно, последнее его поручение». Сказал:

— Не беспокойтесь, Владимир Ильич! Все будет в полном аккурате,— и, круто повернувшись, быстро зашагал по коридору.

КОМИССАР РЕВКОМА

...Эйно Рахья долго думал — зачем его вызывают в Смольный? Угрюмый, немногословный солдат, судя по одежде и акценту, латыш, строго сказал:

— В ревком. К товарищу Лазимиру,— и сразу же вышел.

«Если послали нарочного,— значит, дело срочное,— решил Рахья.— Только вчера вернулся из Смольного и вот снова для чего-то понадобился. Может быть, у Ленина появилось какое-нибудь новое задание. По доброй старой памяти. Только ему сейчас не до меня. Слишком много разных забот и дел...»

По пути Рахья старался как можно больше увидеть и запомнить, словно ехал не в Смольный, а на Сердобольскую улицу — к Ильичу. Город напоминал поднятый по тревоге военный лагерь. Шли типично штатской походкой, без ремней и подсумков суровые, безмолвные отряды красногвардейцев. Земля удивленно ахала под гулким шагом матросов-балтийцев. В полном боевом снаряжении двигались к штабу революции четыре ночи не спавшие солдаты гарнизона. Словно огромные ежи, проползали, поблескивая штыками, сердито хрипящие автомобили.

До Смольного Рахья добирался три часа. Пропуск, полученный 25 октября у Бонч-Бруевича, помог беспрепятственно пройти в 71-ю комнату, в которой размещался Военно-революционный комитет.

У телефона сидел худощавый, бледнолицый, пухлогубый юноша и что-то писал, то и дело потирая красные веки. Рахья подошел к столу, откашлялся, негромко сказал:

— Я к товарищу Лазимиру. Моя фамилия — Рахья.

— Значит, ко мне,— не поднимая головы, сказал юноша.— По какому делу?

— Не знаю. Ведь это вы меня вызывали.

Лазимир круто повернулся, пристально посмотрел на посетителя, пожал плечами:

— Лицо знакомое, а где встречались,— не могу вспомнить.

— А я сюда приходил в среду. С Владимиром Ильичем...

— Вспомнил. Наконец-то вспомнил. Ленин, совершенно верно, товарищ Ленин просил нас подыскать вам подходящую работу. Здесь мы посовещались и, по предложению Сталина, решили направить вас комиссаром к главнокомандующему войсками — подполковнику Муравьеву. Вот мандат.

Рахья взял листок бумаги, прочел дважды и, с трудом сдерживая раздражение, спросил:

— Это меня-то... к подполковнику? Да что я с ним буду делать?

Назойливым комаром пропищал телефон. Лазимир взял трубку, послушал, твердо сказал:

— Хорошо! Сейчас же выезжаю.

Комом свернул бумаги, сунул в стол и быстро вышел из комнаты.

Рахья опустился на стул, потер ноющие виски, еще раз прочел мандат. Оформлен по всем правилам. И печать и подпись приказывают — не сиди, действуй! Печать и подпись показывают, что Эйно Абрамович Рахья уже не старший мастер самолетостроительного завода, а комиссар ревкома у главнокомандующего революционными частями, обороняющими Петроград от наступающих войсковых частей Керенского и Краснова. И Рахья вспомнил отряды красногвардейцев, матросов и солдат, направляющихся к Пулковским высотам. И теперь он уже чувствовал себя в какой-то мере виновным в том, что бойцы плохо обмундированы и вооружены,— даже подсумков нет. Отныне он отвечает за каждого бойца и за весь фронт. И только сейчас с необыкновенной остротой Рахья почувствовал ошеломляющее несоответствие огромной власти, заключенной в половинке тетрадного листа, с полнейшим бессилием никогда не служившего в армии и ничего не понимающего в военном деле человека. С чего начать? Что делать сегодня, завтра?

— Скажите, пожалуйста, это не вы будете товарищ председатель Военно-революционного комитета? — услышал Рахья простуженный басок.

Встал, сказал сердито:

— Нет, пока еще не председатель,— и направился к двери.

В коридоре натолкнулся на поток незнакомых людей. У всех озабоченные, строгие, усталые лица. Все куда-то очень спешат. Каждый выполняет свой долг. Время такое тяжелое. Ни минуты нельзя пребывать в постыдной роли «только при сем присутствующего». Хорошо бы найти брата Ивана или Шотмана и посоветоваться с ними. Но ведь они тоже в деле...

Как же быть? Где этот подполковник Муравьев, действия которого надо контролировать? Может, поехать к нему? Но это будет означать вступление на должность, которая явно не по плечу... А что, если пойти к Ленину? Он поможет.

И, приняв такое решение, Рахья направился в правое крыло здания, к угловой комнате № 67, в которой позавчера расстался с Ильичем. И пока шел по мокрому

грязному паркету, вспомнил недавнее совещание съездовской большевистской фракции, на котором был решен вопрос о формировании нового правительства. Усталый до изнеможения, сидел в углу и слушал, как подбирались народные комиссары. На пост комиссара финансов Ленин предложил кандидатуру Менжинского. Обычно спокойный и выдержанный Вячеслав Рудольфович вскочил со стула, беспомощно развел руками и оробело-тихо сказал: «Как же это?.. Ведь я совершенно незнаком с финансовой деятельностью»... Владимир Ильич рассмеялся: «Никто из нас министром не был, но мы взяли власть и должны, понимаете, должны стать народными комиссарами»... И Менжинский согласился. А что, если Ленин выскажется в таком же роде — «дескать, не были военным, но пришло время, и надо, батенька, влезать в генеральский мундир».

Рахья невольно замедлил шаги. Никогда еще не приходилось решать столь сложной и трудной задачи. Ладонью вытер мокрый лоб. Разговор будет явно неприятным, но все-таки надо идти к Ильичу. Только он может подсказать правильное решение.

У двери, помеченной номером 67, стоял часовой в кепке и черном, изрядно потертом пальто. Увидев надвигающегося Рахья, он выпрямился и, выдвинув вперед винтовку со штыком, строго спросил:

— Вы это куда?

— Сами видите... К Ленину...

— А кто вы такой будете?

«Вот пристал, перкеле,— рассердился Рахья.— Придется прибегнуть к мандату ревкома».

Рахья не спеша вытащил из кармана мандат и с подчеркнутой важностью произнес:

— По срочному делу. Комиссар всех революционных частей фронта Рахья.

Округлив глаза, часовой глянул на печать, резко отпрянул в сторону, попросил:

— Проходите, товарищ комиссар!

Ленин что-то писал. Услышав шаги, поднял голову, улыбнулся:

— А, Эйно Абрамович! Прошу, садитесь.

Вышел из-за стола и первым протянул руку. Почувствовав знакомое тепло ленинской ладони, Рахья

сразу же приободрился и заговорил довольно бойко и весело:

— Вот только что получил комиссарскую должность. Кончилась моя временная безработица. Но тут возник интереснейший момент — не знаю, с чего я должен начать?

— А я тоже не знаю,— лукаво прищурил глаза Ильич.

— Вы-то все знаете. Главный во всем государстве. Кто же меня научит? Все бегают, как в разворошенном муравейнике. Скажите, что мне делать?

— Все, все, все, что подсказывает партийный долг и житейский опыт.

— Вот долг-то и заставил меня прийти к вам, Владимир Ильич. Ведь я в армии и дня не служил. Мне не то что с фронтом — с ротой не справиться.

— Постойте, постойте. А куда это вас назначили?

— А вот почитайте мандат.

Владимир Ильич плотно прижал пальцем листок, нахмурился, лицо стало строгим, почти суровым.

— Здесь какое-то досадное недоразумение. Вас ни в коем случае нельзя посылать к Муравьеву. Кто это рекомендовал?

— Лазимир мне сказал,— по предложению Сталина.

— Это явно нецелесообразное, больше того — неразумное решение. Надо учитывать знания, способности, характер человека. Предварительно побеседовать, выяснить, на что способен тот или иной работник. Придется это назначение ликвидировать.

— И незамедлительно,— обрадовался Рахья.

— Да, да, чем скорее, тем лучше,— кивнул головой Ильич.— А вот куда вас направить?

С минуту смотрел в упор на своего бывшего связного, словно вспоминал что-то хорошее, радостное. От глаз побежали лучики-морщинки и как бы осветили все лицо.

— А что, если мы двинем вас поближе к Финляндии? Поставим комиссаром железной дороги. Как вы на это смотрите, Эйно Абрамович?

— Очень сильно смотрю, Владимир Ильич. Дело знакомое, все будет в аккурате. Как раз по мне.

— Вот мы и пришли к обоюдному согласию. И учить вас, как видите, не нужно.

— Спасибо вам огромнейшее, Владимир Ильич. Признаюсь по-честному, я шибко всю эту нескладную историю переживал. В дрожь и в пот бросало.

— Неужели испугались?

— Да, испугался. Не за себя, конечно, а за дело, которое, чую, не подниму, и вместо пользы получится вред. Ведь служба-то огромадной важности.

— Правильно, весьма правильно рассуждаете, Эйно Абрамович. Виноват перед вами. Извините, пожалуйста. Ведь это я просил подобрать для вас подходящую работу, а вот проверить назначение не успел. Сейчас идите к Николаю Ильичу Подвойскому и сдайте этот мандат. Я ему позвоню и все объясню.

Подвойского на месте не оказалось. За его столом сидел узколицый, длинноволосый, очень похудевший за последние две недели Владимир Александрович Антонов-Овсеенко. Он встал, поздоровался с Рахья, как со старым добрым знакомым, попросил:

— Присядьте, подождите минуточку, пока я оформлю ваше удостоверение.

Рахья грузно опустился на стул, посмотрел в глубоко запавшие, утомленные глаза, на длинные, костлявые пальцы секретаря Военно-революционного комитета, подумал с уважением и теплотой: «Ох и досталось же тебе, миляга. Кожа да кости. В чем только душа держится. Себя не жалеешь, для других живешь!»

Рахья вспомнил, как 17 октября по заданию Ленина привел Антонова-Овсеенко и Невского на квартиру к рабочему большевику Дмитрию Павлову. Беседа продолжалась до поздней ночи. Владимир Ильич получил подробнейшие сведения о подготовке к восстанию и подсказал руководящим работникам военной организации, что нужно сделать для того, чтобы победить врагов. И в тот же день Антонов-Овсеенко уехал в Венден, чтобы установить необходимые связи в 12-й армии и проверить готовность латышских и сибирских стрелков к выступлению.

Антонов-Овсеенко встал, передал удостоверение, сказал таким хриплым голосом, что захотелось за него откашляться:

— Если потребуется помощь, не стесняйтесь, приходите к нам...

— Ничего! Сами с усами. Справимся. Только вот кто к этому... Муравьеву-то... поедет?

— Подберем. Наверное, Еремеев.

— Дядя Костя. Вот это хорошо! Человек военный. И далеко видит. Я себя неловко чувствую. Пока я здесь к должности примерялся, тот подполковник, поди, такого там наворочал...

— Не беспокойтесь! — улыбнулся Антонов-Овсеенко.— Мы все силы двинули на фронт.

— Спасибо! За все... Желаю успехов...

Рахья положил удостоверение в бумажник и вышел из комнаты. На сердце легко, радостно. Он считал себя самым счастливым человеком. В такое тяжелое, смертельно опасное время Ленин принял его, поговорил по душам и отменил «неразумное решение». И даже чувствовал себя немножко виноватым, что «не успел проверить назначение». Да разве сейчас, когда Керенский и Краснов лезут на Питер, за всем уследишь. Ведь не нужно было бы и тревожить Ленина, если бы ревкомовцы, прежде чем назначить, вызвали бы к себе и проверили бы — потянет ли человек дело такой огромной важности и ответственности или потерпит аварию. Теперь вся эта мучительная история позади. Надо думать о главном — о новом назначении, полученном от Ленина. И всю дорогу Рахья прикидывал, с чего начать свою трудную работу, как оправдать доверие Владимира Ильича.

...На следующий день, рано утром, Эйно Рахья поехал на Финляндский вокзал. Револьвер оттягивал карман пиджака, напоминал о том, что должность неспокойная, боевая.

Прежде чем явиться в управление железной дороги, Рахья решил побеседовать со своими старыми товарищами и уточнить обстановку. На платформе встретил сердитого, посиневшего от стужи Германа Риконена, поздоровался, попросил:

— Давно у вас не был. Расскажи, пожалуйста, как идут дела при новой-то власти.

— Власть новая, а порядки старые. В управлении по-прежнему царствует комиссар Временного правительства Сидоров. Всех держит в страхе, только и слы-

шим: «Рассчитаю, уволю, выгоню». Охрану подобрал из ярых подкеренцев. Старшим у них поручик Осипов. Наших там никого нет...

— Ладно, хватит! — махнул рукой Рахья.— Выходит, что революции-то у нас вроде и не было. Придется проводить переворот, как и на Дворцовой площади, только местного значения. И незамедлительно. Оружие есть?

— Может, кое у кого берданочки сохранились. Не знаю...

— Вот что, дружище, собери-ка, пожалуйста, всех ребят, с которыми, помнишь, выручали редакцию «Правды». Скажешь: срочно вызывает комиссар ревкома Эйно Рахья.

— О, да ты уже комиссар! Поздравляю, поздравляю,— улыбнулся Риконен.— Только время-то рабочее,— может, и не всех найду.

— Кого увидишь,— посылай в царскую комнату. Я буду там ждать...

Собирались медленно. Рахья нервничал, но старался быть спокойным. По-дружески встречая каждого красногвардейца, расспрашивал о здоровье, работе, семье. Когда набралось два десятка, объявил:

— Вот что, ребята, предстоит важное дело — поедем в Выборгский райком партии за оружием. Надо и на Финляндке брать власть в свои руки.

В райкоме Рахья разыскал секретаря Евгению Николаевну Егорову, которую вся Выборгская сторона звала: товарищ Женя. Она была еще молодой, но тяжкие годы подполья и ссылки уже посеребрили пряди волос и положили на лицо морщинки. Высокая, худощавая, близорукая, она по-мужски крепко пожала руку Рахья, спросила, улыбаясь:

— Ты из Смольного? От Ильича?

Рахья вздохнул, сказал с нескрываемой грустью:

— Кончилась моя недолгая служба связного двадцать пятого октября.

— Не такая уж и недолгая. Нам повезло, Эйно. Особенно вам. Да и через мои руки прошло немало статей в газеты и писем в ЦК от Владимира Ильича. Однако мы отвлеклись. Чем могу служить?

— Помогите нам, товарищ Женя, оформить Красную гвардию. Люди есть, нужны винтовки.

— Сколько?

— Для начала хотя бы полсотни.

— Найдем. Дадим!

Низко склонившись над столом, что-то написала на клочке бумаги, сказала:

— Ступайте к Исидору Петровичу Воробьеву. Вы, кажется, с ним знакомы?

— А как же, приятели. Вместе работали в Гельсингфорсе. Спасибо, товарищ Женя.

Через час, вооруженный новенькими, пахнущими ружейной смазкой винтовками, маленький отряд Рахья вернулся на вокзал.

Рахья расставил красногвардейцев у окон управления дороги и, толкнув дверь, вошел в кабинет. Увидел за столом широкоплечего, грузного, чем-то очень недовольного человека. Вытаращив черные круглые глаза, накаляясь от гнева, Сидоров крикнул:

— Почему не постучал, невежа? Ну, что уставился? В чем дело, спрашиваю?

— Дело швах, господин Сидоров,— сказал Рахья.— Придется вам сниматься с якоря и уступить сие место...

— Это что за фокусы? Вы кто будете?

— Вы были комиссаром от Временного правительства, а я — от постоянного. Вот мандат...

Сидоров прочел и увесистым щелчком мясистых, лоснящихся пальцев сбил удостоверение на пол. Опираясь огромными ладонями на стол, приподнял тяжелое туловище:

— Ни ревкома, ни Совнаркома мы не признаем. Учредительное собрание установит подлинно законную демократическую власть, опирающуюся на реальную силу.

— И у меня вполне реальная сила, господин Сидоров. Гляньте-ка в окошко.

Сидоров резко повернул голову, вздрогнул и тяжело опустился в кресло. Неприятно заикаясь, сказал:

— Что ж, я вынужден... подчиниться, да, подчиниться очередному большевистскому насилию. Я уйду... но помните: за мной последуют лучшие люди Финляндской дороги.

Схватил портфель, медленно обошел стол и побрел к двери.

Рахья зашел с противоположной стороны, сел в кресло, собрал в одну стопку разбросанные по столу бумаги, проверил, не закрыты ли ящики стола.

Раздался робкий стук.

— Заходи, заходи, ребята,— пригласил Рахья.

Боком, словно дверь была узкой, в кабинет просунулась грузная туша.

— Пальто... Разрешите. Свое пальто забыл.

— Забирайте, забирайте.

Сидоров торопливо сдернул пальто с вешалки и так же боком вышел из комнаты.

Рахья проводил его взглядом и только сейчас вспомнил, что он видел этого человека. Когда? Года четыре тому назад. На заводе «Эриксон». Искал работу, и конторщик показал на дверь и обзвонил своих коллег, чтобы гнали в шею забастовщика Эйно Рахья. Правда, тогда Сидоров был узколицым, тощим...

Рахья встал, вышел из комнаты, попросил:

— А ну, товарищи, заходите ко мне. Сейчас сформируем Совет комиссаров Финляндской железной дороги.

— Так это, наверное, долгое дело. А мне надо срочно к дежурному зайти,— сказал Риконен.

— Успеешь. Тебя нельзя отпускать. Ты у нас будешь комиссаром тяги.

— А как же заходить? — пожал плечами Пекко Ламонен.— Прямо с винтовками?

— Прямо с винтовками,— улыбнулся Рахья.— Поскольку революция-то, она продолжается...

БЕСКРОВНАЯ ПОБЕДА

...Паровозный мастер Эверт Такала пришел к комиссару Рахья в конце рабочего дня. Трахнул по столу кулачищем:

— Ты чего это, комиссар, сидишь в кабинете и ничего не видишь! В Левашове и Белоострове житья добрым людям нет. Сплошной грабеж.

Рахья встал, сказал укоризненно:

— Такой солидный и важный мастер, а понес хвост трубой, как мальчишка. Садись и докладывай, как положено...

— А я уже все высказал. Пограничные солдаты в Белоострове нахапали целый поезд барахла. А в Левашове казаки тащут; вон у тещи поросенка сперли...

— Бедный поросенок, вечная ему память,— посочувствовал Рахья.— Мне убиенные домашние птицы во сне покоя не дают, а теперь и поросенок заявится.

Рахья сунул руку в ящик стола, выволок пачку писем, положил перед Такала:

— Вот полюбуйся — сплошь жалобы о хищениях и пропажах. Все только проклинают и заклинают. А вот как, по-твоему, решить этот критический момент?

Такала потоптался у стола, присел на стоявший рядом стул и, виновато опустив глаза, пробормотал:

— А что я могу? Это ты комиссар от народной власти. Вот и защищай народ. Сколько можно терпенье испытывать?

— Вот все таким манером откручиваются. Дескать, лезь, комиссар, в атаку, а мы посмотрим, как из тебя клочья полетят. Дело общее, и надо решать всем миром. Вот и подумай на досуге, как нам этому бодливому быку рога обломать. А завтра в это время придешь и скажешь.

После Такала явился комиссар тяги Герман Риконен и еще с порога объявил:

— Худое дело, комиссар. Страшное мародерство на линии.

— Знаю. У твоей тещи курицу украли.

— Да я не за тещу. Я за всех придорожных жителей.

— Что ты предлагаешь?

Риконен остановился, поморщился:

— Мое дело доложить, а ты...

— Премного благодарен,— поклонился Рахья.— Выслушиваю восьмой доклад за день. А ты вот, умный человек, обмозгуй, как нам эти окаянные банды утихомирить. Не сейчас, понятно, а дома. А завтра в этот час заходи сюда и потолкуем, как мужчины.

— Ну что ж... Надо, так приду...

Рахья обхватил колючие щеки ладонями и долго сидел неподвижно, обдумывая, каким путем можно навести порядок в Левашове и Белоострове. И снова пришел к выводам прошлой недели: надо разоружить бандитов или сформировать специальные составы и вывезти, куда они пожелают. Но как это сделать? По-хорошему казаки оружия не сложат, их лобовой агитацией не проймешь. Значит, нужно применить силу. Налицо пятьдесят красногвардейцев против двухсот бывалых рубак и стрелков, вооруженных к тому же пулеметами и легкими орудиями. Нашумишь на всю Россию и умоешься позором. Конечно, на родимый Дон казаки с удовольствием поедут, но увезут оружие и награбленное добро и наверняка пойдут служить к мятежным генералам — Каледину и Краснову. Этого нельзя допустить. А может, этот узел распутают Такала и Риконен? Люди уважаемые, умные...

...Такала и Риконен явились в назначенный час.

Рахья встретил их весьма любезно:

— Проходите, садитесь, многоуважаемые военные советники. Приступим к обсуждению стратегии и тактики. Слово генералу Такала.

Паровозный мастер поморщился, покосился на Риконена, хмуро сказал:

— Значит, крутил, вертел и так и сяк, и ничего путного не отыскал. Думаю, что надо у них отнять вооружение, тогда они сразу присмиреют, волчье племя.

— Весьма интереснейший момент. Ну, а что предложит комиссар тяги Риконен?

— Ничего полезного. Почти ничего. Советую сформировать состав и отправить этих жуликов по домам. Вот и все.

— Вот и все! Коротко, но не ясно,— сказал Рахья и высказал свои сомнения по предложенным планам.

Такала помял огромные багровые ладони, многозначительно заметил:

— Про казачество сейчас много в газетах пишут. Там они у себя заварили подходящую кашу. Дело государственной важности.

— А что, если нам пойти к Ленину? — встрепенулся Риконен.— Попросить у него совета. Он-то даст верное направление.

— Не примет! — махнул тяжелой лапой Такала.— У него без нас забот хватает. Вся Россия, считай, на капитальном ремонте.

— Все это верно. Однако без Ленина нам не обойтись,— поддержал Риконена повеселевший Рахья.— Примет! Дело не пустяковое. Две злейших банды засели почти в городе. Едем к Владимиру Ильичу.

— Надо бы переодеться,— смутился Такала.— В таком замасленном виде как-то неудобно.

— Ничего! Он сам на паровозе ездил. Понимает, что этот механизм пачкает.

Риконен посмотрел на часы, усомнился:

— Время-то позднее. Будет ли товарищ Ленин на службе?

— А он работает не по часам. Крутит дела круглые сутки. Я-то его характер знаю. Поехали незамедлительно,— и Рахья встал с кресла.

До Смольного добрались к девяти часам вечера.

Холодный туман плотной серой шторой прикрывал здание. Кое-где из окон мутными белыми пятнами выступал свет.

Рахья шел впереди. Вздрогнул, услышав свирепый голос:

— Стой! Куда это вы топаете?

— К товарищу Ленину. По срочному, важному делу.

Из тумана выплыли три моряка. Вид у них был внушительно-грозный: в руках винтовки, за поясами револьверы и круглые бомбы. Старший, кроме того, перекрестил себя снаряженными пулеметными лентами.

— Ох, какие молодцы! — воскликнул Рахья.— Прямо хоть памятник лепи.

— А вы зубы не заговаривайте, предъявите пропуск.

Рахья пошарил в карманах, сокрушенно покачал головой, выругался:

— Вот перкеле! Забыл дома. Пропуск-то у меня сильный, за подписью управляющего Совнаркомом Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича.

— А ваши пропуска, граждане?

— Это мои товарищи. Они плохо говорят по-русски. Первый раз идут в Смольный, не догадались заказать. Неопытные еще...

— Опыт — дело наживное, придете завтра,— усмехнулся старший.— Ну, что я говорю! Ступайте! Прием давно кончился.

— А ты, браток, на бас не бери. У меня покрепче твоего бас. Мы не уйдем, пока не доложите лично Ленину. Вызовите коменданта Павла Дмитриевича Малькова.

— Я сказал — прием закончен.

— Вот сразу видно, что не в курсе дела, морячок. Я звонил Владимиру Ильичу, и он нас ждет. Я три месяца его порученцем был. Понятно? Зови коменданта.

Старший осмотрел Рахья, подумал, кивнул головой:

— Ну что ж, пошли к товарищу Малькову.

«А что, если комендант позвонит Ленину,— с тревогой подумал Рахья, шагая следом за старшим.— Тут и раскроется мое вранье. Надо наступать, а не обороняться...»

И, увидев Малькова, Эйно Рахья с ходу сунул ему руку и сразу же стал рассказывать, какие опасности угрожают Финляндской железной дороге, а значит, и всему Красному Питеру.

Мальков прервал на полуслове:

— Хватит, Эйно. Ленину доложишь. Пошли.

Тяжелые подкованные сапоги порождали такое гулкое эхо, что Рахья и его спутники старались идти на цыпочках.

У двери в кабинет Ленина комендант тихо сказал:

— Минутку. Доложу.

Такала тихонько толкнул локтем Рахья, шепнул:

— Ты один за всех говори. У тебя правильно получается.

Выскочил комендант, улыбаясь пригласил:

— Проходите. Ждет...

Ленин вышел навстречу посетителям, с каждым поздоровался за руку, провел к столу и указал на стулья.

Рахья с гневом и злостью рассказал, сколько разных неприятностей доставляют железной дороге и жителям Левашова и Белоострова до сих пор не демобилизованные воинские части — явные подкеренцы, насильники и грабители. Закончил выводом:

— Стоят они близко, могут спеться и заварят бунт похлеще владимирских юнкеров. Торчат, знаете ли, как занозы в горле. Просим вас, Владимир Ильич, вот все вместе, подскажите, ну что нам делать? Надо ли разоружать этих, да и других выезжающих из Финляндии бывших царских солдат?

Ленин, внимательно слушавший собеседника, чтото торопливо занес в записную книжку, медленно провел ладонью по отросшей рыжеватой бородке, сказал:

— Товарищи, в этом весьма сложном и неприятном деле надо проявить сугубую осторожность. За последнее время мы приняли целый ряд воззваний к трудовому казачеству. Предлагаем им прочный мир и дружбу. Однако с мародерами, типа левашовских, мы не собираемся заключать никаких союзов, никаких перемирий. Мы проявили либеральное отношение к разбойникам крупного калибра Корнилову и Краснову, и они подняли контрреволюционное восстание, хотят потопить в крови советскую власть. Весьма печальный урок. Отсюда следует вывод местного значения:

гарнизоны в Левашове и Белоострове нужно незамедлительно разоружить и солдат отправить по домам. Основное условие — операция должна быть бесшумной и бескровной.

— Постараемся, Владимир Ильич,— охотно пообещал Рахья.— Организуем специальный красногвардейский отряд. Сам поведу.

— Справитесь? Если нужна помощь, обратитесь к командующему товарищу Еремееву.

— Сами справимся! — не удержался Такала.— Наведем ремонт...

— Очень хорошо! Желаю вам успехов, товарищи!

— Спасибо, Владимир Ильич. Извините, что так поздно побеспокоили,— сказал, поднимаясь, Рахья.— Время такое настало...

— Вам спасибо, товарищи железнодорожники. За весьма действенную помощь советской власти.

Ленин взглянул на часы, строго сдвинул густые брови:

— Час действительно поздний. Может, вас развезти на машине?

— Зачем бензин тратить? Дойдем. Здесь близко. Все-таки мы красногвардейцы,— не сводя восхищенных глаз с Ленина, сказал Герман Риконен.

— Да, Эйно Абрамович эту дорогу досконально изучил,— улыбнулся Ленин.— Скажите, а как поживает мой учитель машинист экстра класса Гуго Эрикович Ялава?

— Здоров! Живет, как говорит,— «все идет хорошо».

— Все идет хорошо,— склонив голову набок и прищурив добрые карие глаза, повторил Владимир Ильич.— Передайте ему мой теплый привет и наилучшие пожелания.

Ленин вышел из-за стола и двумя руками пожал руку Рахья.

— Заходите, не стесняйтесь. Всегда рад видеть вас, дорогой Эйно Абрамович. Да, чуть не забыл. У нас введены новые пропуска. Я вам закажу постоянный.

Так же сердечно и тепло Владимир Ильич попрощался со спутниками Рахья:

— Счастливого пути! Счастливого пути!

В коридоре Эверт Такала вскинул свои широкие ладони на плечи товарищей, притянул их к себе, сказал, не скрывая восхищения и гордости:

— Какой он свой! Даже не верится.

— Да, он самый близкий,— уточнил Герман Риконен.— Живет для народа. В этом-то его и сила...

Рахья никак не отозвался на эти восторженные слова. Он думал о том, как бесшумно и бескровно обезоружить две сотни упрямых, гордых, не признающих никакой власти казаков. У них сабля, считай, еще в пеленках прирастает к боку, так же как у финнов пукко.[1] Попробуй-ка отбери. Днем лучше не соваться. Надо заявиться ночью.

За Литейным мостом Рахья пожелал спокойной ночи своим «генералам-советникам», а сам направился на вокзал. Пришла пора действовать. Надо выиграть эту маленькую войну, не потеряв ни одного бойца.

Рахья вызвал красногвардейцев Пекка Ламонена и Эльмара Нярвянена и направил их в Левашово, приказав:

— Выясните, когда казаки ложатся спать. Выставляют ли они часовых у складов и казармы? Где хранится оружие? Если попадетесь, притворитесь пьяными. В карман возьмите бутылку на всякий случай. Обратно возвращайтесь с последним поездом или с первым утренним. Я буду ночевать здесь.

Разведчики ушли.

Рахья сел за стол и составил список в пятьдесят человек. Затем разбил отряд на десятки и выделил старших — командиров. Долго размышлял о том, как придать красногвардейцам грозный, устрашающий вид. Винтовки и гранаты имеются в достаточном количестве, но для воздействия на казаков надо придумать что-нибудь более крупного калибра. Хорошо бы иметь бронепоезд. Наставил бы орудия на окна казарм, сразу присмирели бы крокодилы. А где его возьмешь? Наверное, у самого командующего Еремеева нет. Придется махнуть в штаб Красной гвардии Выборгского района и выпросить у старого друга Исидора Воробьева хотя бы парочку пулеметов. Всего на сутки. Под чест-

---

[1] Пукко — финский нож (финка).

ное слово или под расписку. А если у него нет, поехать в Петропавловскую крепость к комиссару Георгию Ивановичу Благонравову. Выручит. А если откажет, придется позвонить Ленину...

Усталость и сон навалились одновременно и осилили комиссара.

Рано утром его разбудили Ламонен и Нярвянен. Перебивая друг друга, рассказали о том, как они вели разведку и не только обходили, но и заходили в казарму, так как охраны там никакой нет...

— Молодцы! Превосходно! — похвалил Рахья.— Как говорится,— не досмотришь оком, так ответишь боком. Можете до обеда спать, а потом явитесь в мое распоряжение.

Весь день Эйно Рахья совместно с командиром отряда Александром Дувва занимались подготовкой к походу.

К вечеру комиссар тяги Риконен сформировал специальный состав.

В 21 час 15 минут комиссар Рахья построил отряд и поставил боевую задачу каждому десятку. Всех бойцов предупредил:

— Действуйте смело и быстро. Если у них кто заартачится, полезет в драку, не стреляйте, а успокаивайте прикладами.

До Левашова ехали без остановок.

Рахья вместе с Ламоненом и Нярвяненом обошли казарму. Все окна были темными. До разведчиков доносилась хриплая, пьяная песня. Рахья постоял, послушал, плюнул со злости:

— На всю ночь затянули панихидную. Ни сна, ни покоя, перкеле.

Вернулись к поезду. Рахья посмотрел на часы, сказал Дувве:

— Начнем ровно в 23 часа.

Берегли тишину.

Рахья опасался, что катки пулеметов загремят на камнях, и приказал нести на руках. Два поставил напротив дверей, один — на дороге...

Операция продолжалась полтора часа. Обезоруженных и освобожденных от лишнего груза казаков отвели и заперли в поезде. Пьяных пришлось нести на носилках.

Оставив трех красногвардейцев для охраны казарм и награбленного у населения имущества, Рахья сказал Риконену:

— Поехали домой, комиссар тяги.

— Слушаюсь, товарищ верховный главнокомандующий,— гаркнул Риконен, поднося к ушанке растопыренную ладонь.

Красногвардейцы рассмеялись.

Рахья не обиделся, но, не желая оставаться в долгу, нашел нужным заметить:

— Поживем — увидим. Может, и буду главнокомандующим. Новая власть доверила нам, финнам, оружие. Придется служить в армии, ребята. На юге уже идут бои. Будет гражданская война и на севере. Неспокойно, очень неспокойно на Суоми, товарищи. Всеобщая забастовка перерастает в народное восстание. Необходимо помочь землякам. Только об этом поговорим завтра. А сейчас — по вагонам!

НАДЕЖНЫЙ ТОВАРИЩ

...Утром 31 июля 1918 года Эйно Рахья по вызову Председателя Совнаркома Ленина прибыл в Москву.

Рахья злился на самого себя. После бессонной ночи в жарком, пропахшем махоркой и пóтом вагоне у него разболелась голова, противно дрожали руки и все тело было непослушным, точно ватным. Какая-то старческая немощь. И это в тридцать три года! Видно, сказались слишком суровые испытания и страшные потери. Легко идти к Ленину, когда несешь к нему радостную весть победы. И не спешат, с трудом слушаются ноги, когда чувствуешь себя виновным, побежденным в трудной борьбе. Конечно, можно сослаться на отсутствие опыта.

Рахья был назначен командиром добровольческого отряда красногвардейцев-железнодорожников и через месяц введен в тройку главного командования всеми вооруженными силами Красной Финляндии. Под ударами финских белогвардейцев, немецкого десантного

корпуса и наемных шведских солдат фронт, расстянувшийся от Ботнического залива до Ладожского озера, был разорван и красногвардейские отряды разбиты. Снег на юге Финляндии был растоплен кровью побежденных рабочих и торпарей.

Пропуск в Кремль был уже в проходной, но Рахья ничуть не обрадовался такому вниманию. Сейчас нужно будет рассказывать Ленину страшную правду...

Робко постучав, Рахья вошел в кабинет Предсовнаркома.

Ленин стоял у стены и, склонив голову набок, смотрел на огромную географическую карту, состоявшую из пяти отдельных листов, наклеенных на полотно и навернутых на вращающийся валик. Услышав шаги, Владимир Ильич резко повернулся и пошел навстречу Рахья. Удивление и тревога отразились на его лице:

— Ой, как вы скверно выглядите! Как вы похудели! Да здоровы ли вы, Эйно Абрамович?

— Вроде здоров, а постарел и похудел — это от больших неприятностей. Я не так сказал... Мы пережили огромную беду. И я... чувствую себя очень виноватым...

— Знаю. Все знаю. Это не ваша вина, батенька, а наша беда. Да будь вы генералиссимусом Суворовым, все равно потерпели бы поражение. Вы лучше меня знаете объективные причины, приведшие к гибели Красную Финляндию. Не будем предаваться бесплодным угрызениям совести. Пройдемте к столу и займемся неотложными практическими делами. Меня очень беспокоит судьба финских беженцев-эмигрантов, и я хотел бы услышать ваши советы и предложения по этому вопросу.

Ошеломленный словами Ленина, Эйно Рахья медленно прошел к стоявшему в центре комнаты небольшому зеленому письменному столу и тяжело опустился на стул. Он собирался потолковать с Владимиром Ильичем о бедственном положении бывших финских красногвардейцев, прорвавшихся из окружения и с боями отступавших к советской границе, но даже и не предполагал, что этот вопрос будет главным при встрече в Кремле. Оказывается, Председатель Совнаркома нашел нужным посоветоваться с ним, измученным крупнейшими неудачами и потерявшим уверенность в сво-

их силах. С трудом сдерживая волнение, Рахья достал платок и вытер горящее лицо. С благодарностью подумал: «С ответом не торопит, понимает, какое у меня сквернейшее состояние. Вместо толковых слов может выскочить что-нибудь совсем глупое».

Успокоившись, Рахья заговорил медленно, с трудом подбирая нужные слова:

— Плохо, очень плохо обстоит дело с беженцами. Их не сотни, а тысячи. Кроме винтовок и ненависти к палачам, они ничего с собой не принесли. Где-то там... в Суоми... у них остались родные и близкие. И они ничего не знают, живы ли их дети и жены...

Рахья крепко, до боли сцепил пальцы рук.

— Вам можно говорить всю правду... самую горькую. Беженцы голодают. У некоторых стойкость и выдержка пошатнулись, пошли шарить по домам и магазинам. Таких единицы, но их совершенно не должно быть. Я обращался к Зиновьеву. А он только руками разводит: «Я своих не знаю, как прокормить». А разве наши ребята — чужие?

— Скверно! Архискверно! — сердито произнес Ленин.— Петроград в ужасном положении, но это не значит, что можно равнодушно относиться к попавшим в беду нашим товарищам.

— Вот это меня и мучает. Характер у меня как-то сильно сломался. Как наткнусь на какую-нибудь несправедливость, так и срываюсь... перехожу на крик, на ругань. А этим, известно, делу не поможешь. Ладно. Это все вроде предисловия. Извините, не могу удержаться, накипело и вылилось. А теперь по существу вопроса. Надо беженцев к делу пристраивать, и незамедлительно. Человек без работы теряет самые лучшие свои качества и превращается в бродягу. Кое-кого мне удалось через друзей и знакомых определить на службу. Но это единицы. Несколько сот человек, главным образом раненых и больных, перетолкнули в хлебные губернии, прежде всего в Сибирь. А что делать с остальными? Думаю, что надо создавать красноармейские отряды. Ребята хорошо дрались; это настоящие солдаты. По всему видно, гражданская война будет длинной и тяжелой...

— И в этом, к сожалению, вы правы. Не исключена возможность, что империалистам удастся напра-

вить Финляндию на завоевание Карелии и Петроградской губернии...

— Лахтари [1] уже стучатся в нашу границу. Вот потому-то я и хочу просить вас сохранить основное ядро финских красногвардейцев в Петроградском военном округе.

— Правильно! Соответствующие распоряжения будут немедленно сделаны. В связи с созданием добровольческих интернациональных частей необходимо позаботиться о специальных курсах командного состава. Я хочу рекомендовать вас военным комиссаром интернациональных курсов. Будете учить и сами учиться военному делу. Как вы оцениваете это предложение?

— Очень сильно оцениваю. Постараюсь, чтобы все было в аккурате.

— Вот и хорошо. Отдохнете недельки две — три, и за работу.

— Отдыхать нет никакой возможности, Владимир Ильич. Когда начинается война, все болячки забываются. Тут каждый становится строевым. Вы не смотрите, что я такой тощий и пасмурный на вид. Я еще поработаю. Только вот... только вот,— и Рахья махнул рукой и опустил голову.

— Что — только вот?.. Почему это вы вдруг споткнулись?

— Не знаю, как и объяснить. Кто я такой? Самый простой, самый обыкновенный человек. Не все получается у меня гладко, а иногда и совсем осекаюсь на полном ходу. Особенно вот в этом очень трудном деле — в устройстве наших беженцев. Не очень-то охотно идут навстречу... Не признают, что ведешь большую, нужную работу.

— А вы не стесняйтесь, сообщайте мне о всех, кто мешает, саботирует наше общее дело. Трудностей очень много, но мы способны их преодолевать и безусловно преодолеем. Скажите, как вы добирались до Москвы?

— Друзья-железнодорожники помогли достать билет. Всю дорогу, слава богу, сидел. А вот обратно труднее будет. Тут у меня знакомства нет.

---

[1] Лахтари — мясники, презрительное прозвище прославившихся кровожадностью финских белогвардейцев.

— Билетом обеспечим... Вот как мы весело живем. Председатель Совнаркома — глава государства — должен заботиться о билетах приезжающих по вызову в Москву. Но это, батенька, явление временное. Как, впрочем, и все другие наши недостатки и беды, связанные с затяжной войной, с разрухой.— Ленин достал из стола бланк со штампом «Председатель Совета Народных Комиссаров» и своим размашистым, энергичным почерком написал:

«Удостоверение.

Настоящим удостоверяю, что податель сего, товарищ Эйно Рахья, лично мне давно известен и заслуживает, как старый надежнейший партийный товарищ, *полнейшего* доверия.

Пред.СНК *В. Ульянов (Ленин)*».

Выждал, когда просохнут чернила, передал документ Рахья, сказал, улыбаясь:

— Может, эта бумага вам и пригодится. Часто пользоваться не советую. Только по необходимости...

— Спасибо, Владимир Ильич. Задержал я вас очень своими разговорами.

— Разговор был весьма полезным, действенным. А сейчас пойдемте ко мне, перекусим. С этого надо было начинать нашу встречу, да как-то незаметно разговорились, вопреки элементарным требованиям гостеприимства.

— Не знаю. Сильно неудобно...

— А мне было удобно жить у вас в Ялкала? Да, чуть не позабыл. Скажите, пожалуйста, как себя чувствуют милейшие старики Парвиайнен?

Рахья опустил голову. С трудом переборов нахлынувшую грусть, тихо сказал:

— Старики с малышами остались там... в Ялкала. Мы отходили с боями и не успели их вывезти. Лидия, да и сам я сильно переживаем...

Ленин что-то быстро записал в блокноте. На лбу и под глазами появились суровые морщинки. Минуты две, прищурясь, смотрел на карту, потом встал и подошел вплотную к Рахья.

— Весьма печальная новость, дорогой Эйно Абрамович. Я очень хорошо понимаю ваше состояние. Они

такие чудесные люди — Петр Генрихович и Анна Михайловна. Передайте, пожалуйста, Лидии Петровне, что я очень сочувствую ей и прошу не отчаиваться. Мы примем все меры к тому, чтобы ее родители возвратились в Питер. К сожалению, я пока не могу назвать даже приблизительные сроки этой желанной встречи.

Рахья почувствовал, что он не может говорить. Что-то неладное с горлом, и губы не подчиняются, дрожат. Свирепо потер влажные ладони, обругал самого себя:

«Как ты расклеился, военный комиссар. На каком месте забуксовал, перкеле».

И словно легче стало. Чуть слышно произнес:

— Не знаю, как и отблагодарить вас, Владимир Ильич.

— А вы и не затрудняйтесь. Не думайте о таких пустяках.

Ленин взглянул на часы, покачал головой:

— Ох и достанется мне от Надюши. Снова нарушил распорядок дня. Придется вам побывать в роли этакого громоотвода. Надежда Константиновна и Мария Ильинична увидят вас, обрадуются, и я получу полнейшую амнистию. Пошли, пошли. Не робейте. Вы будете самым желанным гостем, дорогой Эйно Абрамович.

ВНЕЗАПНЫЙ УДАР

...Заседание Комитета Обороны Петрограда закончилось поздно вечером. Выходя из Смольного, Эйно Рахья хмуро сказал брату:

— Удивляюсь, как это у них на бумаге все просто и гладко получается: «поручить Рахья очистить от белогвардейцев Карельский участок фронта». А у меня вот... прямо волосы шевелятся.

— Подумаешь — шевелятся, — рассмеялся Иван Рахья.— Ведь ты на три четверти уже облысел.

— От таких пилюль последние кудри вылезут. Я на этот серьезный момент сильно смотрю.

— Это общее дело. Вместе с тобой в Карелию выезжают триста мобилизованных питерских коммунистов.

— Слышал. Люди хорошие, но мало, понимаешь, ма-ло. В армии прохвоста фон Герцена сплошь добровольцы. Отборные вояки, лахтари. Сколько они наших ребят расстреляли в прошлом году. Да и ты две пробоины получил...

— Нет худа без добра,— теперь мои ноги лучше любого барометра плохую погоду угадывают. Я эту окаянную станцию Кямяря никогда не забуду.

— Я им все припомню. Вот обнаглели, перкеле. На Питер лезут...

— Не шуми, Эйно. Заходи завтра утром. За ночь остынешь и что-нибудь дельное придумаешь.

— Ночь заведена для сна.

— Не храбрись. Не уснешь сегодня.

И он сказал сущую правду, младший брат. Почти до рассвета Эйно не спал. Ему хотелось знать, с кем он будет иметь дело на суровой Карельской земле, что собой представляет возомнивший себя этаким Наполеончиком главнокомандующий фон Герцен. Говорят, бывший царский офицер. Сколько у него активных штыков? Орудий? Пулеметов? Каковы его ближайшие планы? Все это надо незамедлительно узнать. Послать своих людей в тылы так называемой «добровольческой» армии. За минувшую неделю враги довольно глубоко вклинились в Карелию. Воспользовались тем, что на границе стояли ослабленные посты и не было регулярных частей Красной Армии. Судя по печати, белофинны ведут наступление тремя колоннами: одна по дороге Пряжа — Петрозаводск, вторая — по Сердобольской дороге на Видлицу, третья — из Сердоболя по льду Ладожского озера к городу Олонец. Малочисленные местные боевые дружины не могут остановить хорошо вооруженные вражеские полки. Красногвардейский отряд Видлицкого завода погиб в неравном бою. Белофинны ворвались в Олонец. Как остановить их? На Псковском и Нарвском участках идут тяжелые, кровопролитные бои. Оттуда нельзя снять ни одной части. Один выход — собрать бывших финских красногвардейцев и партизан. Позвать — все придут. Организовать полк из своих ребят, и тогда можно смело ехать на фронт.

И с этой мыслью Рахья уснул.

Проснулся от легкого звона чайника. Встал.

Лидия Петровна посмотрела на мужа с укоризной, но сказала тихо, ласково:

— Поспи еще немножко. Ты всю ночь ворочался и ругался.

— Будешь ругаться, если со всех сторон лезут, перкеле. Вчера получил назначение на Карельский фронт...

— И я с тобой поеду, Эйно.

Рахья подошел к жене, поцеловал, сказал тихо:

— Там очень холодно. И, случается, даже убивают...

— Знаю. Если что и случится... так вместе.

— Ладно! Отпустят с работы, возьму,— сказал Рахья и тут же решил: «Надо позвонить, чтобы не отпускали...»

Рахья позавтракал, предупредил жену:

— Пойду к Ивану. Рано не жди...

День был солнечный, теплый. Рахья заметил: измученные голодом и холодом питерцы заметно повеселели: прошел ладожский лед, появилась корюшка, недельки через две — три будут собирать щавель на зеленые щи. И обязательно заведут огороды. Люди верят, что самые страшные дни остались позади. Они еще не знают всей правды о смертной опасности, надвигающейся с запада и с севера. Неужели враги ворвутся в красный Питер? Нет, этого нельзя допустить.

В военной организации при Центральном комитете компартии Финляндии одобрили предложение Эйно Рахья. И в тот же день он приступил к формированию первого финского стрелкового полка. Ему помогали братья Иван и Яков, боевые друзья — бывшие красногвардейцы, партийная организация Петрограда.

Полк получил обмундирование, оружие, продовольствие. Срочно сформированный состав направился на фронт.

В пути до Эйно Рахья дошли тревожные слухи, что станция Лодейное Поле уже занята белофиннами. Тяжелой новости не хотелось верить. Выходит, что перерезана важная железная дорога.

Рахья приостановил движение. Выслал разведку.

Вместе со своим секретарем и адъютантом Эдвардом Вастеном командир и комиссар полка Эйно Рахья долго изучал по карте-двухверстке подступы к Лодейному Полю и злился:

«Слишком долго собирался, перкеле».

Разведчики вернулись и сообщили, что неприятеля в Лодейном Поле нет, а обнаружен штаб красноармейских частей этого участка, возглавляемый Люндеквистом.

Рахья поблагодарил разведчиков за добрые вести и приказал начальнику движения Герману Риконену полным ходом двигаться на Лодейное Поле. Свертывая карту, сказал Вастену:

— Судя по фамилии, Люндеквист — финн или швед. Надо с ним поговорить, узнать, что это за человек.

Однако это намерение сразу осуществить не удалось. На станции Лодейное Поле Эйно Рахья получил оперативную телеграмму: срочно двигаться по направлению Олонца и приостановить наступление противника.

Рахья выгрузил полк, перекантовал обозное имущество на подводы и направился к Олонцу. Остановились у деревни Канема на берегу Свири. По разлившейся, тяжело дышавшей реке плыли грузные льдины. Пришлось выжидать, когда закончится ледоход. Как только река успокоилась, вошла в берега, Рахья приказал готовиться к переправе. В это время из штаба, находившегося в Лодейном Поле, пришел приказ:

«1-му Финскому стрелковому полку, 47-му стрелковому полку и полуэскадрону петроградской кавалерии в 8 часов утра выступать в направлении Александро-Свирского монастыря и на перекрестке дорог, в 6 верстах от реки Свири, атаковать неприятеля и уничтожить его».

Рахья дважды перечитал приказ, торопливо вытащил карту, не спеша вымерил расстояние, которое должны пройти части, принимающие участие в операции. Подсчитал время для марша. Сердито толкнул локтем дремавшего на лавке Эдварда Вастена.

— Что с тобой? — протирая глаза, спросил Вастен.— Такой сладкий сон испортил...

— Ловушка, перкеле! Форменная ловушка,— наливаясь багровым румянцем, сказал Рахья.— Да ты не на меня смотри, а на карту.

Рахья схватил красный карандаш, жирным кружком обвел Александро-Свирское и протянул к нему три стрелки.

— Видишь, наша самая короткая. Мы подойдем к перекрестку через два часа, а сорок седьмому полку понадобится на марш не менее пяти—шести часов. Вот когда подоспеет полуэскадрон — не скажу, связи с ними не имею и, какие у них рысаки, не знаю. Ну-ка, смекни, что же из этой баталии получается?

Вастен пальцами измерил длину красных стрелок, сказал сердито:

— Расколотят поодиночке. Вначале — нас, а потом наших соседей...

— Вот-вот, потому я и говорю: ло-вуш-ка. Нарушается главный момент — взаимодействие всех частей. Удар — единым кулаком. Вместе мы сильнее противника, а врозь — слабее. Это каждый красноармеец понимает, а вот начальник участка Люндеквист не освоил такую простую истину. Или он дурак, в чем я очень сомневаюсь, или прохвост, предатель...

— Не спеши с выводами, Эйно. Надо присмотреться.

— Если пойдем выполнять приказ, нам больше смотреть на свет божий не придется. Ляжем костьми на этом окаянном перекрестке.

— А если оперативный приказ не выполним,— попадем под суд Военного трибунала,— в тон Рахья произнес Вастен.

— Вот и получается архискверная история,— подытожил разговор Рахья, вытаскивая часы.— До начала выступления остается четыре часа. Сейчас я поеду к члену Реввоенсовета седьмой армии, Шатову, и добьюсь отмены приказа как явно вредительского.

Шатов внимательно выслушал Рахья, покачал головой, сказал, иронически улыбаясь:

— Ваши далеко идущие выводы не подкреплены конкретными фактами. Люндеквист — весьма опытный командир. Хотя он является воспитанником царской академии Генерального штаба и в недавнем прошлом был полковником, но перешел к нам и показал себя добросовестным военным специалистом.

— Скажите, а кто по происхождению этот Люндеквист?

— Точно не знаю. По-видимому, швед или немец. По акценту судить нельзя, по-русски он говорит великолепно. Ясно одно — он ваш старший начальник, и вы обязаны беспрекословно и точно выполнять все его приказы.

— Я считал своим долгом предупредить вас. Время покажет, кто из нас прав,— сказал Рахья и, не желая терять ни минуты, поспешил к себе в штаб.

Прибыв на место, сразу же послал связных в 47-й стрелковый полк с предложениями по увязке действий в предстоящей операции.

Части одновременно подошли к Александро-Свирскому монастырю. Бой продолжался весь день. У перекрестка дорог белофинны сосредоточили 30 пулеметов и отбили четыре лобовых атаки. Вечером Рахья направил два батальона в обход огневых позиций противника. Опасаясь окружения, белофинны оставили Александро-Свирский поселок.

Похоронив убитых и отправив в Лодейное Поле раненых бойцов, Рахья обошел отвоеванные у врага, хорошо оборудованные позиции и снова пришел к выводу: если бы действия не были согласованы, головной, первый финский полк, имеющий всего шесть пулеметов, полег бы от перекрестного огня пятикратного превосходства. Если Люндеквист действительно опытный, добросовестный военный специалист, он должен был указать в приказе время выступления для каждой части и тем самым обеспечить их взаимодействие. Надо присмотреться к этому хваленому начальничку.

Вскоре такая возможность представилась — Рахья был переведен на должность комиссара 1-й стрелковой дивизии, штаб которой находился в Лодейном Поле. И при первой же встрече Рахья, не стесняясь и не робея, спросил Люндеквиста:

— Скажите, пожалуйста, кто вы будете — финн или швед?

Люндеквист внимательно посмотрел в суровые глаза собеседника, напряженно улыбнулся, не раскрывая рта:

— Видите ли, родители мои были шведского происхождения. Родился я в городе Ваза, но еще в раннем детстве уехал из Финляндии. Да... и вот не только финский, но и родной шведский язык позабыл. А в связи с чем у вас возник этот несколько странный вопрос?

— Я думал, что вы мой земляк. Выходит, ошибся.

Люндеквист достал батистовый, пахнувший дорогими духами платок и не спеша стал вытирать лоб и подбородок.

«Чего это он так старается? Погода-то не жаркая,— неприязненно подумал Рахья.— Что-то здесь неладное».

На следующий день утром Рахья попросил Эдварда Вастена:

— Помоги мне провести маленькую проверочку. Во время чая я нарочно сяду рядом с Люндеквистом и скажу кое-что по-фински, а ты зорко смотри на него, как он будет на это реагировать.

Чай имел желтоватый цвет и характерный привкус сахарина. Макая ржаной сухарь в кружку, Рахья подмигнул Вастену и громко сказал на родном языке:

— Как бы мне хотелось пустить пулю в лоб этому сукину сыну шведского происхождения.

Пожевал сухарь и добавил:

— По морде видно: подлец из подлецов, а разыгрывает честного человека.

Люндеквист, не допив чай, встал и вышел из вагона.

Вастен наклонился к Рахья и тихо сказал:

— Как он вздрогнул, весь побледнел, страшно изменился в лице, словно ты о нем говорил.

— Значит, он понимает финский язык. А мне сказал, что не знает; выходит, врет, перкеле.

Рахья решил строжайшим образом контролировать все распоряжения Люндеквиста и сомнительные отсылать в Чрезвычайную комиссию.

Через два дня Люндеквист объявил своему помощнику по оперативной части об «ужасном недомогании» и уехал в Петроград. В Лодейное Поле он больше не вернулся.

Рахья обрадовался:

— Вот как мы напугали этого барчука. Сбежал наш командующий в неизвестном направлении.

Но ликование было преждевременным. Вскоре в дивизию пришел приказ, в котором говорилось о том, что Люндеквист назначен начальником штаба 7-й армии.

Комиссар дивизии Эйно Рахья тяжело пережил это неожиданное известие. Житейский опыт, чутье подсказывали ему: Люндеквист — прохвост. Так почему же ему доверили такой высокий пост? Кто выдвинул его в штаб армии, обороняющей Петроград? И как разоблачить хитрого, умного и опасного врага? На эти вопросы Рахья не мог ответить. После долгих мучительных размышлений решил написать обстоятельный доклад Председателю Совета Обороны — В. И. Ленину. Сидел всю ночь. Испортил пачку бумаги, а толкового донесения так и не получилось. Не было главного — убе-

дительных фактов, раскрывающих преступную деятельность Люндеквиста. Пришлось отложить рапорт до поры до времени.

Боевые операции на Олонецком участке фронта затянулись, белофинны оказывали упорное сопротивление, некоторые деревни несколько раз переходили из рук в руки.

Просматривая дневную сводку в штабе первой бригады, Рахья не выдержал, сказал с горечью начальнику штаба:

— Опять на Олонецком участке «ружейная и пулеметная перестрелка». Топчемся на месте, товарищ Машаров. На Восточном фронте в день по 30—40 верст проходят, большие города берут, а мы деревню Сормяги два раза брали и три раза сдавали. Надо так стукнуть, чтобы вся эта банда фон Герцена разлетелась вдребезги. Нужна большая операция на самом уязвимом участке. Внезапный удар, понимаете, внезапный. Чтобы они, гады, и опомниться не успели...

Начальник штаба бригады Машаров встал, подошел вплотную к Рахья, сказал спокойно, тихо:

— Я об этом давно думаю, товарищ комиссар. Меня, прямо скажу, с ума сводят эти сводки: «На Олонецком участке поиски разведчиков» или еще хуже: «На Олонецком участке без существенных перемен». Противник вплотную подходит к Питеру. Надо доказать, что мы умеем воевать. Я вот думаю об одной комбинированной операции, которая может разрубить пополам всю армию фон Герцена, только не знаю, согласится ли с моим планом высшее начальство.

— А вы не бойтесь. Сами проведем в полном аккурате. Что это за операция?

Машаров сел на стол, развернул карту, взял карандаш, с минуту смотрел на Ладожское озеро и неожиданно попросил:

— Разрешите еще подумать немножко. Завтра утром приду к вам и доложу.

— Хорошо! Буду ждать...

Весь вечер Рахья просидел у карты-двухверстки, пытаясь отгадать замысел Машарова. Перебрал все населенные пункты, расположенные на линии фронта, и не нашел подходящего для решающего удара. Если можно было бы подобраться к главной базе белофин-

нов — Видлице... Там у них склады с боеприпасами, обмундированием, продовольствием. Но туда не попадешь — мешает озеро.

Разморенный духотой, разбитый усталостью, Рахья уснул за столом.

Рано утром его разбудил Машаров. Лицо его было бледным, измученным бессонницей. Глаза слезились. Он положил на стол листы бумаги с безукоризненно красивой надписью: «Видлицкая операция».

— Видлица? — удивился Рахья.— Я о ней думал. Удар в тыл — весьма серьезный момент, но как мы туда залетим? Крыльев у нас нет... Озеро мешает.

— Наоборот, озеро — наш главный союзник. Мой план предусматривает взаимодействие пехотных частей с кораблями Онежской флотилии. Мы подойдем к Видлице и под прикрытием артиллерийского огня кораблей высадим десант. Одновременно части боевого участка нанесут удар с фронта. Получается комбинированный внезапный удар...

— Здóрово получается, дорогой товарищ Машаров! — воскликнул Рахья.— Вот что значит зрелый военный ум. Ведь я к Видлице, как жених к невесте, присматривался. Только не понимал, с какого бока к ней подойти. Большое вам спасибо от лица службы.

— План вроде не плохой, расчеты сделаны, и все, кажется, предусмотрено, а вот удастся ли выполнить? Много различных трудностей...

— А вы не робейте. Двинем дело на полную мощность. Голòвой ручаюсь. Операцию будем готовить в строжайшем секрете. Сегодня поеду к командующему Онежской флотилией Панцержанскому и все с ним согласую. А пока садитесь к столу, посмотрим, что вы в эту серьезную папочку положили.

Рахья закрыл дверь на ключ и три часа, не отрываясь от карты, проверял и уточнял документы Видлицкой боевой операции. Кто-то стучал в дверь, зуммерил полевой телефон, но Рахья не отвлекался от дела, пока не получил полного представления о том, что нужно сделать для осуществления смелого и умного плана.

Затем, сделав необходимые распоряжения, Рахья выехал на базу Онежской флотилии. Бывалый, смелый флотский начальник Эдуард Самойлович Панцержан-

ский вместе со своим комиссаром Иваном Мартыновичем Лудри с интересом выслушали Рахья. Уточнили боевой состав, сроки подготовки и пообещали сделать все возможное для выполнения задуманной операции.

Несколько дней штабы готовились к наступлению. Для усиления огневой мощи кораблей, по просьбе Панцержанского, командование Балтийского флота выделило два эсминца — «Уссуриец» и «Амурец», которые по Неве прошли в Ладожское озеро.

Рахья послал своих лучших разведчиков-финнов в тыл врага — в Видлицу — с заданием собрать сведения об укреплениях противника в районе предстоящего десантирования.

Теперь можно было со спокойной совестью доложить штабу 7-й армии о полной готовности к походу на Видлицу.

Через день телеграф принес категорическое предписание — никаких операций без разрешения штаба армии не проводить. А вскоре пришел и приказ — высадку десанта произвести в Тулоксе, что в одиннадцати верстах от Видлицы.

Этого Рахья не ожидал. У него не было сомнения в том, что Видлицкая операция увенчается успехом. Почему же в штабе армии с таким тупым равнодушием перечеркнули их план?

С трудом сдерживая раздражение, Рахья пришел к начальнику дивизии Лепину и швырнул приказ на стол:

— Я в этот капкан не полезу. Я Тулоксу отлично знаю. У белофиннов берег высокий, покрыт колючей проволокой, траншеями и окопами. Вылезем и попадем в самое пекло.

— Приказы издаются для того, чтобы их выполняли,— многозначительно произнес Лепин.— С моей точки зрения Видлица — более удобный пункт для нападения, но высшее начальство дальше нас с вами видит.

— Это дело рук барона Люндеквиста. Полковник служит белогвардейцам, а не советской власти...

— Не нам с вами судить об этом. А впрочем... впрочем, если у вас есть основания,— жалуйтесь. И, наконец, вы лично можете и не участвовать в десанте. Поедет ваш заместитель Должников.

— Вы меня плохо знаете. Я не оставлю своих бойцов в таком деле. Это мое партийное право. Комитет Обороны предоставил мне чрезвычайные полномочия, и я их использую... как подсказывает долг и совесть. Пока пойдем на Тулоксу, а там видно будет.

Для контроля за выполнением своего приказа Люндеквист прислал военного специалиста для особых поручений — Плющик-Плющевского. В день выхода в поход он выехал с судами на Ладожское озеро, чтобы наблюдать за погрузкой десанта на Тулоксу. Дул сильнейший ветер, колесные пароходики «Кибальчич», «Гарибальди» и «Ланской» круто качались под ударами волн; Плющик-Плющевский с трудом вылез на берег. Он пошатывался, как пьяный. На бледно-зеленом лице отразились страх и боль.

К вечеру 26 июня ветер стал утихать. Бойцы заняли свои места на пароходах. Рахья любезно предложил контролеру:

— Милости прошу в каюту.

— Я не переношу этой ужасной качки. Всю душу вымотало. Убедительно прошу вас проследить за неукоснительным выполнением приказа. Владимир Эльмарович настаивал на моем личном присутствии, но, как видите, я с трудом держусь на ногах.

— Можете не сомневаться — все будет в полном аккурате,— улыбаясь, заверил Рахья.— Ждите добрые вести.

Он был рад, что избавился от порученца Люндеквиста. В пути можно переубедить Панцержанского и Лудри. Понимающие дело, свои люди.

Рахья поднялся на пароход и хотел было пройти в каюту, но с берега донеслись крики:

— Необходимо видеть Рахья!

— Вызовите комиссара Рахья!

Это прибыли долгожданные разведчики. Их доставили на моторном катере. Рахья провел их в каюту, попросил:

— Рассказывайте, ребята, скорей рассказывайте.

Разведчики довольно толково показали, где находятся огневые позиции, склады и штаб противника. И даже назвали: численность гарнизона Видлицы — 500 человек, фамилия начальника — майор фон Герцен, брат командующего. Его помощник — Кусима.

Рахья созвал оперативное совещание и, основываясь на данных разведки, предложил вначале напасть на Видлицу, а затем уже наступать на Тулоксу, которую с тыла куда легче будет атаковать.

Командующий флотилией Панцержанский согласился с этими доводами.

Лепин после короткого раздумья заметил:

— Мы нарушаем приказ. Могут нас, голубчиков, подвести под трибунал.

Рахья подмигнул Панцержанскому, уверенно сказал:

— Ничего! Ударим покрепче по Видлице, а там обстановка покажет, что́ дальше делать. Как нас учит Ленин,— наносите внезапный удар на главном направлении, и вы непременно победите. А если победим, так нас никто судить не осмелится. А потом можно сослаться на туман,— дескать, пришли не по адресу.

В 22 часа 30 минут все суда вышли в поход. В устье реки Тулоксы береговые батареи противника открыли частый огонь по флотилии, но второпях не могли взять точного прицела.

Не отвечая на стрельбу, суда полным ходом устремились к Видлице.

Удар был внезапным и сокрушительным. В течение часа и двадцати минут комендоры флотилии били по разведанным целям.

В бинокль Рахья видел, как вставали над низкими домиками высокие багровые столбы разрывов. Черное облако дыма и пыли наглухо накрыло поселок. Рахья хотел было опустить бинокль — все равно ничего не различить, но неожиданно огромное желтое пламя взметнулось под самые тучи и грохот тяжелой взрывной волны докатился до парохода.

— Молодцы твои ребята,— сказал Рахья стоявшему рядом Эдуарду Панцержанскому.— Пора и моим действовать. Давай команду!

Еще суда вели обстрел Видлицы, а колесные пароходы «Кибальчич», «Гарибальди» и «Ланской» уже двинулись к берегу.

Рахья видел, как десантники с трех сторон ворвались в Видлицу. Теперь он уже не сомневался в успехе и поспешил на берег.

Разведчики привели раненного в ноги егеря; он рассказал Рахья, что нападение было совершенно неожиданным.

— Я стоял у штаба,— морщась от боли, торопливо говориль егерь.— Вижу — идут ваши корабли. Побежал, доложил Кусиме. Он расхохотался: «Ерунда! Большевики по нам стрелять не будут. Они идут на Тулоксу». А через десять минут снаряд влетел в штаб, и Кусиме оторвало руку. Мы вывели его из дома и хотели усадить в машину. Завести ее не успели — прямым попаданием была разбита.

— А где был в это время ваш командир фон Герцен? — поинтересовался Рахья.

— Спал. Услышав стрельбу, выбежал в нижнем белье. А кругом кромешный ад. Фон Герцен вскочил на лошадь и помчался к границе. Может, он от страха немножко свихнулся.

— Весьма возможно,— усмехнулся Рахья.—Сюда-то он никогда не вернется.

Разгромленный в Видлице противник оставил все свое военное имущество. С особенной радостью комиссар Рахья любовался совершенно исправными орудиями. Их было одиннадцать. Посоветовал начдиву Лепину:

— Надо пушечки незамедлительно двинуть на Тулоксу. Там будет жаркое дело.

И действительно, гарнизон Тулоксы сражался с ожесточением смертников. Бой продолжался несколько часов. Атакующим помогли подоспевшие трофейные орудия. Пришедшая с некоторым опозданием весть о падении Видлицы ошеломила белофиннов, и они оставили подготовленные для длительной обороны позиции под Тулоксой.

Утром 28 июня 1919 года командование десантными отрядами и Онежской флотилией направило в Комитет Обороны Петрограда донесение о разгроме противника под Видлицей и Тулоксой.

В тот же день о победе на Олонецком участке фронта узнал Владимир Ильич Ленин, получивший срочную телеграмму:

«...Сегодня наши части при поддержке нашего Ладожского флота внезапным ударом овладели Видлицким заводом у границы Финляндии, захватили 11 орудий и богатые артиллерийские и продовольственные склады. Взятые снаряды, патроны пулеметы подсчитываются».

А через два дня военный комиссар Эйно Рахья получил из Комитета Обороны поздравительную телеграмму, на которую дал предельно краткий ответ:

«Сражаясь за Рабоче-Крестьянскую Россию — победим или умрем. Объявим приветствие по войскам, где оно найдет сердечный отклик».

Вдохновленные первой победой на Петроградском фронте, части Карельского участка разгромили остатки Олонецкой «добровольческой» армии фон Герцена и отбросили за границу Финляндии.

С честью выполнивший свою задачу Эйно Рахья прибыл в Петроград. Доложив Комитету Обороны об итогах боевых операций, Рахья сразу же направился на Гороховую улицу в Петроградскую Чрезвычайную Комиссию. Не спеша рассказал Глебу Ивановичу Бокию о вредительстве начальника штаба седьмой армии — Люндеквиста.

Бокий помял ладонью острый подбородок, сказал виновато:

— Все, что ты доложил, звучит довольно убедительно. Похоже, что ты вполне прав, но доказать все это пока очень трудно. Нет ни одного обличающего документа. Поэтому необходимо произвести тщательное наблюдение и слежку.

— Арестуйте сегодня же этого прохвоста,— вспылил Рахья,— не ошибетесь. Если я на этот раз промахнулся, расстреляйте меня, черта лысого...

— Не кипятись, товарищ Рахья. Я поручу своим людям проследить за Люндеквистом.

— Пока я на Петроградском фроте, я с этого предателя глаз не спущу, — угрюмо сказал Рахья.— Ничего, подберу надежный капкан на эту старую лису.

...Во время второго наступления генерала Юденича на Петроград белогвардейский шпион полковник Люндеквист был пойман с поличным, осужден и расстрелян. Узнав об этом, военный комиссар ударной группы Петроградского фронта Эйно Рахья сказал своему секретарю Эдуарду Вастену:

— Ну вот, наконец-то капкан и захлопнулся. Обидно только, что не поверили мне в мае месяце. Хоть я академии генштаба и не кончал, а воевать, как видишь, немножко научился и в ловушку этой сволочи Люндеквисту не попался. Все вышло как раз наоборот. Надо будет об этом Владимиру Ильичу доложить — весьма поучительный с точки зрения классовой бдительности и непримиримости случай. Он меня с полуслова поймет. И сильно посмотрит на это дело...

СОДЕРЖАНИЕ

КОНДРАТЬЕВ НИКОЛАЙ ДМИТРИЕВИЧ

НАДЕЖНЫЙ ТОВАРИЩ

Для среднего школьного возраста

Редактор *В. И. Алексеева*. Художественный редактор *Р. С. Киселева*. Технический редактор *Л. В. Шевченко*. Корректор *В. Н. Куринная*

Сдано в набор 9/III 1967 г. Подписано к печати 24/V 1967 г. Е 00397 Бумага 84×108[1]/[32]. № 3. 5,62 печ. л. 9,44 усл. печ. л. 9,67 уч.-изд. л. Изд. № 54. Тираж 100 000. Цена 38 коп. Заказ 484.

Карельское книжное издательство. Петрозаводск, пл. им. В. И. Ленина. 1

Сортавальская книжная типография Управления по печати при Совете Министров Карельской АССР, Сортавала, Карельская, 42.

Цена 38 коп.

Н. КОНДРАТЬЕВ • НАДЕЖНЫЙ ТОВАРИЩ